

АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ

ТОЛСТОЙ

СЕМЬЯ ВУРДАЛАКА

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

р у с с к а я   к л а с с и к а

Алексей Константинович Толстой

Семья вурдалака (сборник)

Алексей Константинович Толстой писал прозу редко — в сущности, все его непоэтическое художественное наследие составляют роман «Князь Серебряный» и несколько рассказов. Однако эти рассказы занимают поистине выдающееся место в готической литературе и демонстрируют удивительное сочетание знакомства автора с лучшими европейскими образцами жанра и национальной оригинальности восприятия.

В рассказах Толстого встают из могил жестокие упыри и охотятся на живых кровожадные вампиры-вурдалаки, оживают призраки и лица на портретах, случаются опасные и странные чудеса и царит атмосфера мрачной тайны и пугающей обреченности, не уступающая лучшим образцам европейской готики. Вторую часть сборника составляют баллады, тоже посвященные мистическим темам — оборотням и чудовищам, переходам из тела в тело и древнерусским витязям, вступающим в смертельную схватку с загадочными порождениями Тьмы.

Содержание

#1	0005
Упырь	0006
Семья вурдалака Неизданный отрывок из записок неизвестного [9]	0144
Амена	0200
Встреча через триста лет	0244
Волки	0289
Князь Ростислав	0291
Богатырь	0293
Змей Тугарин	0300
Поток-богатырь	0311
Портрет	0325
Дракон Рассказ XII века (с итальянского) . . .	0369
Вихорь-конь	0415
Сказка про короля и монаха	0420

Алексей Толстой
Семья вурдалака
(сборник)

© Перевод. А. Федоров, наследники, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Упырь

Бал был очень многолюден. После шумного Бвальса Руневский отвел свою даму на ее место и стал прохаживаться по комнатам, поглядывая на различные группы гостей. Ему бросился в глаза человек, по-видимому, еще молодой, но бледный и почти совершенно седой. Он стоял, прислонясь к камину, и с таким вниманием смотрел в один угол залы, что не заметил, как пола его фрака дотронулась до огня и начала куриться. Руневский, возбужденный странным видом незнакомца, воспользовался этим случаем, чтоб завести с ним разговор.

— Вы, верно, кого-нибудь ищете, — сказал он, — а между тем ваше платье скоро начнет гореть.

Незнакомец оглянулся, отошел от камина и, пристально посмотрев на Руневского, ответил:

— Нет, я никого не ищу; мне только странно, что на сегодняшнем балу я вижу упырей!

— Упырей? — повторил Руневский. — Как упырей?

— Упырей, — подтвердил очень хладнокровно незнакомец. — Вы их, бог знает почему, называете вампирами, но я могу вас уверить, что им настоящее русское название «упырь», а так как они происхождения чисто славянского, хотя встречаются во всей Европе и даже в Азии, то и неосновательно придерживаться имени, исковерканного венгерскими монахами, которые вздумали было все переворачивать на латинский лад и из упыря сделали вампира. Вампир, вампир! — повторил он с презрением. — Это все равно, что если бы мы, русские, говорили вместо «привидения» «фантом» или «ревенант»!

— Но каким бы образом попали сюда вампиры или упыри? — спросил Руневский.

Вместо ответа незнакомец протянул руку и указал на пожилую даму, которая разговаривала с другою дамою и приветливо поглядывала на молодую девушку, сидевшую возле нее. Разговор, очевидно, касался девушки, ибо она время от времени улыбалась и слегка краснела.

— Знаете ли вы эту старуху? — спросил он Руневского.

— Это бригадирша Сугробина, — ответил тот. — Я ее лично не знаю, но мне говорили, что она очень богата и что у нее недалеко от Москвы есть прекрасная дача совсем не в бригадирском вкусе.

— Да, она точно была Сугробина несколько лет назад, но теперь она не что иное, как самый гнусный упырь, который только ждет случая, чтобы насытиться человеческою кровью. Смотрите, как она глядит на эту бедную девушку: а ведь это ее родная внучка. Послушайте, что говорит старуха: она ее расхваливает и уговаривает приехать недели на две к ней на дачу, на ту самую дачу, про которую вы говорите, — но я вас уверяю, что не пройдет и трех дней, как бедняжка умрет. Доктора скажут, что это горячка или воспаление легких, но вы им не верьте!

Руневский слушал и не верил ушам своим.

— Вы сомневаетесь? — продолжал тот. — Никто, однако, лучше меня не может доказать, что Сугробина упырь, ибо я был на ее похоронах. Если бы меня тогда послушались, то ей бы вбили осиновый кол между плечами для предосторожности. Ну да что прикажете?

Наследники были в отсутствии, а чужим какое дело...

В эту минуту подошел к старухе какой-то оригинал в коричневом фраке, в парике, с большим Владимирским крестом на шее и со знаком отличия за сорок пять лет беспорочной службы. Он держал обеими руками золотую табакерку и еще издали протягивал ее бригадирше.

— И это упырь? — спросил Руневский.

— Без сомнения, — отвечал незнакомец. — Это статский советник Теляев, большой приятель Сугробиной, который умер двумя неделями прежде нее.

Приблизившись к бригадирше, Теляев улыбнулся и шаркнул ногой. Старуха также улыбнулась и, опустив пальцы в табакерку статского советника, спросила:

— С донником, мой батюшка?

— С донником, сударыня, — отвечал сладким голосом Теляев.

— Слышите? — сказал незнакомец Руневскому. — Это слово в слово их ежедневный разговор, когда они еще были живы. Теляев всякий раз, встречаясь с Сугробиной, подно-

сил ей табакерку, из которой она брала щепотку, спросив наперед, с донником ли табак. Тогда Теляев отвечал, что с донником, и сел рядом с ней.

— Скажите мне, — спросил Руневский, — каким образом вы узнаете, кто упырь, а кто нет?

— Это совсем не мудрено. Что касается этих двух, то я не могу в них ошибаться, потому что знал их еще прежде смерти, и (мимоходом буде сказано) немало удивился, встретив их между людьми, которым они довольно известны. Надобно признаться, что на это нужна удивительная дерзость. Но вы спрашиваете, каким образом узнавать упырей? Заметьте только, как они, встречаясь друг с другом, щелкают языком. Это по-настоящему не щелканье, а звук, похожий на тот, который производят губами, когда сосут апельсин. Это их условный знак, и так они друг друга узнают и приветствуют.

Тут к Руневскому подошел один щеголь и напомнил ему, что он его *vis-a-vis*[1]. Все пары уже стояли на месте, и так как у Руневского еще не было дамы, то он поспешил пригла-

ситъ ту молодую девушку, которой незнакомец пророчил скорую смерть, ежели она согласится ехать к бабушке на дачу. Во время танца он имел случай рассмотреть ее с примечанием. Она была лет семнадцати; черты лица ее, уже сами по себе прекрасные, имели какое-то необыкновенно трогательное выражение. Можно было подумать, что тихая грусть составляет ее постоянный характер, но когда Руневский, разговаривая с нею, касался смешной стороны какого-нибудь предмета, выражение это исчезало, а вместо него появлялась самая веселая улыбка. Все ответы ее были остроумны, все замечания — разительны и оригинальны. Она смеялась и шутила без всякого злословия и так чистосердечно, что даже те, которые служили целью ее шуток, не могли бы рассердиться, если б они их слышали. Видно было, что она не гоняется за мыслями и не изыскивает выражений, но что первые рождаются внезапно, а вторые приходят сами собою. Иногда она забывалась, и тогда опять облако грусти помрачало ее чело. Переход от веселого выражения к печальному и от печального к веселому составлял

странную противоположность. Когда стройный и легкий стан ее мелькал между танцующими, Руневскому казалось, что он видит не существо земное, но одно из тех воздушных созданий, которые, как уверяют поэты, в месячные ночи порхают по цветам, не сгибая их под своей тяжестью. Никогда никакая девушка не производила на Руневского такого сильного впечатления, и тотчас после танца он попросил, чтоб его представили ее матери.

Вышло, что дама, разговаривавшая с Сугробиной, была не мать ее, а какая-то тетка, которую звали Зориной и у которой она воспитывалась. Руневский узнал после, что девушка уже давно сирота. Сколько он мог заметить, тетка ее не любила. Бабушка ее ласкала и называла своим сокровищем, но трудно было угадать, от чистого ли сердца происходили ее ласки. Сверх этих двух родственниц у нее никого не было на свете. Одинокое положение бедной девушки еще более возбудило участие Руневского, но, к сожалению его, он не мог продолжать с ней разговора. Толстая тетка, после нескольких пошлых вопросов, представила его своей дочери, жеманной ба-

рышне, которая тотчас им завладела.

— Вы много смеялись с моей кузиной, — сказала она ему. — Кузина любит смеяться, когда бывает в духе. Я чаю, всем от нее досталось?

— Мы мало говорили о присутствующих, — отвечал Руневский. — Разговор наш более касался Французского театра.

— Право? Но признайтесь, что наш театр не заслуживает даже, чтоб его бранили. Я всегда страх как скучаю, когда туда езжу, но делаю это для кузины; маменька по-французски не понимает, и для нее все равно, есть ли театр или нет, а бабушка и слышать про него не хочет. Вы еще не знаете бабушки: это в полном смысле слова бригадирша. Поверите ли, она сожалеет, что мы более не пудримся.

Софья Карповна (так называли барышню), посмеявшись насчет бабушки и желая ослепить Руневского своею колкостью, перешла и к прочим гостям. Более всех от нее доставалось одному маленькому офицеру с черными усами, который очень высоко прыгал, танцуя французскую кадрили.

— Посмотрите, пожалуйста, на эту фигу-

ру, — говорила она Руневскому. — Можно ли видеть что-нибудь смешнее ее и можно ли для нее придумать фамилию приличнее той, которой она гордится: его зовут Фрышкин! Это самый несносный человек в Москве, и, что всего досаднее, он себя считает красавцем и думает, что все в него влюблены. Смотрите, смотрите, как его эполеты хлопают о плечи! Мне кажется, он скоро проломает паркет!

Софья Карповна продолжала злословить всех и каждого, а Фрышкин между тем, приняв сердитый вид и закручивая усы, прыгал самым отчаянным образом. Руневский, глядя на него, не мог удержаться от смеха. Софья Карповна, ободренная его веселостью, удвоила свое злословие насчет бедного Фрышкина. Наконец Руневскому удалось избавиться от докучливой собеседницы. Он подошел к ее толстой матери, попросил позволения ее навещать и завел разговор с бригадиршей.

— Смотри ж, мой батюшка, — сказала ему ласково старуха, — к Зориной-то ходи, к Федосье Акимовне, да и меня, грешную, не забывай. Ведь не все ж с молодежью-то балагурить! В наше время не то было, что теперь:

тогда молодые люди меньше франтили да больше слушали стариков; куцых-то фраков не носили, а не хуже вашего одевались. Ну, не в укор тебе сказать, а на что ты похож, мой батюшка, со своими хвостиками-то? Птица не птица, человек не человек! Да и обхождение-то было другое: учтивее люди были, нечего сказать! А офицеры-то не ломались на балах, вот как этот Фрышкин, а дрались-то не хуже ваших. Вот как покойный мой Игнатий Савельич, бывало, начнет рассказывать, как они под турку-то ходили, так индо слушать страшно. Мы, говорит, стоим себе на Дунае, говорит, с графом Петром Александровичем, а на той стороне турка стоит; наших-то не много, да и все почти новички, а ихних-то тьма-тьмуца. Вот от матушки-государыни повеленье пришло к графу: перейди, дескать, через Дунай да разбей басурмана! Нечего делать, не хотелось графу, а послушался, перешел через Дунай, с ним и мой Игнатий Савельич. В наше время не рассуждали, мой батюшка: куда велят идти, туда и шли. Вот стали осаждать крепость-то басурманскую, что зовут Силистрией, да силы не хватило: начал отступать

граф Петр Александрович, а они-то, некрести, и заслонили ему дорогу. Прищемили его между тремя армиями; тут бы ему и живот кончить, да и моему Игнатью Савельичу с ним, если б немец-то, Вейсман, не выручил. Напал он на тех, что переправу-то стерегли, да и разбил в пух супостата, даром что немец. Тут же и Игнатий Савельич был, и ногу ему прострелили басурманы, а Вейсмана-то убили совсем. Что ж, мой батюшка? Граф-то переправился на свою сторону да тотчас и начал готовиться опять к бою с некрестями! Не уступлю, дескать; знай наших! Вот каковы, мой батюшка, в старину люди-то были, не вашим чета, даром что куцых-то фраков не носили, не в укор тебе буде сказано!

Старуха еще много говорила про старину, про Игнатия Савельича и про Румянцева.

— Вот приехал бы ты ко мне на дачу, — сказала она ему под конец, — я бы тебе показала портрет и графа Петра Александровича, и князя Григория Александровича, и моего Игнатья Савельича. Живу я не так, как жили прежде: не то теперь время, — а гостям всегда рада. Кто меня вспомнит, тот и завер-

нет ко мне в Березовую Рощу, а мне-то оно и любо. Семен Семенович, — прибавила она, указывая на Теляева, — меня также не забывает и через несколько дней обещался ко мне приехать. Вот и моя Дашенька у меня погостит; она доброе дитя и не оставит своей старой бабушки. Не правда ли, Даша?

Даша молча улыбнулась, а Семен Семенович поклонился Руневскому, вынул из кармана золотую табакерку, обтер ее рукавом и поднес ему обеими руками, сделав при этом шаг назад, вместо того чтоб сделать его вперед.

— Рад служить, рад служить, матушка Марфа Сергеевна, — сказал он сладким голосом бригадирше, — и даже... если бы... в случае... то есть...

Тут Семен Семенович щелкнул точно так, как описывал незнакомец, и Руневский невольно вздрогнул, вспомнив о странном человеке, с которым разговаривал в начале вечера, и, увидев его на том же месте, возле камина, обратился к Сугробиной и спросил ее: не знает ли она, кто он? Старуха вынула из мешка очки, протерла их платком, надела на

нос и, поглядев на незнакомца, ответила:

— Знаю, батюшка, знаю: это господин Рыбаренко. Он родом малороссиянин и из хорошей фамилии, только он, бедняжка, уж три года как помешался в уме. А все это от модного воспитания. Ведь кажется, еще молоко на губах не обсохло, а надо было поехать в чужие края! Пошатался там года с два да и приехал с умом наизнанку. — Сказав это, она своротила разговор на кампании Игнатия Савельича.

Вся тайна обращения господина Рыбаренко объяснилась теперь в глазах Руневского. Он был сумасшедший, бригадирша Сугроби-на — добрая старушка, а Семен Семенович Теляев не что иное, как оригинал, который щелкал только потому, что заикался, или потому, что у него не доставало зубов.

Прошло несколько дней после бала, и Руневский короче познакомился с тетужкой Дашей. Сколько Даша ему нравилась, столько же он чувствовал отвращения к Федосье Акимовне Зориной. Она была женщина лет сорока пяти, замечательно толстая, очень неприятной наружности и с большими притязания-

ми на щегольство и на светское обращение. Недоброжелательство ее к племяннице, которое, несмотря на свои старания, она часто не могла скрыть, Руневский приписал тому, что собственная ее дочь, Софья Карповна, не имела ни Дашиной красоты, ни молодости. Софья Карповна, казалось, сама это чувствовала и старалась всячески отомстить своей сопернице. Она была так хитра, что никогда открыто не злословила, но пользовалась всеми случаями, когда могла неприметно подать о ней невыгодное мнение. Между тем Софья Карповна притворялась ее искреннею приятельницею и с жаром извиняла ее мнимые недостатки.

Руневский заметил с самого начала, что ей очень хочется его пленить, и сколько это ни было ему неприятно, но он почел за нужное не показывать, до какой степени она ему противна, и старался обходиться с нею как можно учтивее.

Общество, посещавшее дом Зориной, состояло из людей, которых не встречали в высших кругах и из коих бóльшая часть, по примеру хозяйки дома, проводила время в сплет-

нях и злословии. Среди всех этих лиц Даша являлась как светлая птичка, залетевшая из цветущей стороны в темный и неопрятный курятник. Но, хотя она не могла не чувствовать пред ними своего превосходства, ей и в мысль не приходило чуждаться или пренебрегать людьми, коих привычки и воспитание так мало согласовывались с тем родом жизни, для которого она была рождена. Руневский удивлялся ее терпению, когда из снисхождения к старикам она слушала их длинные рассказы, не занимавшие ее ни сколько; удивлялся ее постоянной приветливости к этим барыням и барышням, из коих бóльшая часть не могла ее терпеть. Не раз также он был свидетелем, как она, со всей приличной скромностью, иногда одним только взглядом, удерживала молодых франтов в границах должной почтительности, когда в разговорах с нею им хотелось забыться. Мало-помалу Даша привыкла к Руневскому. Она уже не старалась скрыть своей радости при его посещениях; казалось, внутреннее чувство говорило ей, что она может положиться на него как на верного друга. Доверенность ее

с каждым днем возрастала; она уже поверяла ему иногда свои маленькие печали и, наконец, однажды призналась, как несчастлива в доме своей тетки.

— Я знаю, — сказала она, — что они меня не любят и что я в тягость; вы не поверите, как это меня мучит. Хотя я с другими смеюсь и бываю весела, но зато как часто, наедине, я горько плачу!

— А ваша бабушка? — спросил Руневский.

— О, бабушка совсем другое дело! Она меня любит, всегда меня ласкает и не иначе со мной обходится, когда мы одни, как при чужих. Кроме бабушки и еще старой маменькиной гувернантки, я думаю, нет никого, кто бы меня любил! Эту гувернантку зовут Клеопатрой Платоновной: она меня знала еще ребенком, только с ней я и могу разговаривать про маменьку. Я так рада, что увижу ее у бабушки на даче. Не правда ли, вы также туда заедете?

— Непременно приеду, если это вам не будет неприятно.

— О, напротив! Не знаю почему, хотя я с вами знакома только несколько дней, но мне

кажется, будто бы я вас знаю уж так давно, так давно, что и не припомню, когда мы в первый раз виделись. Может быть, это оттого, что вы мне напоминаете двоюродного брата, которого я люблю как родного и который теперь на Кавказе.

Однажды Руневский застал Дашу с заплаканными глазами. Боясь ее еще более расстроить, он притворился, будто ничего не замечает, и начал разговаривать об обыкновенных предметах. Даша хотела отвечать, но слезы брызнули из ее глаз, она не могла выговорить ни слова, закрыла лицо платком и убежала из комнаты.

Через некоторое время вошла Софья Карповна и стала извинять Дашу в странности ее поступка.

— Мне самой стыдно за сестрицу, — сказала она, — но это такой ребенок, что малейшая безделица может привести ее в слезы. Сегодня ей очень хотелось ехать в театр, но, к несчастью, никак не могли достать ложи, и это ее так расстроило, что она еще долго не утешится. Впрочем, ежели бы знали все ее хорошие качества, вы бы ей охотно простили

эти маленькие слабости. Я думаю, нет на свете существа добрее ее. Кого она любит, тот хоть сделай преступление, она найдет средство его извинить и уверить всех, что он прав. Зато уж об ком она дурного мнения, того она не оставит в покое и всем расскажет, что она об нем думает.

Таким образом, Софья Карпова, расхваливая бедную Дашу, успела намекнуть Руневскому, что она малодушна, пристрастна и несправедлива. Но слова ее не произвели на него никакого впечатления: он в них видел одну только зависть, — и вскоре удостоверился, что не ошибся в своем предположении.

— Вам, вероятно, показалось странным, — сказала ему на другой день Даша, — что я от вас ушла, когда вы со мной говорили; но, право, я не могла сделать иначе. Я нечаянно нашла письмо от моей бедной маменьки: теперь уж девять лет, как она скончалась, — я была еще ребенком, когда его получила, и оно мне так живо напомнило время моего детства, что я не могла удержаться от слез, когда при вас об нем подумала. Ах как я тогда была счастлива! Как я радовалась, когда получила

это письмо! Мы тогда были в деревне, маменька писала из Москвы и обещалась скоро приехать. Она в самом деле приехала на другой день и застала меня в саду. Я помню, как вырвалась из рук нянюшки и бросилась к маменьке на шею.

Даша остановилась и некоторое время молчала, словно забывшись, потом продолжила:

— Вскоре потом маменька вдруг, без всякой причины, сделалась больна, стала худеть и чахнуть и через неделю скончалась. Добрая бабушка до самой последней минуты от нее не отходила. Она по целым ночам сидела у ее кровати и за ней ухаживала. Я помню, как в последний день ее платье было покрыто маменькиной кровью. Это на меня сделало ужасное впечатление, но мне сказали, что маменька умерла от чахотки и кровохарканья. Вскоре я переехала к тетушке, и тогда все переменилось!

Руневский слушал Дашу с большим участием. Он старался превозмочь свое смущение, но слезы показались на его глазах, и, не будучи в состоянии удержать долее порыва

своего сердца, он схватил ее руку и крепко сжал.

— Позвольте мне быть вашим другом, — вскричал он, — положитесь на меня! Я не могу вам заменить той, которую вы потеряли, но, клянусь честью, буду вам верным защитником, доколе останусь жив!

Он прижал ее руку к горячим устам, она приклонила голову к его плечу и тихонько заплакала. Чьи-то шаги послышались в ближайшей комнате.

Даша легонько оттолкнула Руневского и сказала ему тихим, но твердым голосом:

— Оставьте меня; я, может быть, дурно сделала, что предалась своему чувству, но не могу себе представить, что вы чужой: внутренний голос мне говорит, что вы достойны доверия.

— Даша, любезная Даша! — вскричал Руневский. — Еще одно слово! Скажите, что вы меня любите, и я буду самый счастливый смертный!

— Можете ли вы в этом сомневаться? — ответила она спокойно и вышла из комнаты, оставив его пораженным этим ответом и в

недоумении, поняла ли она точный смысл его слов.

В тридцати верстах от Москвы находится село Березовая Роща. Еще издали виден большой каменный дом, выстроенный по-старинному и осененный высокими липами, главным украшением просторного сада, который расположен на покатом пригорке, в регулярном французском вкусе.

Никто, видя этот дом и не зная его истории, не мог бы подумать, что он принадлежит той самой бригадирше, которая рассказывает про походы Игнатия Савельича и нюхает русский табак с донником. Здание было легким и вместе с тем величественным; можно было с первого взгляда угадать, что его строил итальянский архитектор, ибо оно во многом напоминало прекрасные виллы Ломбардии или окрестностей Рима. В России, к сожалению, мало таких домов, но они вообще отличаются своею красотою, как настоящие образцы хорошего вкуса прошедшего века, а дом Сутробиной можно бесспорно назвать первым в этом роде.

В один теплый июльский вечер окна казались освещенными ярче обыкновенного, и даже, что редко случалось, в третьем этаже видны были блуждающие огни, переходящие из одной комнаты в другую.

В это время на дороге показалась коляска, которая, поравнявшись с дачею, въехала через длинную аллею на господский двор и остановилась перед подъездом дома. К ней подбежал казачок в изорванном платье и помог выйти Руневскому.

Когда Руневский вошел в комнату, увидел множество гостей, из которых иные играли в вист, а другие разговаривали между собою. К числу первых принадлежала сама хозяйка, и против нее сидел Семен Семенович Теляев. В одном углу комнаты накрыт был стол с огромным самоваром, и за ним заседала пожилая дама, та самая Клеопатра Платоновна, о которой Руневскому говорила Даша. Она казалась одних лет с бригадиршей, но бледное лицо ее выражало глубокую горесть, как будто бы ее тяготила страшная тайна.

При входе Руневского бригадирша ласково его приветствовала.

— Спасибо тебе, батюшка, — сказала она, — что ты не забыл меня, старуху. А я уж начинала думать, что ты совсем не приедешь. Садись-ка возле нас, да выпей чайку, да расскажи нам, что у нас нового в городе.

Семен Семенович сделал Руневскому очень оригинальный поклон, коего характер невозможно выразить словами, и, вынув из кармана свою табакерку, сказал ему сладким голосом:

— Не прикажете ли? Настоящий русский, с донником. Я французского не употребляю, этот гораздо здоровее, да и к тому ж... в рассуждении насморка...

Громкий удар языком окончил эту фразу, и щелканье старого чиновника обратилось в неопределенное сосание.

— Покорно благодарю, — ответил Руневский, — я табаку не нюхаю.

Но бригадирша бросила недовольный взгляд на Теляева и, обратившись к соседке, сказала вполголоса:

— Что за неприятная привычка у Семена Семеновича вечно щелкать. Уж я бы на его месте вставила себе фальшивый зуб да гово-

рила бы, как другие.

Руневский очень рассеянно слушал и бригадиршу, и Семена Семеновича. Взор его искал Дашу, и он увидел ее в кругу других девушек возле чайного стола. Она приняла его с обыкновенной своей приветливостью и спокойствием, которое могло бы показаться равнодушием. Что касается до Руневского, ему было трудно скрыть свое смущение, и неловкость, с которой он отвечал на ее слова, можно было принять за замешательство. Вскоре, однако, он оправился; его представили некоторым дамам, и он стал с ними разговаривать как ни в чем не бывало.

Все в доме бригадирши ему казалось необычайным: богатое убранство высоких комнат, освещенных сальными свечами; картины итальянской школы, покрытые пылью и паутиной; столы из флорентийской мозаики, на которых валялись недовязанные чулки, ореховая скорлупа и грязные карты, — все это, вместе с простонародными приемами гостей, со старосветскими разговорами хозяйки и со щелканьем Семена Семеновича, составляло самую странную смесь.

Когда приняли самовар, девушки захотели во что-нибудь играть и предложили Руневскому сесть за их стол.

— Давайте гадать, — сказала Даша. — Вот какая-то книга; каждая из нас должна по очереди ее раскрыть наудачу, а другая — назвать любую строчку с правой или с левой стороны. Содержание будет для нас пророчеством. Например, я начинаю. Господин Руневский, назовите строчку.

— Седьмая на левой стороне, считая снизу.

Даша прочитала:

— «Пусть бабушка внучкину высосет кровь».

— Ах, боже мой! — вскричали девушки смеясь. — Что это значит? Прочитайте это сначала, чтобы можно было понять!

Даша передала книгу Руневскому. Это был какой-то манускрипт, и он начал читать:

*Как филин поймал летучую
мышь,
Когтями сжал ее кости,
Как рыцарь Амвросий с толпой
удальцов
К соседу собирается в гости.*

Хоть много цепей и замков у во-
рот,
Ворота хозяйка гостям отопрет.
«Что ж, Марфа, веди нас, где
спит твой старик?
Зачем ты так побледнела?
Под замком кипит и клубится
Дунай,
Ночь скроет кровавое дело.
Не бойся, из гроба мертвец не
встает,
Что будет, то будет, — веди нас
вперед!»
Под замком бежит и клубится
Дунай,
Бегут облака полосою;
Уж кончено дело, зарезан старик,
Амвросий пирует с толпою.
В кровавые воды глядится луна,
С Амвросьем пирует злодейка же-
на.
Под замком бежит и клубится
Дунай,
Над замком пламя пожара.
Амвросий своим удальцам гово-
рит:
«Всех резать от мала до стара!
Не сетуй, хозяйка, и будь веселей,

Сама ж ты впустила веселых гостей!»

Сверкая, клубясь, отражает Дунай

Весь замок, пожаром объятый;
Амвросий своим удальцам говорит:

«Пора уж домой нам, ребята!
Не сетуй, хозяйка, и будь веселей,
Сама ж ты впустила веселых гостей!»

Над Марфой проклятие мужа гремит,

Он проклял ее, умирая:

«Чтоб сгинула ты и чтоб сгинул
твой род,

Сто раз я тебя проклинаяю!

Пусть вечно иссякнет меж вами
любовь,

Пусть бабушка внучкину высосет
кровь!

И род твой проклятье мое да гнетет,

И места ему да не станет

Дотоль, пока замуж портрет не
пойдет,

Невеста из гроба не встанет,

И, череп разбивши, не ляжет в

*крови
Последняя жертва преступной
любви!»
Как филин поймал летучую
мышь,
Когтями сжал ее кости,
Как рыцарь Амвросий с толпой
удальцов
К соседу нахлынули в гости.
Не сетуй, хозяйка, и будь веселей,
Сама ж ты впустила веселых го-
стей!*

Руневский замолчал, и ему опять пришли в голову слова того человека, которого он видел некоторое время назад на балу и который в свете слыл сумасшедшим. Пока он читал, Сугробина, сидя за карточным столом, со вниманием слушала, а когда он закончил, сказала:

— Что ты, мой батюшка, там за страсти читаешь? Уж не вздумал ли ты пугать нас, отец мой?

— Бабушка, — ответила Даша, — я сама не знаю, что это за книга. Сегодня в моей комнате передвигали большой шкаф, и она упала с самого верха.

Семен Семенович Теляев мигнул бригадирше и, повернувшись на стуле, сказал:

— Это, должно быть, какая-нибудь аллегория, что-нибудь такое метафорическое, гм!.. фантазия!..

— То-то, фантазия! — проворчала старуха с недовольным видом. — В наше время фантазий-то не писали, да никто бы их и читать не захотел! Вот что вздумали! Придет же в голову писать стихи про летучих мышей! Я их смерть как боюсь, да и филинов тоже. Нечего сказать, не трус был и мой Игнатий Савельич, как под турку-то ходил, а мышей и крыс терпеть не мог: такая у него уж натура была, — а все это с тех пор, как им в Молдавии крысы житья не давали. И провизию-то, мой батюшка, и амуницию — все поели. Бывало, заснешь, говорит, в палатке-то, ан крысы придут да за самую косу теребят. Тогда-то косы еще носили, мой батюшка, не то что теперь, взъероша волосы, ходят.

Даша шутила над предсказанием, а Руневский старался прогнать странные мысли, теснившиеся в голове, и ему удалось себя уверить, что ответственность читанных им

стихов со словами господина Рыбаренко не что иное, как случай. Они продолжали гадать, а старики между тем кончили вист и встали из-за столов.

К крайней досаде Руневского, ему ни разу не удалось поговорить с Дашей так, чтобы их не слышали другие. Его мучила неизвестность: он знал, что Даша на него смотрит как на друга, но не был уверен в ее любви и не хотел просить руки ее, не получив на то позволения от нее самой.

В продолжение вечера Теляев несколько раз принимался щелкать, со значительным видом посматривая на Руневского.

Около одиннадцати часов гости начали расходиться. Руневский простился с хозяйкою, и Клеопатра Платоновна, позвав одного лакея, коего пунцовый нос ясно обнаруживал пристрастие к крепким напиткам, приказала отвести гостя в приготовленную для него квартиру.

— В зеленых комнатах? — спросил питомец Бахуса.

— Разумеется, в зеленых! — отвечала Клеопатра Платоновна. — Разве ты забыл, что в

других нет места?

— Да-да, — проворчал лакей, — в других нет места. Однако с тех пор, как скончалась Прасковья Андреевна, в этих никто еще не жил!

Разговор этот напомнил Руневскому несколько сказок о старинных замках, обитаемых привидениями. В этих сказках обыкновенно путешественник, застигнутый ночью на дороге, останавливается у одинокой корчмы и требует ночлега, но хозяин ему объявляет, что корчма уже полна проезжими, но что в замке, коего башни торчат из-за густого леса, он найдет покойную квартиру, если только он человек нетрусливого десятка. Путешественник соглашается, и целую ночь привидения не дают ему заснуть.

Вообще когда Руневский вступил в дом Сугробиной, странное чувство им овладело, как будто что-то необыкновенное должно с ним случиться в этом доме. Он приписал это влиянию слов Рыбаренко и особенному расположению духа.

— Впрочем, мне все равно, — продолжал лакей, — в зеленых так в зеленых!

— Ну-ну, возьми свечку и не умничай!

Лакей взял свечку и повел Руневского во второй этаж. Прошедши несколько ступенек, он оглянулся и, увидев, что Клеопатра Платоновна ушла, стал громко сам с собой разговаривать:

— Не умничай! Да разве я умничаю? Какое мне дело до их комнат? Разве с меня мало передней? Гм, не умничай! Вот кабы я был генеральша, так я бы, разумеется, их не запирал, велел бы освятить, да и принимал бы в них гостей или сам жил. А то на что они? Какой от них прок?

— А что это за комнаты? — спросил Руневский.

— Что за комнаты? Позвольте, я вам сейчас растолкую. Блаженной памяти Прасковья Андреевна, — сказал он набожным голосом, остановясь среди лестницы и подымая глаза кверху, — дай Господь ей царство небесное...

— После, после расскажешь, — сказал Руневский, — прежде проводи меня.

Он вошел в просторную комнату с высоким камином, в котором уже успели разложить огонь. Предосторожность эта, казалось,

была взята не столько против холода, как для того, чтобы очистить спертый воздух и дать старинному покою более жилой вид. Руневского поразила женский портрет, висевший над диваном, близ небольшой затворенной двери. То была девушка лет семнадцати, в платье на фижмах, с короткими рукавами, обшитыми кружевом, напудренная и с розовым букетом на груди. Если бы не старинное одеяние, он бы непременно принял этот портрет за Дашин. Тут были все ее черты, ее взгляд, ее выражение.

— Чей это портрет? — спросил он лакея.

— Это она-то и есть, покойница Прасковья Андреевна. Господа говорят, что они похожи на Дарью Васильевну-с, но, признательно сказать, я тут сходства большого не вижу: у этой волосы напудренные-с, а у Дарьи Васильевны они темно-русого цвета. К тому же Дарья Васильевна так не одеваются, это старинный манер!

Руневский не считал за нужное опровергать логические рассуждения своего чичероне, но ему очень хотелось знать, кто была Прасковья Андреевна, и он спросил о ней у лакея.

— Прасковья Андреевна была сестрица бабушки теперешней генеральши-с. Они, извольте видеть, были еще невесты какого-то... как бишь его!.. ну, провал его возьми!.. Приехал он из чужих краев, скряга был такой пре-страшный!.. Я-то его не помню, а так пона-слышке знаю, бог с ним! Он-то, изволите ви-деть, и дом этот выстроил, а наши господа уже после всю дачу купили. Вот для него да для Прасковьи Андреевны приготовили эти покои, что мы называем зелеными, отделали их получше, оббили полы коврами, а стены обвешали картинами и зеркалами. Вот уже все было готово, как за день перед свадьбою жених вдруг пропал. Прасковья Андреевна тужи-ли, тужили, да с горя и скончались. А ма-тушка, вишь, их — это, выходит, бабушка на-шей генеральши — купили дом у наследни-ков, да и оставили комнаты, приготовленные для их дочери, точь-в-точь как они были при их жизни. Прочие покои несколько раз пере-делывали да обновляли, а до этих никто не смел и дотронуться. Вот и наша генеральша их до сих пор запирали, да, вишь, много нае-хало гостей, так негде было бы вашей мило-

сти ночевать.

— Но ты, кажется, говорил, что на месте генеральши велел бы освятить эти комнаты?

— Да, оно бы, сударь, и не мешало; куда лет шестьдесят никто крещеный не входил, там мудрено ли другим хозяевам поселиться?

Руневский попросил красноногого лакея, чтобы он теперь его оставил, но тот, казалось, был не очень расположен исполнить эту просьбу. Ему все хотелось рассказывать и рассуждать.

— Вот тут, — продолжил он, указывая на затворенную дверь возле дивана, — есть еще целый ряд покоев, в которых никто никогда не жил. Если б их отделать по-нынешнему да вынести из них старую мебель, так они были бы еще лучше тех, где живет барыня. Ну да что прикажете: сами господа не догадаются, а у нашего брата совета не спросят!

Чтобы от него скорее избавиться, Руневский всунул ему в руку целковый и сказал, что ему теперь хочется спать и что он желает остаться один.

— Чувствительнейше благодарим, — ответил лакей, — желаю вашей милости спокой-

ной ночи. Ежели вам что-нибудь, сударь, понадобится, извольте только позвонить, и я сейчас явлюсь к вашей милости. Ваш камердинер не то что здешний человек, им дом неизвестен, а мы, слава богу, впотьмах не споткнемся.

Он удалился, и Руневский еще слышал, как он, уходя с его человеком, толковал ему, сколь бы выгодно было, если бы бригадирша не запирала зеленых комнат.

Оставшись один, он заметил углубление в стене и в нем богатую кровать с штофными занавесами и высоким балдахинном, но либо из почтения к памяти той, для кого она была назначена, либо оттого, что ее считали беспокойною, ему приготовили постель на диване, возле маленькой затворенной двери.

Собираясь лечь, Руневский бросил еще взгляд на портрет, столь живо напоминавший ему черты, врезанные в его сердце, и подумал: «Вот картина, которая по всем законам фантастического мира должна ночью оживиться и повести меня в какое-нибудь подземелье, чтобы показать неотпетые свои кости!»

Но сходство с Дашей дало другое направление его мыслям. Потушив свечку, он старался заснуть, но никак не мог: мысль о Даше не давала ему покою. Он долго ворочался с боку на бок и наконец погрузился в какой-то полусон, где, как в тумане, вертелись перед ним: старая бригадирша, господин Рыбаренко, рыцарь Амвросий и Семен Семенович Теляев.

Тяжелый стон, вырвавшийся как будто из стесненной сильным отчаянием груди, его внезапно пробудил. Он открыл глаза и при свете огня, еще не погасшего в камине, увидел подле себя Дашу. Вид ее очень его удивил, но еще более поразило ее одеяние. На ней было совершенно такое платье, как на портрете Прасковьи Андреевны, к груди был приколот розовый букет, и в руке она держала старинное опахало.

— Вы ли это? — вскричал Руневский. — Об эту пору, в этом наряде!

— Мой друг, — ответила она, — если я вам мешаю, уйду прочь.

— Оставайтесь, оставайтесь! — возразил он. — Скажите, что вас сюда привело и чем я могу вам служить?

Она опять застонала, и стон этот был так странен и выразителен, что пронзил ему сердце.

— Ах, — сказала она, — мне не много времени остается с вами говорить: я скоро должна возвратиться туда, откуда пришла, — а там так жарко!

Она опустилась в кресло подле дивана, где лежал Руневский, и стала обмахивать себя опахалом.

— Где жарко? Откуда вы пришли? — спросил Руневский.

— Не спрашивайте меня, — ответила она, вздрогнув при его вопросе, — не говорите со мной об этом! Я так рада, что вас вижу, — прибавила она с улыбкой. — Вы долго здесь пробудете?

— Как можно дольше!

— И всегда будете здесь ночевать?

— Я думаю. Но зачем вы меня об этом спрашиваете?

— Для того, чтобы мне можно было говорить с вами наедине. Я всякую ночь сюда прихожу, но в первый раз вас здесь вижу.

— Это немудрено, я только сегодня прие-

хал.

— Руневский, — сказала она, помолчав, — окажите мне услугу. В углу, возле дивана, на этажерке есть коробочка; в ней вы найдете золотое кольцо; возьмите его и завтра обручитесь с моим портретом.

— Боже мой! — воскликнул Руневский. — Чего вы от меня требуете!

Она в третий раз застонала еще жалобнее, нежели прежде.

— Ради бога, — взмолился он, не в силах удержаться от внутреннего содрогания, — не шутите надо мной! Скажите, что вас сюда привело? Зачем вы так нарядились? Сделайте милость, поверьте мне свою тайну!

Он схватил ее руку, но сжал только холодные костяные пальцы и почувствовал, что держит руку остова.

— Даша, Даша! — закричал он в исступлении. — Что это значит?

— Я не Даша, — ответило насмешливым голосом привидение. — Отчего вы приняли меня за Дашу?

Руневский чуть не упал в обморок, но в эту минуту послышался сильный стук в дверь и

знакомый лакей вошел со свечою в руках.

— Чего изволите, сударь? — спросил он.

— Я тебя не звал.

— Да вы изволили позвонить. Вот и шнурок еще болтается!

Руневский в самом деле увидел шнурок от колокольчика, которого прежде не заметил, и в то же время понял причину своего испуга. То, что он принял за Дашу, был портрет Прасковьи Андреевны, а когда хотел взять ее за руку, схватил жесткую кисть шнурка, и ему показалось, что он держит костяные пальцы скелета.

Но он с нею разговаривал, она ему отвечала; он принужден был внутренне сознаться, что истолкование его не совсем естественно, и решил, что все виденное им — один из тех снов, которым на русском языке нет, кажется, приличного слова, но которые французы называют «cauchemar». Сны эти обыкновенно продолжаются и после пробуждения и часто, но не всегда, бывают сопряжены с давлением в груди. Отличительная их черта — ясность и совершенное сходство с действительностью.

Руневский отослал лакея и приготовился

уснуть, как вдруг лакей опять явился в дверях. Пионы на его носу уступили место смертельной бледности, он дрожал всем телом.

— Что с тобой? — спросил Руневский.

— Воля ваша, — ответил он, — я не могу ночевать в этом этаже и ни за что не войду опять в свою комнату!

— Да говори же: что в твоей комнате?

— Что в моей комнате? А то, что в ней сидит портрет Прасковьи Андреевны!

— Что ты говоришь! Это тебе показалось, оттого что ты пьян!

— Нет-нет, сударь, помилуйте! Я только хотел войти, как увидел, что она там, сердечная; прости меня, боже! Она сидела ко мне спиной, и я бы умер со страха, если б она оглянулась, да, к счастью, я успел тихонько уйти, и она меня не заметила.

В эту минуту вошел слуга Руневского и сказал дрожащим голосом:

— Александр Андреевич, здесь что-то нехорошо!

На вопрос Руневского он продолжал:

— Мы было поговорили с Яковом Антипычем, да и легли спать. Вдруг Яков Антипыч

мне говорят: «Ваш барин звонит!» Я, признаться, засыпал, да к тому ж Яков Антипыч не совсем были в пропорции, вот я и думаю себе, что им так показалось; перевернулся на другой бок да и захрапел. Чуть только захрапел, слышу — кто-то «шарк, шарк», — да как будто каблучками постукивает. Я открыл глаза, да уж не знаю, увидел ли что или нет, а так холодом и обдало; вскочил и пустился бежать по коридору. Теперь уж как прикажете, а позвольте мне ночевать где-нибудь в другом месте, хоть на дворе!

Руневский решился исследовать эту загадку. Надев халат, он взял в руку свечу и отправился туда, где, по словам Якова, была Прасковья Андреевна. Яков и слуга Руневского следовали за ним и дрожали от страха. Дошедши до полурастворенной двери, Руневский остановился. Всех его сил едва достало, чтобы выдержать зрелище, представившееся его глазам.

То самое привидение, которое он видел у себя в комнате, сидело тут в старинном кресле и казалось погруженным в размышления. Черты лица его были бледны и прекрасны,

ибо то были черты Даши, но оно подняло руку — и рука эта была костяная! Привидение долго на нее смотрело, потом горестно покачало головой и застонало.

Стон этот проник в самую глубину души Руневского.

Он, сам себя не помня, отворил дверь и увидел, что в комнате никого нет. То, что казалось ему привидением, было не что иное, как пестрая ливрея, повешенная через спинку кресла, которую издали можно было принять за сидящую женщину. Руневский не понимал, как он до такой степени мог обмануться. Но ни слуга его, ни лакей все еще не решались войти в комнату.

— Позвольте мне ночевать поближе к вам, — сказал лакей, — оно все-таки лучше. Да и к тому ж, если вы меня потребуете, буду у вас под рукою. Извольте только крикнуть: «Яков!»

— Позвольте уж и мне остаться с Яковом Антипычем, а то неравно...

Руневский воротился в свою спальню, а слуга его и лакей расположились за дверьми в коридоре. Остаток ночи Руневский провел

спокойно, но когда проснулся, он не мог забыть своего приключения.

Сколько он ни заговаривал о зеленых комнатах, но всегда бригадирша или Клеопатра Платоновна находили средство своротить разговор на другой предмет. Все, что он мог узнать, было то же, что ему рассказывал Яков: тетушка Сугробиной, будучи еще очень молода, должна была выйти за богатого иностранца, но за день перед свадьбою жених исчез, а бедная невеста занемогла от горести и вскоре умерла. Многие даже в то время уверяли, что она отравила себя ядом. Комнаты, назначенные для нее, остались в том же виде, как были первоначально, и никто до приезда Руневского не смел в них входить. Когда он удивлялся сходству старинного портрета с Дашей, Сугробина ему говорила:

— И немудрено, мой батюшка: ведь Прасковья-то Андреевна мне родная тетка, а я родная бабушка Даши. Так что ж тут необыкновенного, если они одна на другую похожи? А что с Прасковьей-то Андреевной несчастье случилось, так и этому нечего удивляться. Вышла бы за нашего, за русского, так и те-

перь бы еще жива была, а то полюбился ей бродяга какой-то! Нечего сказать, и в наше время иногда затмение на людей находило; только не прогневайся, батюшка, а все-таки умнее люди были теперешних!

Семен Семенович Теляев ничего не говорил, а только потчевал Руневского табаком и щелкал и сосал попеременно.

В этот день Руневский нашел случай объясниться с Дашей и открыл свое сердце старой бригадирше. Она сначала очень удивилась, но нельзя было заметить, чтобы его предложение ей было неприятно. Напротив того: она поцеловала его в лоб и сказала, что, с ее стороны, она не желает для своей внучки жениха лучше Руневского.

— А что касается Даши, — прибавила она, — то я давно заметила, что ты ей понравился. Да, мой батюшка, даром что старуха, а довольно знаю вашу братию молодежь! Впрочем, в наше время дочерей-то не спрашивали: кого выберет отец или мать, за того они и выходили, а право, женитьбы-то счастливее были! Да и воспитание было другое, не хуже вашего. И в наше время, отец мой, науками-то

не брезгали да фанаберии-то глупой девкам в голову не вбивали, оттого и выходили они поскромнее ваших попрыгуний-то. Вот и я, мой батюшка, даром что сама по-французски не говорю, а взяла же гувернантку для Дашиной матери, и учителя-то к ней ходили, и танцмейстер был. Всему научилась, нечего сказать, а все-таки скромной и послушной девушкой осталась. Да и сама-то я за Игнатья Савельича по воле отцовской вышла, а уж полюбила-то его как! Не наплачусь, бывало, как в поход ему идти придется, да нечего делать, сам, бывало, рассердится, как плакать-то начну. Что ты, говорит, Марфа Сергеевна, расхныкалась-то? На то я и бригадир, чтоб верой и правдой матушке-государыне служить! Не за печкой же сидеть мне, пока его сиятельство граф Петр Александрович будет с турками воевать! Ворочусь — хорошо! Не ворочусь — так уж по крайней мере долг свой исполню по-солдатски! А мундир-то какой красивый на нем был: весь светло-зеленый, шитый золотом, воротник алый, — сапоги как зеркало!.. Да что я, старуха, заболталась про старину-то! Не до того тебе, мой батюшка, не до того; по-

езжай-ка в Москву да попроси Дашиной руки у тетки ее, у Зориной Федосьи Акимовны: от нее Даша зависит, она опекунша. А когда Зорина-то согласится, тогда уж приезжай сюда женихом да поживи с нами. Надобно ж тебе покороче познакомиться с твоей будущей бабушкой!

Старуха еще много говорила, но Руневский уж ее не слушал: бросился в коляску и помчался в Москву.

Уже было поздно, когда Руневский приехал домой, и почел за нужное отложить свой визит к Дашиной тетушке до другого утра. Между тем сон его убегал, и он, пользуясь лунной ночью, пошел ходить по городу без всякой цели, единственно чтоб успокоить волнение своего сердца.

Улицы были уже почти пусты, лишь изредка раздавались на тротуарах поспешные шаги или сонно стучали о мостовую дрожки извозчиков. Вскоре и эти звуки утихли, и Руневский остался один посреди огромного города и самой глубокой тишины. Пройдя всю Моховую, он повернул в Кремлевский сад и

хотел идти еще дальше, как на одной скамье увидел человека, погруженного в размышления. Когда он поравнялся со скамьей, незнакомец поднял голову, месяц осветил его лицо, и Руневский узнал господина Рыбаренко. В другое время встреча с сумасшедшим не могла бы ему быть приятна, но в этот вечер, как будто нарочно, он все думал о Рыбаренко. Напрасно он сам себе повторял, что все слова этого человека не что иное, как бред расстроенного рассудка; что-то ему говорило, что Рыбаренко не совсем сумасшедший, что он, может быть, не без причины облекает здравый смысл своих речей в странные формы, которые для непосвященного должны казаться дикими и несвязными, но коими он, Руневский, не должен пренебрегать. Его даже мучила совесть за то, что он оставил Дашу одну в таком месте, где ей угрожала опасность.

Увидев его, Рыбаренко встал и, протянув руку, сказал, улыбаясь:

— У нас, видно, одни вкусы. Тем лучше! Сядем вместе и поболтаем о чем-нибудь.

Руневский молча опустился на скамью, и некоторое время оба сидели, не говоря ни сло-

ва.

Наконец Рыбаренко прервал молчание:

— Признайтесь, что, когда мы познакомились на балу, вы приняли меня за сумасшедшего?

— Не могу скрыть, — ответил Руневский, — что вы мне показались очень странным. Ваши слова, ваши замечания...

— Да-да, ничего удивительного в том, что я вам показался странным. Меня рассердили проклятые упыри. Да, впрочем, и было за что сердиться: я никогда не видывал такого бесстыдства. Что, вы после никого из них не встречали?

— Я был на даче бригадирши Сугробиной и видел там тех, которых вы называли упырями.

— На даче у Сугробиной? — повторил Рыбаренко. — Скажите, поехала ли к ней ее внучка?

— Она теперь у нее, я видел ее недавно.

— Как, и она еще жива?

— Конечно, жива. Не прогневайтесь, почтенный друг, но мне кажется, что вы сильно наклепали на бедную бригадиршу. Она пре-

добрая старушка и любит свою внучку от чистого сердца.

Рыбаренко, казалось, не слышал последних слов Руневского. Он приставил палец к губам с видом человека, ошибшегося в своем расчете, потом наконец сказал:

— Странно, упыри обыкновенно так долго не мешкают. А Теляев там?

— Там.

— Это меня еще более удивляет. Теляев принадлежит к самой лютой породе упырей: он куда кровожаднее Сугробиной. Но это так недолго продолжится, и если вы принимаете участие в бедной девушке, я вам советую взять свои меры как можно скорей.

— Воля ваша, — сказал Руневский, — я никак не могу думать, чтоб вы говорили серьезно. Ни старая бригадирша, ни Теляев мне не кажутся упырями.

— Как, — возразил Рыбаренко, — вы в них ничего не заметили необыкновенного? Вы не слышали, как Семен Семенович щелкает?

— Слышал, но, по мне, это еще не достаточная причина, чтоб обвинять человека, почтенного летами, служащего уже более соро-

ка пяти лет беспорочно и пользующегося общим уважением.

— О, как вы мало знаете Теляева! Но положим, что он щелкает без всякого намерения, неужели вас ничто не поразило во всем быту бригадирши? Неужели, проведя ночь у нее в доме, вы не почувствовали ни одного содрогания, ни одного из тех минутных недугов, которые напоминают нам, что мы находимся вблизи существ нам антипатических и принадлежащих другому миру?

— Что касается до такого рода ощущений, то я не могу сказать, чтобы их не имел, но я все приписал своему воображению и думаю, что почувствовал их у Сугробиной, как мог бы почувствовать и во всяком другом месте. К тому ж характер и приемы бригадирши, столь противоположные с архитектурой и убранством ее дома, без сомнения, много содействуют особенному расположению духа тех, кто ее посещает.

Рыбаренко улыбнулся.

— Вы заметили архитектуру ее дома? Прекрасный фасад! Совершенно в итальянском вкусе! Только будьте уверены, что не одно

устройство дома на вас подействовало. Послушайте, — схватил он руку Руневского, — будьте откровенны, скажите мне как другу, не случилось ли с вами чего-нибудь особенного на даче у старой Сугробиной?

Руневский вспомнил о зеленых комнатах, и так как Рыбаренко невольно внушал ему доверие, то он не почел за нужное что-либо от него скрывать и все ему рассказал так точно, как оно было. Рыбаренко слушал его со вниманием и сказал, когда он закончил:

— Напрасно вы приписываете воображению то, что действительно с вами случилось. История покойной Прасковьи Андреевны мне известна. Если хотите, я вам когда-нибудь ее расскажу; впрочем, самые любопытные подробности могла бы вам сообщить Клеопатра Платоновна, если б только захотела. Но, ради бога, не говорите легкомысленно о вашем приключении: оно имеет довольно сходства и более связи, нежели вы теперь можете подозревать, с одним обстоятельством моей жизни, которое я должен вам сообщить, чтобы предостеречь.

Рыбаренко некоторое время молчал, слов-

но собирался с мыслями, и, прислонившись к липе, возле которой стояла скамья, начал наконец:

— Три года назад предпринял я путешествие в Италию для восстановления расстроенного здоровья, в особенности чтобы лечиться виноградным соком. Прибыв в город Комо, на известном озере, куда обыкновенно посылают больных для этого рода лечения, услышал я, что на площади piazza Volta есть дом, уже около ста лет необитаемый и известный под названием «чертова дом» (la cassa del diavolo). Почти всякий день, шагая из предместья borgo Vico, где была моя квартира, в albergo[2] del Angelo, чтобы навещать одного приятеля, я проходил мимо этого дома, но, не зная о нем ничего особенного, никогда не обращал на него внимания. Теперь, услышав странное его название и несколько любопытных о нем преданий, вовсе одно на другое непохожих, я нарочно пошел на piazza Volta и с особенным примечанием начал его осматривать. Наружность не обещала ничего необыкновенного: окна нижнего этажа с толстыми железными решетками, ставни везде затворе-

ны, стены обклеены объявлениями о молитвах по умершим, а ворота заперты и ужасно запачканы.

В стороне была лавка цирюльника, и мне пришло в голову туда зайти, чтобы спросить, нельзя ли осмотреть внутренность чертова дома.

Входя, увидел я аббата, развалившегося в кресле и обвязанного грязным полотенцем. Толстый цирюльник, засучив рукава, тщательно и проворно мылил ему бороду и даже, в жару действия, нередко мазал его по носу и по ушам, что, однако, аббат сносил с большим терпением.

На вопрос мой цирюльник отвечал, что дом всегда заперт и что едва ли хозяин позволит для кого-либо отпереть его. Не знаю почему, цирюльник принял меня за англичанина и, делая руками пояснительные знаки, рассказал очень красноречиво, что уже несколько моих соотечественников старались получить позволение войти в этот дом, но что попытки их оставались тщетными, ибо дон Пьетро де Урджина им всегда отвечал наотрез, что дом его не трактир и не картинная га-

лерея.

Пока цирюльник говорил, аббат слушал его со вниманием, и я не раз заметил, как под толстым слоем мыльной пены странная улыбка показывалась на его губах.

Когда цирюльник, окончив свою работу, обтер ему лицо полотенцем, он встал, и мы вместе вышли из лавки.

— Могу вас уверить, синьор, — сказал он, обращаясь ко мне, — что вы напрасно так беспокоитесь и что чертов дом нисколько не заслуживает вашего внимания. Это совершенно пустое строение, и все, что вы могли о нем слышать, не что иное, как выдумка самого донна Пьетро.

— Помилуйте, — возразил я, — зачем бы хозяину клепать на свой дом, когда он, при таком стечении иностранцев, мог бы отдавать его внаем и получать большой доход?

— На это есть более причин, чем вы думаете, — ответил аббат.

— Как, — спросил я с удивлением, вспомнив известный анекдот про Тюренна, — неужели он делает фальшивую монету?

— Нет, — возразил аббат, — дон Пьетро —

большой чудак, но честный человек. Говорят про него, что он торгует запрещенными товарами и что даже связан с известным контрабандистом Титта Каннелли, но я этому не верю.

— Кто такой Титта Каннелли? — спросил я.

— Когда-то он был лодочником на нашем озере, но раз на рынке поспорил с товарищем и убил его на месте. Совершив преступление, он убежал в горы и сделался начальником контрабандистов. Говорят, будто ввозимые им из Швейцарии товары он складывает на одной вилле, принадлежащей дону Пьетро; еще говорят, что кроме товаров на той же вилле он сохраняет большие суммы денег, приобретенные им вовсе не торговлею. Повторяю вам, я не верю этим слухам.

— Скажите же, ради бога, что за человек ваш дон Пьетро и что значит вся эта история про чертов дом?

— Это значит, что дон Пьетро, чтобы скрыть одно событие, случившееся в его семействе, и отвлечь внимание от настоящего места, где случилось это событие, распустил о городском доме своем множество слухов,

один нелепее другого. Народ с жадностью бросился на эти рассказы, возбуждавшие любопытство, и забыл о приключении, которое первоначально дало им повод.

Надобно вам знать, что хозяину чертова дома больше восьмидесяти лет. Отец его, которого так же звали дон Пьетро де Урджина, не пользовался уважением своих сограждан. В неурожайные годы, когда половина жителей умирали с голоду, он, имея огромные запасы хлеба, продавал его по необыкновенно высокой цене, несмотря на несметные свои богатства. В один из таких годов, не знаю для чего, предпринял он путешествие в ваше отечество. Я давно заметил, что вы не англичанин, а русский, несмотря на то что синьор Финарди, мой цирюльник, уверен в противном. Итак, в один из самых несчастных годов старый дон Пьетро отправился в Россию, поручив все дела своему сыну, теперешнему дону Пьетро.

Между тем настала весна, новые урожаи обещали обильную жатву, и цена на хлеб значительно спала. Пришла осень, жатва кончилась, и хлеб стал нипочем. Сын дона Пьетро,

которому отец, уезжая, оставил строгие наставления, сначала так дорожился, что не много сбывал своего товара, потом ему не стали уже давать цены, назначенной отцом, и, наконец, перестали к нему приходить вовсе. В нашем краю, слава богу, неурожаи очень редки, и потому весь барыш, на который надеялся старый Урджина, обратился в ничто. Сын несколько раз ему писал, но перемена в цене произошла так быстро, что он не успел получить от отца разрешение ее убавить.

Многие уверяют, что покойный дон Пьетро был скуп до невероятности, но я думаю, что он скорее был большой злодей и притом такой же чудак, как и его сын. Письма последнего заставили его поспешно покинуть Россию и воротиться в Комо. Если бы дон Пьетро был так скуп, как говорят, то или продал бы свой хлеб по существующей цене, или оставил его в магазинах, но он распустил в городе слух, что раздаст его бедным, а вместо того приказал весь запас вывалить в озеро. Когда же в назначенный день бедный народ собрался перед его домом, то он, высунувшись из окошка, закричал толпе, что хлеб ее на дне

озера и что, кто умеет нырять, может там достать его. Такой поступок еще более унижил его в глазах жителей Комо, и они прозвали его злым, *il cattivo*.

В городе давно уже ходил слух, что он продал душу черту и что черт вручил ему каменную доску с каббалистическими знаками, которая до тех пор должна доставлять ему все наслаждения земные, пока не разобьется. С уничтожением ее магической силы черт, по договору, получил право взять душу дона Пьетро.

Тогда дон Пьетро жил в загородном доме, недалеко от *villa d'Este*. В одно утро приор монастыря Святого Севастьяна, стоя у окошка и глядя на дорогу, увидел человека на черной лошади, который остановился у окна и ему сказал: «Знай, что я черт и еду за Пьетро де Урджиной, чтобы отвести его в ад. Расскажи это всей братии!» Через некоторое время приор увидел того же человека, возвращающегося с доном Пьетро, лежащим поперек седла. Он скакал во весь опор, покрыв жертву свою черным плащом. Сильный ветер раздувал этот плащ, и приор мог заметить, что старик

был в халате и в ночном колпаке: черт явился за ним неожиданно, застал его в постели и не дал времени одеться.

Вот что говорит предание. Дело в том, что дон Пьетро вскоре по возвращении из России пропал без вести. Сын его, чтоб прекратить неприятные толки, объявил, что он скоропостижно умер, и велел для формы похоронить пустой гроб. После погребения, пришедши в спальню отца, он увидел на стене картину, *al fresco*[3], которой никогда прежде не знал. То была женщина, играющая на гитаре. Несмотря на красоту лица, в глазах ее было что-то столь неприятное и даже страшное, что он немедленно приказал ее закрасить. Через некоторое время увидели ту же фреску на другом месте, опять закрасили, но не прошло и двух дней, как она явилась там же, где была в первый раз. Молодой Урджина так был этим поражен, что навсегда покинул свою виллу, приказав сперва заколотить двери и окна. С тех пор лодочники, проезжавшие мимо нее ночью, несколько раз слышали звук гитары и два поющих голоса: один старого донна Пьетро, другой неизвестно чей, но послед-

ний был так ужасен, что лодочники останав-
ливались под окнами ненадолго.

— Вот видите, синьор, хоть и есть что-то
необыкновенное в истории дона Пьетро, но
оно относится к загородному дому на берегу
озера, недалеко от villa d'Este, по ту сторону
Carpiccio, а не к тому строению, которое вам
так хотелось видеть.

— Скажите мне, — спросил я, — слышны
ли еще на вилле дона Пьетро голоса и звук ги-
тары?

— Не знаю, — ответил аббат. — Но если это
вас интересует, — прибавил он с улыбкой, —
то кто вам мешает, когда сделается темно,
пойти под окна виллы или, что еще лучше,
провести там ночь?

Этого-то мне и хотелось.

— Но как туда войти? — спросил я. — Ведь
вы говорите, что сын дона Пьетро велел зако-
лотить двери и окна?

Аббат призадумался.

— Правда, — сказал он наконец. — Но если
не ошибаюсь, то можно, забравшись на утес,
к которому примыкает дом, спуститься в
незаколоченное слуховое окно.

Разговаривая таким образом, мы, сами того не замечая, прошли весь borgo Vico и очутились на шоссе, ведущем вдоль озера к villa d'Este. Аббат остановился перед одним palazzo [4], фасад которого казался выстроенным по рисункам славного Палладия. Величественная красота здания меня поразила, и я не мог понять, как, прожив столько времени в Комо, я ничего не слыхал о таком прекрасном дворце.

— Вот вилла дона Пьетро, — сказал аббат, — вот утес, а вот то окно, в которое вы можете влезть, если угодно.

В голосе аббата было что-то насмешливое, и мне показалось, что он сомневается в моей смелости. Но я твердо решил во что бы то ни стало проникнуть тайну, сильно возбуждавшую мое любопытство.

В этот день мне не сиделось дома. Я рыскал по городу без цели, заходил в готический собор и без удовольствия смотрел на прекрасные картины Бернардино Луини. Я спотыкался о корзины с фигами и виноградом и раз даже опрокинул целый лоток горячих каштанов. Надобно вам знать, что в Комо каштаны

жарят на улицах; обычай этот существует и в других итальянских городах, но нигде я не видел столько жаровен и сковород, как здесь. Добрые ломбардцы на меня не рассердились, но только смеялись от всего сердца и даже провожали благодарениями, когда за причиненный им убыток я им бросал несколько цванцигеров[5].

Вечером было собрание в villa Sallazar. Бóльшая часть общества состояла из наших соотечественников, прочие почти все были австрийские офицеры или итальянцы, приехавшие из Милана посетить прелестные окрестности Комо.

Когда я рассказал о своем намерении провести следующую ночь в villa Urgina, надо мной сначала начали смеяться, потом мысль моя показалась оригинальною, а напоследок вызвалось множество охотников разделить со мной опасности этого предприятия. Замечательно, что не только я, но и никто из жителей Милана не знал о существовании этой виллы.

— Позвольте, господа, — сказал я, — если мы все пойдем туда ночевать, то экспедиция

наша потеряет всю свою прелесть, и я уверен, что черт не захочет петь в присутствии такого общества знатоков, но я согласен взять с собой двух товарищей, которых назначит судьба.

Предложение было принято, и жребий пал на двух моих приятелей, из коих один был русский по имени Владимир, а другой итальянец Антонио. Владимир был мой искренний друг и товарищ с детства. Он, так же как и я, приехал в Комо лечиться виноградом и вместе со мной должен был по окончании лечения ехать во Флоренцию и провести там зиму. Антонио был наш общий приятель, и хотя мы познакомились с ним только в Комо, но образ наших мыслей и вообще нравы наши так были сходны, что мы невольно сблизились. Мы поклялись вечно любить друг друга и не забывать до самой смерти. Антонио уже исполнил свою клятву.

Но я напрасно предаюсь печальным воспоминаниям и преждевременно намекаю на трагический оборот, который приняла наша необдуманная шалость.

— Любезный друг! Вы молоды и имеете

пылкий характер. Послушайте человека, узнавшего на опыте, что значит пренебрегать вещами, коих мы не в состоянии понять и которые, слава богу, отделены от нас темной, непроницаемой завесой. Горе тому, кто покусится ее поднять! Ужас, отчаяние, сумасшествие будут наградой ему за любопытство. Да, любезный друг, я тоже молод, но волосы мои седы, глаза впалы — я в цвете лет сделался стариком, приподнял край покрывала, заглянул в таинственный мир. Я так же, как и вы, тогда не верил ничему, что люди условились называть сверхъестественным; но, несмотря на это, нередко в груди моей раздавались странные отголоски, противоречившие моему убеждению. Я любил к ним прислушиваться, потому что мне нравилась противоположность мира, тогда передо мною открывавшегося, с холодной прозою мира настоящего, но я смотрел на картины, которые развивались передо мною, как зритель смотрит на интересную драму. Живая игра актеров его увлекает, но между тем он знает, что кулисы бумажные и что герой, покинув сцену, снимет шлем и наденет колпак. Поэтому, когда

затеял ночевать в villa Urgina, я не ожидал никаких приключений, но только хотел возбудить в себе то чувство чудесного, которого искал так жадно. О, сколь жестоко я обманулся! Но если мое несчастье послужит уроком для других, то это мне будет утешением и пребывание мое в доме дона Пьетро принесет хотя бы какую-нибудь пользу.

На другой день, едва лишь смерклось, Владимир, Антонио и я уже шли на ночлег в таинственный palazzo. Малейшие обстоятельства этого вечера врезались в моей памяти, и хотя с тех пор прошло три года, но я так живо помню все подробности нашего разговора и наших неосторожных шуток, в которых мы так скоро раскаялись, что мне кажется, будто все это происходило не далее как вчера.

Проходя мимо villa Remondi, Антонио остановился. В правом флигеле слышно было несколько женских голосов, поющих какую-то веселую песнь. Мелодия ее до сих пор раздается в моих ушах!

— Подождем, — сказал Антонио, — теперь еще рано, мы успеем вовремя туда прийти.

Сказав это, он хотел подойти к окну, чтобы

лучше слышать, но, нагнувшись вперед, споткнулся о камень и упал на землю, разбив окно головой. На шум его падения выбежала молодая девушка со свечою. То была дочь сторожа villa Remondi. Лицо Антонио было покрыто кровью. Девушка казалась очень испуганной: бегала, суетилась, принесла рукомыльник с водою и, восклицая беспрестанно: «O dio! Poverino! Maladetta strada!»[6] — омыла ему лицо.

— Это дурной знак! — сказал, улыбаясь, Антонио, когда оправился от своего падения.

— Да, — ответил я. — Не лучше ли нам воротиться и отложить до другого раза нашу шалость?

— О нет, нет! — возразил он. — Это совершенно ничего, и я не хочу, чтобы вы после смеялись надо мной и думали, что мы, жители юга, нежнее вас, русских!

Мы пошли далее. Минут через десять нас догнала та самая девушка, которая из villa Remondi вышла на помощь к Антонио. Она и теперь к нему обратилась и долго с ним говорила вполголоса. Я заметил, что она с трудом удерживалась от слез.

— Что она тебе сказала? — спросил его Владимир, когда девушка удалилась.

— Бедная Пенина, — ответил Антонио, — просит меня, чтобы я через отца моего выхлопотал прощение ее брату. Она говорит, что уже несколько раз ко мне приходила, но никогда меня не заставала дома.

— А кто ее брат? — спросил я.

— Какой-то контрабандист по имени Титта.

— А как фамилия этой девушки?

— Каннелли. Но что тебе до этого?

— Титта Каннелли! — воскликнул я и вспомнил аббата и рассказ его про старого Урджину.

Воспоминание это очень неприятно на меня подействовало. Все, что я тогда считал выдумками, бреднями или плутовством каких-нибудь мошенников, теперь в воображении моем приняло характер страшной истины, и я бы непременно воротился, если б мне не было стыдно. Я сказал своим товарищам, что уже прежде слышал о Титта Каннелли, и мы продолжали идти. Вскоре в стороне показался свет лампы. Она освещала одну из тех

часовен, которых так много в северной Италии и которые служат хранилищем человеческих костей. Я всегда имел отвращение от этого рода часовен, где в симметричном порядке и как будто в насмешку расставлены и развешаны узорами печальные останки умерших. Но в этот вечер я почувствовал невольный страх, когда мимоходом заглянул за железную решетку. Я ничего, однако, не сказал, и мы молча дошли до villa Urgina.

Нам было очень легко влезть на утес и оттуда посредством веревки спуститься в слуховое окно. Там мы зажгли одну из принесенных с собою свеч и, найдя проход из-под крыши в верхний этаж, очутились в просторной зале, убранной по-старинному. Несколько картин, представлявших мифологические предметы, развешаны были на стенах, мебель обтянута шелковой тканью, а пол составлен из разноцветного мрамора. Мы прошли пять или шесть подобных покоев; в одном из них увидели маленькую лестницу и спустились по ней в большую комнату со старинной кроватью под золоченым балдахином. На столе, возле кровати, была гитара, на полу лежали

дребезги от каменной доски. Я поднял один из этих обломков и увидел на нем странные, непонятные знаки.

— Это должна быть спальня старого дона Пьетро, — сказал Антонио, приблизив свечу к стене. — Вот та фигура, о которой тебе говорил аббат!

В самом деле, между дверью, ведущей на узкую лестницу, и кроватью виднелась фреска с изображением женщины необыкновенной красоты, играющей на гитаре.

— Как она похожа на Пенину, — сказал Владимир, — я бы это принял за ее портрет!

— Да, — согласился Антонио, — черты лица довольно схожи, но у Пенины совсем другое выражение. У этой в глазах что-то такое зверское, несмотря на ее красоту. Заметь, как она косится на пустую кровать; знаешь, мне при взгляде на нее делается страшно!

Я ничего не говорил, но вполне разделял чувство Антонио.

Рядом со спальней располагалась большая круглая зала с колоннами, а примыкавшие к ней с разных сторон покои были все прекрасно убраны и обтянуты гобеленами, почти как

на даче у Сугробиной, только еще богаче. Везде отсвечивали большие зеркала, мраморные столы, золоченые карнизы и дорогие материи. Гобелины представляли сюжеты из мифологии и из Ариостова «Орландо». Здесь Парис сидел в недоумении, которой из трех богинь вручить золотое яблоко, а там Ангелика с Медором обнимались под тенистым деревом, не замечая грозного рыцаря, подсматривавшего за ними из-за кустов.

Пока мы осматривали старинные ткани, оживленные красноватым отблеском свечи, остальные части комнаты терялись в неопределенном мраке, и когда я нечаянно поднял голову, мне показалось, что фигуры на потолке шевелятся и что фантастические формы их отделяются от потолка и, сливаясь с темнотою, исчезают в глубине залы.

— Я думаю, мы теперь можем лечь спать, — сказал Владимир, — но чтобы уже все сделать по порядку, то вот мой совет: ляжем в трех разных комнатах и завтра поутру расскажем друг другу, что с нами произошло за ночь.

Мы согласились. Мне, как предводителю

экспедиции, дали спальню дона Пьетро; Владимир и Антонио расположились в двух отдаленных комнатах, и вскоре во всем доме воцарилась глубокая тишина.

Здесь господин Рыбаренко остановился и, обращаясь к Руневскому, сказал:

— Я вас, может быть, утомляю, любезный друг, теперь уже поздно, не хочется ли вам спать?

— Нисколько, — ответил Руневский, — вы меня обяжете, если будете продолжать.

Рыбаренко немного помолчал и продолжил:

— Оставшись один, я разделся, осмотрел свои пистолеты, лег в старинную кровать, под богатый балдахин, накрыл себя штофным одеялом и только собрался потушить свечу, как дверь медленно отворилась и вошел Владимир. Он поставил свечу свою на маленький комод возле кровати и, подойдя ко мне, сказал:

— Я целый день не нашел случая поговорить с тобой о наших делах. Антонио уже спит, а мы можем немного поболтать, и я опять уйду дожидаться приключений. Я тебе

еще не сказывал, что получил письмо от ма-
тушки. Она пишет, что обстоятельства ее
неприменно требуют моего присутствия, по-
этому я не думаю, что проведу с тобою зиму
во Флоренции.

Известие это меня крайне огорчило. Вла-
димир тоже казался невесел. Он сел ко мне на
постель, прочитал письмо, и мы долго разго-
варивали о его семейных делах и наших вза-
имных намерениях. Пока он говорил, меня
несколько раз в нем поражало что-то стран-
ное, но я не мог дать себе отчета, в чем имен-
но оно состояло. Наконец он встал и сказал
мне растроганным голосом:

— Меня мучит какое-то предчувствие; кто
знает, увидимся ли мы завтра? Обними меня,
мой друг... может быть, в последний раз!

— Что с тобой? — сказал я, засмеявшись. —
С каких это пор ты веришь предчувствиям?

— Обними меня! — повторил Владимир,
необыкновенным образом возвысив голос.

Черты лица его переменились, глаза нали-
лись кровью и горели, как уголья. Он простер
ко мне руки и хотел меня обнять.

— Поди, поди, Владимир, — сказал я, пыта-

ясь скрыть свое удивление. — Дай Бог тебе уснуть и забыть свои предчувствия!

Он что-то проворчал сквозь зубы и вышел. Мне показалось, что он странным образом смеется, но я не был уверен, что слышу его голос.

Между тем глаза мои мало-помалу сомкнулись, и я заснул. Не знаю, что я увидел во сне, но, вероятно, это было что-нибудь страшное, ибо я вскоре с испугом проснулся и начал протирать глаза. В ушах моих раздавались аккорды гитары, и я сначала думал, что звуки эти не что иное, как продолжение моего сновидения, но кто опишет мой ужас, когда между моею кроватью и стеною я увидел женщину с фрески, вперившую в меня какой-то страшный, нечеловеческий взгляд. В одной руке держала она гитару, другою трогала струны. Ужас мною овладел, я схватил со стола пистолет и только хотел в нее выстрелить, как она уронила гитару и упала на колени. Я узнал Пенину.

— Пощадите меня, синьор! — воскликнула бедная девушка. — Я ничего не хотела у вас украсть. Будьте милосердны, не убивайте ме-

ня!

Мне было очень стыдно, что я в глазах ее обнаружил свой страх, и я всячески старался ее успокоить, спросив, однако, зачем она ко мне пришла и чего от меня хочет.

— Ах, — сказала Пенина, — после того как догнала синьора Антонио и с ним поговорила, я тихонько пошла за вами и увидела, что вы влезли в окно. Но я знала другой вход, ибо этот дом служит иногда убежищем брату моему Титта, о котором вы, верно, слышали. Я из любопытства вошла за вами, и когда хотела воротиться, то увидела, что в торопливости захлопнула за собою потаенную дверь и что мне невозможно выйти. Я пришла к вам в комнату и, не смея вас разбудить, стала играть на гитаре, чтобы вы проснулись. Ах, не сердитесь на меня: только любовь к брату заставила меня вас побеспокоить. Я знаю, что вы друг синьора Антонио, так спасите, если можете, моего брата! Я вам клянусь всем, что дорого моему сердцу: он давно хочет сделаться честным человеком, — но если его будут преследовать, как дикого зверя, он поневоле останется разбойником, убийствами отяготит

свою душу и погубит себя навсегда! О, достаньте ему прощение, умоляю вас, на коленях умоляю, сжальтесь над его раскаянием, сжальтесь над его бедной сестрой!

И, говоря это, она обнимала мои колена, и крупные слезы катились по ее щекам. Огненного цвета лента, опоясывавшая ее голову, развязалась, и волосы, извиваясь как змеи, упали на ее плечи. Она так была прекрасна, что в эту минуту я забыл о своем страхе, о villa Urgina и ее преданиях. Я вскочил с кровати, и уста наши соединились в долгий поцелуй. Знакомый голос в ближней зале нас пробудил.

— С кем ты там, Пенина? — сказал кто-то, отворяя дверь.

— Ах, это мой брат! — вскричала девушка и, вырвавшись из моих объятий, убежала прочь.

В комнату вошел человек в плаще и шляпе с черным пером. Увидев меня, он остановился, и каково было мое удивление, когда, взглядевшись в черты его лица, я в нем узнал моего аббата!

— А, это вы, signor Russo![7] — сказал он, за-

тыкая за пояс большой пистолет, которым готовился меня приветствовать. — Добро пожаловать! Не удивляйтесь перемене моего одеяния. Вы меня видели аббатом, в другой раз увидите ветурином или трубочистом. Увы, я до тех пор должен скрываться, пока не получу прощения от правительства!

Сказав это, Титта Каннелли глубоко вздохнул, потом, приняв веселый вид, подошел ко мне и хлопнул по плечу.

— Я вас нарочно, — сказал он, — зазвал на виллу друга моего дона Пьетро для небольшого дельца. Я нуждаюсь в деньгах, а у меня здесь спрятано множество дорогих вещей, и между прочим — целый ящик колец, ожерелий, серег и браслетов. За все я с вас возьму только семьдесят семь наполеонов.

Он нагнулся под мою кровать, вытащил оттуда большой ящик, и я увидел кучу золотых уборов, один прекраснее другого. Несколько фермуаров были украшены самыми редкими камнями, и все сработано с таким вкусом, как я никогда еще не видывал. Цена, которую он требовал, мне показалась очень необыкновенною, и хотя она очевидно

доказывала, что эти вещи достались ему даром, но теперь было не время входить в разбирательство. К тому ж Пенинин брат, стоя между моим оружием и мною, так красноречиво играл своим пистолетом, что я почел за нужное тотчас согласиться и, раскрыв свой кошелек, нашел в нем ровно семьдесят семь наполеонов, которые отдал и разбойнику.

— Благодарю вас, — сказал он, — вы сделали доброе дело! Теперь мне только остается предупредить вас, что, если вздумаете открыть полиции, откуда получили эти вещи, я вам непременно размозжу голову. Желаю вам покойной ночи.

Он дружески пожал мне руку и исчез так скоро, что я не мог видеть, куда он скрылся. Я только слышал, как в стене повернулись потаенные петли, и потом все погрузилось в молчание. Взор мой нечаянно упал на изображение на стене, и я невольно вздрогнул. Мне опять показалось, что это была не Пенина, а нарисованная женщина, которая несколько минут назад выступила из стены и которую я целовал. Я стал сожалеть, что в то время не догадался посмотреть на стену, чтобы уви-

деть, там ли она. Но я превозмог свою боязнь и принялся шарить в ящике. Между разными цепочками, флакончиками и прочими вещичками нашел я одну склянку рококо величиною с большое яблоко и оправленную в золото с необыкновенным вкусом. Работа была так нежна, что я, боясь, чтобы склянка не исцарапалась в ящике, тщательно завернул ее в платок и поставил подле себя на стол. Потом, закрыв ящик, я опять лег и вскоре заснул. Во сне я всю ночь видел Пенину и женщину с фрески и часто, среди самых приятных картин моего воображения, вскакивал в страхе и опять засыпал. Меня также беспокоило какое-то болезненное ощущение в шее: похоже, простудился на сквозном ветру. Когда я проснулся, солнце уже было высоко, и, наскоро одевшись, поспешил отыскать своих товарищей.

Антонио лежал в бреду, как сумасшедший, махал руками и беспрестанно кричал:

— Оставьте меня! Разве я виноват, что Венера прекраснейшая из богинь? Парис человек со вкусом, и я его непременно сделаю известным судьей в Пекине, как скоро въеду в

свое Китайское государство на крылатом грифоне!

Я употреблял все силы, чтобы привести его в себя, как вдруг дверь отворилась и Владимир, бледный, расстроенный, вбежал в комнату.

— Как, — вскричал он радостно, увидев Антонио, — он жив? Я его не убил? Покажи, покажи, куда я его ранил?

Он бросился осматривать Антонио, но раны нигде не было видно.

— Вот видишь, — сказал Антонио, — я тебе говорил, что бог Пан так же искусно играет на свирели, как и стреляет из пистолета.

Владимир не переставал щупать Антонио и, наконец удостоверившись, что он жив и не ранен, вскричал с восторгом:

— Слава богу, я его не убил, это был только дурной сон!

— Друзья мои, — сказал я, — ради бога, объясните, я ничего не могу понять!

Наконец мне и Владимиру удалось привести Антонио в чувство, но он был так слаб, что я ничего не хотел у него спрашивать, а попросил Владимира, чтобы рассказал нам,

что случилось ночью.

— Войдя в свою комнату, — начал он, — я воткнул свечу в один из ветвистых подсвечников, которые, как огромные пауки, держались на золотой раме зеркала, и тщательно осмотрел свои pistols. Мне удалось отворить заколоченную ставню, и с неизъяснимым удовольствием я стал дышать чистым воздухом ночи. Все вокруг меня было тихо. Луна была уже высоко, а воздух так прозрачен, что я мог различать все изгибы самых отдаленных гор, между которыми башня замка Baralello величественно подымала голову. Погрузившись в размышления, я уже около получаса смотрел на озеро и горы, как легкий шорох за моими плечами заставил меня оглянуться. Свеча очень нагорела, и я сначала ничего не мог различить, но, вглядевшись хорошенько в темноту, увидел в дверях большую белую фигуру.

«Кто там?» — закричал я. Фигура испустила жалобный вопль и, как будто на невидимых колесах, приблизилась ко мне. Я никогда не видал лица страшнее этого. Привидение подняло обе руки, как бы желая завернуть ме-

ня в свое покрывало. Я не знаю, что почувствовал в эту минуту, но в руке моей был пистолет, раздался выстрел, и призрак упал на землю, закричав: «Владимир! Что ты делаешь? Я Антонио!» Я бросился его подымать, но пуля пролетела ему сквозь грудь, кровь била фонтаном из раны, он хрипел, как умирающий.

«Владимир, — сказал он слабым голосом, — я хотел испытать твою храбрость, ты меня убил; прости мне, как я тебе прощаю!»

Я начал кричать, ты прибежал на мой крик, и мы оба перенесли Антонио в его комнату.

— Что ты говоришь? — прервал я Владимира. — Я всю ночь не выходил из спальни. После того как ты мне прочитал письмо своей матери и ушел от меня, я остался в постели и ничего не знаю про Антонио. К тому ж ты видишь, что он жив и здоров, стало быть, ты все это видел во сне!

— Ты сам говоришь во сне! — возмутился Владимир. — Никогда я к тебе не приходил и не читал тебе никакого письма от матушки!

Тут Антонио встал со стула и подошел к

нам.

— О чем вы спорите? Вы же видите, что я жив. Клянусь честью, что я никогда и не думал стращать Владимира.

Впрочем, мне и не до того было. Когда остался один, я, так же как Владимир, сначала осмотрел свои пистолеты, потом лег на диван, и глаза мои невольно устремились на расписанный потолок и высокие карнизы, украшенные золотыми арабесками. Звери и птицы странным образом сплетались с цветами, фруктами и разного рода узорами. Мне показалось, что узоры эти шевелятся, и, чтобы не дать воли своему воображению, я встал и начал прохаживаться по зале. Вдруг что-то сорвалось с карниза и упало на пол. Хотя в зале было так темно, что я ничего не увидел, но я рассудил по звуку, что упавшее тело было мягкое, ибо оно совсем не произвело стука, а только глухой шум. Через некоторое время я услышал за собою шаги, как будто животного. Я оглянулся и увидел золотого грифона величиною с годовалого теленка. Он смотрел на меня умными глазами и крутил своим орлиным носом. Крылья его были подняты, и кон-

цы их свернуты в кольца. Вид его меня удивил, но не испугал, однако, чтобы от него избавиться, я на него закричал и притопнул ногою. Грифон поднял одну лапу, опустил голову и, пошевелив ушами, сказал мне человеческим голосом: «Напрасно вы беспокоитесь, синьор Антонио; я вам не сделаю никакого вреда. Меня нарочно прислал за вами хозяин, чтобы я вас отвез в Грецию. Наши богини опять поспорили за яблоко. Юнона уверяет, что Парис только потому отдал его Венере, что она обещала ему Елену. Минерва тоже говорит, что Парис покривил душой, и обе они обратились с жалобой к старику, а старик им сказал: «Пусть вас рассудит синьор Антонио». Теперь, если вам угодно, садитесь на меня верхом, и я мигом привезу вас в Грецию».

Мысль эта показалась мне забавной, что я уже подымал ногу, чтобы сесть на грифона, но он меня остановил. «Каждая земля, — сказал он, — имеет свои обычаи. Все над вами будут смеяться, если вы приедете в Грецию в сюртуке». — «А как же мне ехать?» — спросил я. «Не иначе как в национальном костюме: разденьтесь донага и обдрапируйтесь пла-

цом. Все боги и даже богини точно так одеты». Я послушался грифона и сел к нему на спину. Он пустился бежать рысью, и мы долго ехали по разным коридорам, через длинные ряды комнат, спускались и подымались по лестницам и, наконец, прибыли в огромную залу, освещенную розовым светом. Потолок залы был расписан и представлял небо с летающими птицами и купидонами, а в конце ее возвышался золотой трон, и на нем сидел Юпитер. «Это наш хозяин, дон Пьетро де Урджина!» — сказал мне грифон.

У ног трона протекала прозрачная река, и в ней купалось множество нимф и наяд, одна прекраснее другой. Реку эту, как я узнал после, называли Ладонем. На берегу ее росло очень много тростнику, у которого сидел аббат и играл на свирели. «Это кто такой?» — спросил я у грифона. «Это бог Пан», — ответил он. «Зачем же он в сюртуке?» — спросил я опять. «Затем, что он принадлежит к духовному сословию, и ему было бы неприлично ходить голым». — «Но как же он может сидеть на берегу реки, в которой купаются нимфы?» — «Это для того, чтобы умерщвлять

свою плоть; вы видите, что он от них отворачивается». — «А для чего у него за поясом пистолеты?» — «Ох, — ответил с досадой грифон, — вы слишком любопытны! Ну почему я знаю!»

Мне показалось странным видеть в комнате реку, и я заглянул за китайские ширмы, из-за которых она вытекала. За ширмами сидел старик в напудренном парике и, по-видимому, дремал. Подойдя на цыпочках к нему, я увидел, что река бежала из урны, на которую он опирался. Я начал его рассматривать с большим любопытством, но грифон подбежал ко мне, дернул за плащ и сказал на ухо: «Что ты делаешь, безрассудный? Разбудишь Ладона, и тогда непременно сделается наводнение. Ступай прочь, или мы все погибнем!» Я отошел. Мало-помалу зала наполнилась народом. Нимфы, дриады, ореады прогуливались между фавнами, сатирами и пастухами. Наяды вышли из воды и, накинув на себя легкие покрывала, стали также с ними прохаживаться. Боги не ходили, а чинно сидели с богинями возле Юпитерова трона и смотрели на гуляющих. Между последними заметил я

одного человека в домино и маске, который ни на кого не обращал внимания, но которому все давали место. «Это кто?» — спросил я у грифона. Грифон очевидно смешался и ответил, поправляя носом свои перья: «Это так, кто-нибудь — не обращайтесь на него внимания!» Но в эту минуту к нам подлетел красивый попугай и, сев ко мне на плечо, проговорил гнусливым голосом: «Дуррак, дуррак! Ты не знаешь, кто этот человек? Это наш настоящий хозяин, и мы его почитаем более, нежели дон Пьетро!» Грифон с сердцем посмотрел на попугая и значительно мигнул ему одним глазом, но тот уже слетел с моего плеча и исчез в потолке между купидонами и облаками.

Вскоре в собрании сделалась суматоха. Толпа расступилась, и я увидел молодого человека в фригийской шапке, со связанными руками, которого вели две нимфы. «Парис! — сказал ему Юпитер, или дон Пьетро де Урджина (как называл его грифон). — Говорят, что ты золотое яблоко несправедливо присудил Венере. Смотри, ведь я шутить не люблю. Ты у меня как раз полетишь вверх ногами!» — «Омогущий громовержец! — ответил Парис. —

Клянусь Стиксом, я судил по чистой совести. Впрочем, вот синьор Антонио: он, я знаю, человек со вкусом. Вели ему произвести следствие, и если он не точно так решит, как я, то я согласен полететь вверх ногами!» — «Хорошо, — сказал Юпитер, — быть по-твоему!»

Тут меня посадили под лавровое дерево и дали в руки золотое яблоко. Когда ко мне подошли три богини, свирель аббата зазвучала сладостнее прежнего, тростник реки Ладона тихонько закачался, множество блестящих птичек вылетели из его середины, и песни их были так жалобны, так приятны и странны, что я не знал, плакать ли мне или смеяться от удовольствия. Между тем старик за ширмами, вероятно пробужденный песнями птичек и гармоническим шумом тростника, начал кашлять и произнес слабым голосом и как будто спросонья: «О, Сиринга, дочь моя!»

Я совсем забылся, но грифон очень больно ущипнул меня за руку и сердито сказал: «Скорей за дело, синьор Антонио! Богини вас ждут. Решайте, пока старик не проснулся!» Я превозмог сладостное волнение, увлекшее меня далеко от villa Urgina в неведомый мир

цветов и звуков, и, собравшись с мыслями, устремил глаза на трех богинь. Они сбросили с себя покрывала. О, мои друзья! Как вам описать, что я тогда почувствовал! Какими словами дать вам понятие об остром летучем огне, который в одно мгновение пробежал по всем моим жилам! Все мои чувства смутились, все понятия перемешались, я забыл о вас, о родных, о самом себе, обо всей своей прошедшей жизни; я был уверен, что я сам Парис и что мне предоставлено великое решение, от которого пала Троя. В Юноне я узнал Пенину, но она была сто раз прекраснее, нежели когда вышла ко мне на помощь из villa Remondi. Она держала в руках гитару и тихонько трогала струны. Она так была обворожительна, что я уже протягивал руку, чтобы вручить ей яблоко, но, бросив взгляд на Венеру, внезапно переменил намерение. Венера, сложив небрежно руки и приклонив голову к плечу, смотрела на меня с упреком. Взоры наши встретились, она покраснела и хотела отвернуться, но в этом движении столько было прелести, что я, не колеблясь, подал ей яблоко.

Парис восторжествовал, но человек в домино и маске подошел к Венере и, вынув из-под полы большой бич, начал немилосердно ее хлыстать, приговаривая при каждом ударе: «Вот тебе, вот тебе; вперед знай свою очередь и не кокетничай, когда тебя не спрашивают; сегодня не твой день, а Юнонин; не могла ты подождать? Вот же тебе за то, вот тебе, вот тебе!» Венера плакала и рыдала, но незнакомец, не переставая ее бить, обратился к Юпитеру: «Когда я с ней расправлюсь, то и до тебя придет очередь, проклятый старикашка!» Тогда Юпитер и все боги соскочили со своих мест и бросились незнакомцу в ноги, жалобно вопия: «Умилосердись, наш повелитель! В другой раз мы будем исправнее!» Между тем Юнона, или Пенина (я до сих пор не знаю кто), подошла ко мне и сказала с очаровательной улыбкой: «Не думай, мой милый друг, чтобы я была на тебя сердита за то, что ты не мне присудил яблоко. Верно, так было написано в неисповедимой книге судьбы! Но чтобы ты видел, сколь я уважаю твое беспристрастие, позволь мне дать тебе поцелуй». Она обняла меня прелестными руками и жадно при-

жала свои розовые губы к моей шее. В ту же минуту я почувствовал сильную боль, но она, однако, тотчас прошла. Пенина так ко мне ласкалась, так нежно меня обнимала, что я бы вторично забылся, если бы крики Венеры не отвлекли от нее моего внимания. Человек в домино, запустив руку ей в волосы, продолжал ее сечь самым бесчеловечным образом. Жестокость его меня взорвала. «Скоро ли ты перестанешь!» — закричал я в негодовании и бросился на него, но из-под черной маски на меня сверкнули невыразимым блеском маленькие белые глаза, и взгляд этот меня пронзил как электрический удар. В одну секунду все боги, богини и нимфы исчезли.

Я очутился в Китайской комнате, возле круглой залы. Меня окружила толпа фарфоровых кукол, фаянсовых мандаринов и глиняных китаянок, которые с криком: «Да здравствует наш император, великий Антонио-Фу-Цинг-Танг!» — бросились меня щекотать. Напрасно я старался от них отделаться. Маленькие их ручонки влезали мне в нос и в уши, и я хохотал как сумасшедший. Не знаю, как я от них избавился, но когда очнулся, вы

оба, друзья мои, стояли подле меня. Стократ вас благодарю за то, что спасли!

И Антонио начал нас обнимать и целовать, как ребенок. Когда прошел его восторг, то я, обратившись к нему и к Владимиру, сказал им очень серьезно:

— Я вижу, друзья мои, что вы оба бредили нынешней ночью. Что касается меня, то я удостоверился, что все чудесные слухи про этот palazzo не что иное, как выдумка контрабандиста Титта Каннелли. Я сам его видел и с ним говорил. Пойдемте со мною: покажу, что я у него купил.

С сими словами я пошел в свою спальню, Антонио и Владимир — следом. Я открыл ящик, засунул в него руку, но вытащил... человеческие кости! С ужасом их отбросив, я побежал к столу, на который накануне поставил склянку рококо, развернул платок и остолбенел. В нем был череп ребенка, а подле него лежал мой пустой кошелек.

— Это ты купил у того контрабандиста? — спросили меня в один голос Антонио и Владимир.

Я не знал, что отвечать. Владимир подо-

шел к окну и воскликнул с удивлением:

— Ах, боже мой! Где же озеро?

Я также подошел к окну. Передо мной была piazza Volta, и я увидел, что смотрю из окна чертова дома.

— Как мы сюда попали? — спросил я, обращаясь к Антонио, но он не мог мне ответить.

Он был чрезвычайно бледен, силы его покинули, и он опустился в кресло. Тогда я только заметил, что у него на шее маленькая синяя ранка, как будто от пиявки, но чуть больше. Я тоже чувствовал слабость и, подойдя к зеркалу, увидел у себя на шее такую же ранку, как у Антонио. Владимир ничего не чувствовал, и ранки у него не было. На вопросы мои он признался, что когда выстрелил в белого призрака и потом узнал своего друга, Антонио умолял его, чтобы он с ним в последний раз поцеловался, но Владимир никак не мог на это решиться, потому что его что-то пугало в его взгляде.

Мы еще рассуждали о наших приключениях, когда услышали стук в ворота. Оказалось, полицейский офицер с шестью солдатами.

— Господа, — слышалось снаружи, —

немедленно открывайте! Вы арестованы именем правительства!

Но ворота были так крепко заколочены, что их пришлось ломать. Когда офицер вошел в комнату, мы его спросили, за что арестованы.

— За то, — ответил он, — что издеваетесь над покойниками и нынешней ночью перетаскали все кости из Комской часовни. Один аббат, проходя мимо, видел, как вы ломали решетку, и сегодня утром на вас донес.

Мы тщетно протестовали: офицер непременно хотел, чтобы мы шли за ним. К счастью, я увидел комского подесту (известного археолога R... i), с которым был знаком, и призвал его на помощь. Узнав меня и Антонио, он очень перед нами извинялся и велел привести аббата, сделавшего на нас донос, но его нигде не могли отыскать. Когда я рассказал подесте, что с нами случилось, он несколько не удивился, но пригласил меня в городской архив. Антонио был так слаб, что не мог за нами следовать, а Владимир остался, чтобы проводить его домой. Когда мы вошли в архив, подеста раскрыл большой *in folio*[8] и

прочитал следующее:

«Сего 1679 года сентября 20-го дня казнен публично на городской площади разбойник Giorambatista Cannelli, около 20 лет с шайкою своею наполнявший ужасом окрестности Комо и Милана. Родом он из Комо, лет ему, по собственному показанию, 50. Пришед на место казни, он не хотел приобщиться святых тайн и умер не как христианин, а как язычник».

Сверх того подеста (человек во всех отношениях заслуживающий уважения, который скорее дал бы себе отрезать руку, нежели согласился бы сказать неправду) открыл мне, что чертов дом построен на том самом месте, где некогда находился языческий храм, посвященный Гекате и ламиям. Многие пещеры и подземельные ходы этого храма, как гласит молва, и поныне сохранились. Они ведут глубоко в недра земли, и древние думали, что они имеют сообщение с тартаром. В народе ходит слух, что ламии, или эмпузы, которые, как вам известно, имели много сходства с нашими упырями, и поныне еще бродят около

посвященного им места, принимая всевозможные виды, чтобы заманивать к себе неопытных людей и высасывать из них кровь. Странно еще то, что Владимир через несколько дней в самом деле получил письмо от своей матери, в котором она его просила возвратиться в Россию.

Рыбаренко замолчал и опять погрузился в размышления.

— Что ж, — спросил его Руневский, — и вы не делали никаких розысканий о вашем приключении?

— Делал. Сколько я ни уважал подесту, но истолкование его мне не казалось вероятным.

— И что ж вы узнали?

— Пенина ничего не понимала, когда ее спрашивали о брате ее Титта. Она говорила, что у нее никогда не было брата. На наши вопросы отвечала, что она действительно вышла из villa Remondi на помощь к Антонио, но что никогда она нас не догоняла и не просила Антонио, чтобы он выхлопотал прощение ее брату. Никто также ничего не знал о прекрасном дворце дона Пьетро между villa

Remondi и villa d'Este, и когда я нарочно пошел его отыскивать, то ничего не нашел. Происшествие это произвело на меня сильное впечатление. Я выехал из Комо, оставив Антонио больным. Через месяц я узнал в Риме, что он умер от изнеможения. Я сам был так слаб, как будто после сильной и продолжительной болезни, но старания искусных врачей наконец возвратили мне, хотя не совсем, потерянное здоровье.

Прожив еще год в Италии, я возвратился в Россию и вступил в круг своих прежних занятий. Я работал с усердием, и труды мои меня развлекали, но каждое воспоминание о пребывании моем в Комо приводило меня в содрогание. Поверите ли вы, что я теперь часто не знаю, куда деваться от этого воспоминания! Оно повсюду меня преследует, как червь подтачивает мой рассудок, и бывают минуты, что я готов лишиться себя жизни, чтобы только избавиться от его присутствия! Я бы ни за что не решился об этом говорить, если бы не думал, что рассказ мой вам послужит предостережением. Вы видите, что похождения мои несколько похожи на то, что с вами случи-

лось на даче у старой бригадирши. Ради бога, берегитесь, любезный друг, а особенно не вздумайте шутить над вашим приключением.

Пока Рыбаренко говорил, заря уже начала освещать горизонт.

Сотни башен, колоколен и позолоченных глав заиграли солнечными лучами. Свежий ветер повеял с востока, и громкий, полнозвучный удар в колокол раздался на Иване Великом. Ему отвечали, один после другого, все колокола соборов кремлевских, потом всех московских церквей. Пространство наполнилось звуком, который, как будто на незримых волнах, колебался, разливаясь по воздуху. Москва превратилась в необъятную гармонику.

В это время странное чувство происходило в груди Руневского. С благоговением внимал он священному звону колоколов, с любовью смотрел на блестящий мир, красующийся перед ним. Он видел в нем образ будущего счастья, и чем более увлекался этою мыслью, тем более страшные видения, вызванные из мрака рассказами Рыбаренко, бледнели и исчеза-

ли.

Рыбаренко также был погружен в размышления, но глубокая грусть омрачала его лицо. Он был смертельно бледен и не сводил глаз с Ивана Великого, как будто бы желал измерить его высоту.

— Пойдемте, — сказал он наконец Руневскому, — вам нужно отдохнуть!

Они оба встали со скамьи, и Руневский, простившись с Рыбаренко, отправился домой.

Когда он вошел в дом Дашиной тетушки, Федосьи Акимовны Зориной, то и она и дочь ее, Софья Карповна, приняли его с большой приветливостью. Но обхождение матери тотчас с ним переменилось, как скоро он объявил, зачем к ней приехал.

— Как, — вскричала она, — что это значит? А Софья-то? Разве вы для того так долго ездили в мой дом, чтобы над нею смеяться? Позвольте вам сказать: после ваших посещений, после всех слухов, которыми наполнен город о вашей женитьбе, поведение это мне кажется чрезвычайно странным! Как, милостивый государь? Обнадежив мою дочь, когда уже все ее считают невестой, вы вдруг сватаетесь к

другой и просите ее руки — у кого же? У меня, у матери Софьи!

Слова эти как гром поразили Руневского. Он только теперь догадался, что Зорина давно уже на него метила как на жениха для своей дочери, а вовсе не для племянницы, и в то же время понял ее тактику. Пока еще она питала надежду, все ее действия были рассчитаны, чтобы удержать Руневского в кругу ее общества, она старалась отгадывать и предупреждать все его желания, но теперь, при неожиданном требовании, она решилась прибегнуть к последнему средству и через трагическую сцену надеялась вынудить у него обещание. К несчастью своему, она ошиблась в расчете, ибо Руневский весьма почтительно и холодно ответил ей, что никогда и не думал жениться на Софье Карповне, что он приехал просить руки Даши и надеется, что она не имеет причин ему отказать. Тогда Дашина тетушка позвала свою дочь и, задыхаясь от злости, рассказала ей, в чем дело. Софья Карповна не упала в обморок, но залилась слезами и с ней сделалась истерика.

— Боже мой, боже мой, — кричала она, —

что я ему сделала? За что хочет он убить меня? Нет, я не снесу этого удара, лучше тысячу раз умереть! Я не могу, я не хочу теперь жить на свете!

— Вот в какое положение вы привели бедную Софью, — сказала ему Зорина. — Но это не может так остаться!

Софья Карповна так искусно играла свою роль, что Руневскому стало ее жалко.

Он хотел было ответить, но ни матери, ни Софьи Карповны уже не было в комнате. Подождав некоторое время, он отправился домой с твердым намерением не прежде возвратиться на дачу к бригадирше, как попытавшись еще раз получить от Дашиной тетушки удовлетворительный ответ.

Он сидел у себя задумавшись, когда ему пришли доложить, что ротмистр Зорин желает с ним говорить. Он приказал просить и увидел молодого человека, коего открытое и благородное лицо предупреждало в его пользу. Зорин был родной брат Софьи Карповны, но так как он только что приехал из Тифлиса, то Руневский никогда его не видал и не имел о нем никакого понятия.

— Я пришел с вами говорить о деле, касающемся нас обоих, — сказал Зорин, учтиво поклонившись.

— Прошу садиться, — сказал Руневский.

— Два месяца назад вы познакомились с моею сестрой, начали ездить в дом к матушке, и скоро распространились слухи, что вы просите руки Софьи.

— Не знаю, распространились ли эти слухи, — прервал его Руневский, — но могу вас уверить, что не я был тому причиной.

— Сестра была уверена в вашей любви, и с самого начала обхождение ваше с нею оправдывало ее предположения. Вам удалось внушить ей участие, и она вас полюбила. Вы даже с нею объяснились...

— Никогда! — воскликнул Руневский.

Глаза молодого Зорина засверкали от негодования.

— Послушайте, милостивый государь, — вскричал он, выходя из пределов холодной учтивости, в которых сначала хотел остаться, — вам, верно, неизвестно, что, когда я еще был на Кавказе, Софья мне о вас писала; от нее я знаю, что вы обещали просить ее руки,

и вот ее письма!

— Если Софья Карповна в них это говорит, — ответил Руневский, не дотрагиваясь до писем, которые Зорин бросил на стол, — но я сожалею, что должен опровергнуть ее слова. Я повторяю вам, что не только никогда не хотел просить ее руки, но и не давал ей ни малейшего повода думать, что я ее люблю!

— Итак, вы не намерены на ней жениться?

— Нет. И доказательством тому, что я нарочно приехал в Москву просить у вашей матушки руки ее племянницы.

— Довольно. Я надеюсь, что вы не откажете мне в удовлетворении за оскорбление, которое нанесли моему семейству.

— Я всегда к вашим услугам, но прежде прошу вас обдумать ваш поступок. Может быть, при хладнокровном размышлении, вы убедитесь, что я никогда и не помышлял наносить оскорблений вашему семейству.

Молодой ротмистр бросил гордый взгляд на Руневского и сухо сказал:

— Завтра в пять часов я вас ожидаю на Владимирской дороге, на двадцатой версте от Москвы.

Руневский поклонился в знак согласия, а оставшись один, начал заниматься приготовлениями к следующему утру. У него было мало знакомых в Москве, к тому ж почти все были на дачах, и не удивительно, что выбор его пал на Рыбаренко.

На другой день, в три часа утра, они с Рыбаренко уже ехали по Владимирской дороге и на условленном месте нашли Зорина с его секундантом.

Рыбаренко подошел к Зорину и взял его за руку.

— Владимир, — сказал он, сжав ее крепко, — ты не прав в этом деле: помирись с Руневским!

Зорин отвернулся.

— Владимир, — продолжал Рыбаренко, — не шути с судьбою, вспомни виллу Урджини!

— Полно, братец, — сказал Владимир, освобождая свою ладонь из руки Рыбаренко, — теперь не время говорить о пустяках!

Они углубились в кустарник.

Секундантом Зорина был маленький офицер с длинными черными усами, которые он беспрерывно крутил. С самого начала лицо

его показалось Руневскому знакомым, но когда, измеряя шаги для барьера, маленький офицер начал особенным родом подпрыгивать, Руневский тотчас узнал в нем Фрышкина, того самого, над которым Софья Карповна так смеялась на балу, где Руневский с ней познакомился.

— Друзья мои, — сказал Рыбаренко, обращаясь к Владимиру и Руневскому, — помиритесь, пока еще можно: я чувствую, что один из вас не воротится домой!

Но Фрышкин, приняв сердитый вид, подскочил к Рыбаренко, сказал, уставив на него большие красные глаза:

— Позвольте объяснить: здесь оскорбление нестерпимое-с... примирение невозможно-с... здесь обижено почтенное семейство-с, весьма почтенное-с... я до примирения не допущу-с... а если бы приятель мой Зорин и согласился, то я сам, Егор Фрышкин, буду стреляться вместо него-с!

Оба противника уже стояли один против другого. Вокруг них царствовала страшная тишина, которую всего на секунду прервало щелканье курков.

Фрышкин не переставал горячиться, красный как рак:

— Да, я сам хочу стреляться с господином Руневским-с! Если приятель мой Зорин его не убьет, так я убью-с!

Выстрел прервал его речь, и от головы Владимира отлетел клочок черных кудрей. Почти в ту же минуту раздался второй выстрел, и Руневский грянулся на землю с окровавленной грудью. Владимир и Рыбаренко бросились его поднимать и перевязывать рану. Пуля пробила ему грудь, и он был лишен чувств.

— Это твое видение на вилле Урджины! — сказал Рыбаренко на ухо Владимиру. — Ты убил друга.

Руневского перенесли в коляску, и так как дом бригадирши был самый ближний и хозяйку все знали как добрую и человеколюбивую старушку, его отвезли к ней, несмотря на сопротивление Рыбаренко.

Долго Руневский пролежал без памяти, а когда начал приходить в себя, первое, что ему бросилось в глаза, был портрет Прасковьи Андреевны, висящий над диваном, на котором он лежал. В нише стояла старинная кровать с

балдахином, а всю стену напротив занимал огромный камин.

Руневский узнал свою прежнюю квартиру, но никак не мог понять, каким образом сюда попал и отчего так слаб. Он попытался было встать, но сильная боль в груди удержала его на диване, и он стал вспоминать свои похождения до поединка. Он также вспомнил, как дрался с Зориным, но не знал, когда это было и сколько времени продолжалось беспмятство. Пока он размышлял о своем положении, вошел незнакомый доктор, осмотрел его рану и, пощупав пульс, объявил, что у него лихорадка. Ночью несколько раз приходил Яков и давал ему лекарство.

Таким образом прошло несколько дней, и все это время он никого не видал, кроме доктора и Якова. С последним он иногда разговаривал о Дарье Александровне, но смог от него только узнать, что Даша еще находилась у своей бабушки и что она совершенно здорова. Доктор, посещая Руневского, говорил, что ему нужно как можно больше спокойствия, и на вопрос его, скоро ли ему можно будет встать, отвечал, что он еще должен пролежать по

меньшей мере неделю. Все это еще более усилило беспокойство и нетерпение Руневского, и лихорадка его, вместо того чтобы уменьшиться, значительно увеличилась.

В одну ночь, когда сильный жар никак не давал ему заснуть, странный шум раздался близ него. Он стал прислушиваться, и ему показалось, что шум этот происходит в покоях, смежных с его комнатой. Вскоре он начал различать голоса бригадирши и Клеопатры Платоновны.

— Подождите хоть один день, Марфа Сергеевна, — говорила Клеопатра Платоновна, — подождите хоть до утра!

— Не могу, мать моя, — ответила Сугроби-на. — Да и ожидать-то к чему? Немного раньше, немного позже, а все тем же кончится. А ты, сударыня, уж всегда расхныкаешься, как девчонка какая. И в тот раз та же была история, как до Дашиной-то матери дело дошло. Какая бы я и бригадирша-то была, если б крови-то видеть не могла?

— Вы не хотите, — вскричала Клеопатра Платоновна, — всего лишь один раз отказаться от...

— Рыцарь Амвросий! — закричала Сутробина.

Руневский не мог удержаться, чтобы при этих словах не привстать и не приложить глаза к ключевой дыре.

Среди комнаты стоял Семен Семенович Теляев, одетый с ног до головы в железные латы. Перед ним на полу лежал какой-то предмет, закрытый красным сукном.

— Чего тебе надобно, Марфа? — спросил он грубым голосом.

— Пора, мой батюшка! — прошептала старуха.

Тут Руневский заметил, что на бригадирше было платье ярко-красного цвета, с вышитой на груди большой черной летучей мышью. На латах Теляева изображен был филин, и на шлеме его торчали филиновы крылья.

Клеопатра Платоновна, коей черты обнаруживали ужасное внутреннее борение, подошла к стене и, сорвав с нее небольшую доску со странными, непонятными знаками, бросила ее на пол и разбила вдребезги.

Внезапно обои раздвинулись, и из потаен-

ной двери вошел в комнату высокий человек в черном домино и в маске, при виде коего Руневский тотчас догадался, что это тот самый, которого видел Антонио на вилле дона Пьетро де Урджина.

Сугробина и Теляев обмерли от страха, когда он вошел.

— Ты уже здесь? — спросила бригадирша дрожащим голосом.

— Пора! — ответил человек в черном.

— Подожди хоть один день, ну хоть до утра! Отец ты мой, кормилец, голубчик мой, благодетель!

Старуха упала на колени, и лицо ее стало страшным образом кривляться.

— Не хочу ждать!

— Еще хоть часочек! — простонала бригадирша, уже с трудом выговаривая слова, только губы еще судорожно шевелились.

— Три минуты! Воспользуйся ими, если можешь, старая ведьма!

Он подал знак Теляеву. Семен Семенович нагнулся, поднял с полу красное сукно, и Руневский увидел Дашу, лежащую без чувств, со связанными руками. Он громко вскрикнул

и рванулся соскочить с дивана, но на него сверкнули маленькие белые глаза черного домино и пригвоздили на месте. Он ничего более не видал; в ушах его страшно шумело; он не мог сделать ни одного движения. Вдруг холодная рука провела по его лицу, и оцепенение исчезло. За ним стояло привидение Прасковьи Андреевны и обмахивалось опахалом.

— Хотите жениться на моем портрете? — спросило оно. — Я вам дам свое кольцо, и вы завтра его наденете моему портрету на палец. Не правда ли, вы это сделаете для меня?

Прасковья Андреевна обхватила его костяными руками, и он упал на подушки, лишенный чувств.

Долго был болен Руневский, и почти все время не переставал бредить. Иногда он приходил в себя, но тогда мрачное отчаяние блистало в его глазах. Он был уверен в смерти Даши, и хотя ни в чем не был виноват, проклинал себя за то, что не мог ее спасти. Лекарства, которые ему подносили, он с бешенством кидал далеко от себя, срывал перевязи со своей раны и часто приходил в такое иступление, что Яков боялся к нему подойти.

Однажды (страшный пароксизм только что миновал, природа взяла верх над отчаянием, и он неприметно погружался в благодетельный сон) ему показалось, что он слышит голос Даши. Он раскрыл глаза, но в комнате никого не было, и он вскоре заснул крепким сном. Во сне он был перенесен на виллу Урджины. Рыбаренко водил его по длинным залам и показывал места, где с ним случились те необыкновенные происшествия, о которых он ему рассказывал. «Сойдем вниз по этой лестнице, — говорил Рыбаренко, — я вам покажу ту залу, куда Антонио ездил на грифоне». Они начали спускаться, но лестнице не было конца. Между тем воздух становился все жарче и жарче, и Руневский, заметив, что сквозь щели стен по обеим сторонам лестницы время от времени мелькал красный огонь, сказал: «Я хочу воротиться», — но Рыбаренко заметил, что, по мере того как они продвигались вперед, лестница за ними заваливалась огромными глыбами. И они продолжали спускаться. Наконец ступени кончились, и они очутились перед большою медною дверью. Толстый швейцар молча ее отворил, и

несколько слуг в блестящих ливреях проводили их через переднюю. Один лакей спросил, как о них доложить, и Руневский увидел, что у него изо рта выходит огонь.

Они вошли в ярко освещенную комнату, в которой целая толпа кружилась под громкую музыку. Далее стояли карточные столы, и за одним из них сидела бригадирша и облизывала свои кровавые губы. Теляева с нею не было — вместо него напротив старухи сидело черное домино. «Ох, — вздохнула она, — скучно стало с этим чучелом! Когда-то к нам придет Семен Семенович!» — и длинная огненная струя выбежала из ее рта. Руневский хотел обратиться к Рыбаренко, но его уже не было — он находился один посреди незнакомых лиц. Вдруг из той комнаты, где танцевали, вышла Даша и подошла к нему. «Руневский, зачем вы сюда пришли? Если они узнают, кто вы, то будет беда!» Руневскому сделалось страшно, он сам не знал отчего. «Следуйте за мной, — продолжала Даша, — я вас выведу отсюда, только не говорите ни слова, а то мы пропали». Он поспешно пошел за нею, но она вдруг воротилась. «Постойте, я вам пока-

жу наш оркестр!» Даша подвела его к одной двери и, отворив ее, сказала: «Посмотрите, вот наши музыканты!» Руневский увидел множество несчастных, скованных цепями и объятых огнем. Черные дьяволы с козлиными лицами хлопотливо раздували огонь и барабанили по их головам раскаленными молотками. Вопли, проклятия и стук цепей сливались в один ужасный гул, который Руневский сначала принял за музыку. Увидев его, несчастные жертвы протянули к нему длинные руки и завывали: «К нам! ступай к нам!» — «Прочь, прочь!» — закричала Даша и повлекла Руневского за собою в темный узкий коридор, в конце которого горела только одна лампа. Он слышал, как в зале все заколыхалось. «Где он? Где он? — блеяли голоса. — Ловите его, ловите его!» — «За мной, за мной!» — кричала Даша, и он, задыхаясь, бежал за нею, а позади их множество копыт стучало по коридору. Она отворила боковую дверь и, втащив в нее Руневского, захлопнула за собою. «Теперь мы спасены!» — сказала Даша и обняла его холодными костяными руками. Руневский увидел, что это не Даша, а Прасковья Ан-

дреевна, громко закричал и... проснулся.

Возле его постели стояли Даша и Владимир.

— Я рад, — сказал Владимир, пожав ему руку, — что вы проснулись; вас тяготил неприятный сон, но мы боялись вас разбудить, чтоб не испугать. Доктор говорит, что ваша рана неопасна, и никто ему за это так не благодарен, как я. Я бы никогда себе не простил, если б вы умерли. Простите же меня: признаюсь, что погорячился!

— Любезный друг, — сказала Даша, улыбаясь, — не сердись на Владимира: он предобрый человек, только немножко вспыльчив. Ты его непременно полюбишь, когда с ним короче познакомишься!

Руневский не знал, верить ему своим глазам или нет, но Даша стояла перед ним, он слышал ее голос, и в первый раз она ему говорила «ты». С тех пор как он был болен, воображение столько раз его морочило, что понятия его совершенно смешались, и он не мог отличить обмана от истины. Владимир заметил его сомнения и продолжил:

— С тех пор как вы лежите в постели, мно-

го произошло перемен. Сестра моя вышла замуж за Фрышкина и уехала в Симбирск; старая бригадирша... но я вам слишком много рассказываю: когда вам будет лучше, сами все узнаете!

— Нет-нет, — сказала Даша, — ему никогда не будет лучше, если он останется в недоумении. Ему надобно знать все. Бабушка, — обратилась она со вздохом к Руневскому, — уже два месяца, как скончалась!

— Сама Даша, — прибавил Владимир, — была опасно больна и поправилась только после смерти Сугробиной. Постарайтесь и вы поскорей выздороветь, чтобы нам можно было сыграть свадьбу!

Видя, что Руневский смотрит на них, ничего не понимая, Даша улыбнулась.

— Самое главное, мы и забыли ему сказать: тетушка согласна на наш брак и меня благословляет!

Услышав эти слова, Руневский схватил Дашину руку, покрыл ее поцелуями, обнял Владимира и спросил, точно ли они дрались.

— Я бы не думал, — рассмеялся Владимир, — что вы можете в этом сомневаться.

— Но за что ж мы дрались? — спросил Руневский.

— Признаюсь вам, я и сам не знаю, за что. Вы были совершенно правы, и сказать правду, я рад, что вы не женились на Софье. Скоро я сам увидел ее неоткровенность и дурной нрав, особенно когда узнал, что из мщения к вам она пересказала Фрышкину, как вы над ним смеялись, но тогда уже было поздно: вы лежали в постели с простреленною грудью. Не люблю я Софью, но, впрочем, бог с нею! Желая, чтобы она была счастлива с Фрышкиным, а мне до нее нет дела!

— Как тебе не стыдно, Владимир! — сказала Даша. — Ты забываешь, что она твоя сестра!

— Сестра, сестра! — передразнил ее Владимир. — Хороша сестра, по милости которой я чуть не убил даром человека и чуть не сделал несчастною тебя, которую люблю, уж верно, больше Софьи.

Еще месяца три протекло после этого утра. Руневский и Даша уже были обвенчаны. Они сидели вместе с Владимиром перед пылающим камином, и Даша, в красивом утреннем

платье и чепчике, разливала чай. Клеопатра Платоновна, уступившая ей эту должность, сидела молча у окошка и занималась рукоделием. Взор Руневского нечаянно упал на портрет Прасковьи Андреевны.

— До какой степени, — сказал он, — воображение может овладеть человеческим рассудком! Если б я не был уверен, что во время моей болезни оно непростительным образом меня морочило, я бы поклялся в истине странных видений, связанных с этим портретом.

— История Прасковьи Андреевны в самом деле имеет много странного, — сказал Владимир. — Я так и не смог выяснить, как она умерла и кто был тот жених, пропавший так внезапно. Я уверен, что Клеопатра Платоновна знает все эти подробности, но не хочет нам их открыть!

Клеопатра Платоновна, до сих пор ни на кого не обращавшая внимания, подняла глаза, и лицо ее приняло выражение еще горестнее обыкновенного.

— Если бы, — сказала она, — смерть старой бригадирши не избавила меня от клятвы, а

женитьба Руневского и Даши не разрушила страшного проклятия, обременявшего ее семейство, вы бы никогда не узнали этой ужасной тайны. Но теперь обстоятельства переменились, и я могу удовлетворить ваше любопытство. Я подозреваю, о каких видениях говорит господин Руневский, и могу его уверить, что в этом случае он не должен обвинять свое воображение.

Чтобы объяснить многие обстоятельства, для вас непонятные, я должна вам объявить, что Дашина бабушка, урожденная Островичева, происходит от древней венгерской фамилии, ныне уже угасшей, но известной в конце пятнадцатого столетия под именем Ostroviczu. Герб ее был: черная летучая мышь в красном поле. Говорят, что бароны Ostroviczu хотели этим означать быстроту своих ночных набегов и готовность проливать кровь своих врагов. Враги эти назывались Tellara и, чтоб показать свое преимущество над прадедами бригадирши, приняли в герб свой филина, величайшего врага летучей мыши. Другие утверждают, что филин этот намекает на происхождение фамилии

Tellara от рода Тамерлана, который также имел в гербу своем филина.

Как бы то ни было, но обе фамилии вели беспрестанную войну между собой, и война эта долго бы не кончилась, если б измена и убийство не ускорили ее развязку. Марфа Ostrovczy, супруга последнего барона этого имени, женщина необыкновенной красоты, но жестокого сердца, пленилась наружностью и воинскою славой Амвросия Tellara, прозванного Амвросием с широким мечом. В одну ночь она впустила его в замок и с его помощью задушила мужа. Злодеяние ее, однако, не осталось без наказания, ибо рыцарь Амвросий, видя замок Ostrovczy в своей власти, последовал голосу врожденной ненависти и, потопив в Дунае всех приверженцев своего врага, предал его замок огню. Сама Марфа с трудом смогла спастись. Все эти обстоятельства подробно рассказаны в древней хронике фамилии Ostrovczy, которая находится здесь, в библиотеке.

Сказать вам, как и когда эта фамилия очутилась в России, я, право, не могу, но уверяю вас, что за преступление Марфы были наказа-

ны почти все ее потомки. Многие из них уже в России умерли насильственной смертью, другие сошли с ума, и наконец, тетюшка бригадирши, та самая, чей портрет вы видите перед собою, будучи невестой ломбардского дворянина Пьетро де Урджины...

— Пьетро де Урджины? — прервали Клеопатру Платоновну в один голос Руневский и Владимир.

— Да, — ответила она, — жених Прасковьи Андреевны назывался дон Пьетро де Урджина. Хотя это было давно, но я его хорошо помню. Он был человек уже немолодой и к тому ж вдовец, но большие черные глаза его так горели, как будто ему было не более двадцати. Прасковья Андреевна была молодая девушка, и учтивые приемы ловкого иностранца легко ее обворожили. Она страстно в него влюбилась. Мать ее не имела той ненависти ко всему иностранному, которую покойная бригадирша, может быть, лишь для того так часто обнаруживала, чтобы тем лучше скрыть свое собственное происхождение. Она желала выдать дочь за дона Пьетро, ибо он был богат, приехал с большою свитой и жил

как владетельный князь. К тому же он обещался навсегда поселиться в России и уступить ломбардские свои имения сыну, находившемуся тогда в городе Комо.

Дон Пьетро привез с собою множество отличных художников. Архитекторы его выстроили этот дом, а живописцы и ваятели украсили его с истинно итальянским вкусом. Но, несмотря на необыкновенную роскошь дона Пьетро, многие замечали в нем черты самой отвратительной скупости. Когда он проигрывал в карты, лицо его видимо изменялось, он бледнел и дрожал; когда же он был в выигрыше, жадная улыбка показывалась на его устах, и он с судорожным движением пальцев загребал добытое золото. Низкий его нрав, казалось, должен бы переменить к нему расположение Прасковьи Андреевны и ее матери, но он так хорошо умел притворяться перед ними обеими, что ни та, ни другая ничего не заметили и день свадьбы был торжественно объявлен.

Накануне он дал в своей новой даче блистательный ужин, и никогда его любезность не показывалась с таким блеском, как в этот

вечер. Умный и живой разговор его занимал все собрание, и все были в самом веселом расположении духа, когда хозяину дома подали письмо с иностранным клеймом. Прочитав содержание, он поспешно встал из-за стола и извинился перед обществом: мол, неожиданные дела непременно требуют его присутствия. В ту же ночь он уехал, и никто не знал куда.

Невеста была в отчаянии. Мать ее, употребив все средства, чтобы отыскать след жениха, начала приписывать поведение его одной уловке, чтобы отделаться от брака с ее дочерью, тем более что дон Пьетро, несмотря на поспешность своего отъезда, успел оставить поверенному письменное наставление, как распорядиться его домом и находящимися в нем вещами, из чего ясно можно было видеть, что если бы только хотел, мог бы найти время уведомить Прасковью Андреевну о причине и назначении неожиданного своего путешествия.

Прошло несколько месяцев, а о женихе все еще не было известия. Бедная невеста не переставала плакать и так похудела, что золо-

тое кольцо, которое подарил ей дон Пьетро, само собой спало с ее руки. Все уже потеряли надежду что-нибудь узнать о женихе, как мать Прасковьи Андреевны получила из Комо письмо, в котором ее уведомяли, что он вскоре по приезде из России скоропостижно умер. Письмо было от сына умершего, но один дальний родственник невесты, только что приехавший из Неаполя, рассказывал, что в тот самый день, когда, по словам молодого Урджины, отец его скончался в Комо, он, родственник, собираясь влезть на Везувий, видел в корчме местечка Torre del Greco двух путешественников, из коих один был в халате и в ночном колпаке, а другой — в черном домино и маске. Путешественники спорили между собою: человеку в халате не хотелось идти дальше, а человек в домино его торопил: говорил, что им еще далеко до кратера, а на другой день праздник Святого Антония. Наконец человек в домино схватил человека в халате и с исполинской силой потащил за собой. Когда они скрылись, родственник спросил, кто эти чудаки, и ему ответили, что один из них дон Пьетро де Урджина, а дру-

гой — какой-то англичанин, приехавший с ним нарочно, чтобы видеть извержение Везувия, и из странности никогда не снимавший с себя маски. Встреча эта, заключал родственник, ясно доказывает, что дон Пьетро не умер, а только отлучился на время из Комо в Неаполь.

К несчастью, другие известия подтвердили справедливость письма молодого Урджини. Несколько очевидцев уверяли, что они присутствовали при погребении дона Пьетро, и божились, что сами видели, как гроб его опущен был в землю. Итак, не осталось сомнения в участи жениха Прасковьи Андреевны.

Сын дона Пьетро, не желавший удалиться из Италии, поручил своему поверенному продать отцовскую дачу с публичного торга. Продажа состоялась довольно беспорядочно, и мать Прасковьи Андреевны купила Березовую Рощу за бесценок.

Сколько Прасковья Андреевна сначала горевала и плакала, столько теперь казалась спокойной. Ее редко видали в покоях матери, но по целым дням она бродила в верхнем этаже из комнаты в комнату. Часто слуги, прохо-

дившие по коридору, слышали, как она сама с собой разговаривала. Любимое ее занятие было — припоминать малейшие подробности своего знакомства с доном Пьетро, малейшие обстоятельства последнего вечера, который она с ним провела. Иногда она без всякой причины смеялась, иногда так жалобно стонала, что нельзя было ее слушать без ужаса.

В один вечер с ней сделались конвульсии, и не прошло двух часов, как она умерла в страшных мучениях. Все полагали, что она себя отравила, и, со всем почтением к памяти покойницы, нельзя не думать, что это предположение справедливо. Иначе что бы значили эти звуки, которые вскоре после ее смерти начали раздаваться в ее комнатах? Чему приписать эти шаги, вздохи и даже несвязные слова, которые я сама не раз слышала, когда в бурные осенние ночи беспрестанный стук окон не давал мне заснуть, а ветер свистел в трубы, как будто бы наигрывал какую-то жалобную песнь. Тогда волосы мои становились дыбом, зубы стучали один об другой, и я громко молилась за упокой бедной грешницы.

— Но, — сказал Руневский, слушавший с

возрастающим любопытством рассказ Клеопатры Платоновны, — можете ли вы нам сказать, какие именно слова произносила покойница?

— Ах, в то время в словах ее мне многое казалось странным. Смысл их всегда состоял в том, что ей до тех пор не будет покою, пока кто-нибудь не обручится с ее портретом и не наденет ему на палец ее собственное кольцо. Слава всевышнему, теперь желание ее исполнилось, и ничто уже более не будет тревожить ее праха. Кольцо, которым обручалась Даша, есть то самое, которое дон Пьетро подарил своей невесте. А разве Даша не живой портрет Прасковьи Андреевны?

— Клеопатра Платоновна, — сказал Руневский после некоторого молчания, — вы не все мне открыли. В этой истории о фамилии Ostrovičzy, от которой, как вы говорите, происходит покойная бригадирша, есть какая-то непостижимая тайна, окружающая меня с самого того времени, как я вступил в этот дом. Что делала Сугробина вместе с Теляевым в одну ночь, когда они оба перерядились: одна в красную мантию, другой — в старинные ла-

ты? Все это я считал сном или бредом моей горячки, но в вашем рассказе есть подробности, которые так хорошо соответствуют происшествиям той ужасной ночи, что их невозможно принять за игру воображения. Вы сами, Клеопатра Платоновна, присутствовали при каком-то страшном преступлении, от которого у меня осталось одно темное воспоминание, но коего главные участники были бригадирша и Семен Семенович Теляев. Мне самому стыдно, — продолжал Руневский, видя, что все на него смотрят с удивлением, — что я еще думаю об этом. Рассудок мой говорит мне, что это бред, но это такой страшный бред, что я не могу не желать удостовериться в его ничтожности.

— Что ж вы видели? — спросила Клеопатра Платоновна с беспокойством.

— Я видел вас, видел Сугробину, Теляева и этого таинственного незнакомца в домино и в маске, который увлекал дону Пьетро де Урджину в кратер Везувия и о котором мне уже рассказывал Рыбаренко.

— Рыбаренко! — рассмеялся Владимир. — Твой секундант! Ну, любезный Руневский, ес-

ли он тебе рассказывал о своих похождениях в Комо, то я не удивляюсь, что это тебе вскружило голову.

— Но ты сам и еще этот Антонио, вы вместе с Рыбаренко ночевали в чертовом доме?

— Так точно, и все трое мы видели бог знает что во сне, с тою только разницею, что Антонио и я скоро обо всем забыли, а бедный Рыбаренко через несколько дней сошел с ума. Впрочем, ему, надобно отдать справедливость, было от чего помешаться. Я сам не понимаю, как уцелел. Если бы я только знал, кто подмешал нам опиума в этот пунш, который мы пили, прежде чем пошли в чертов дом, он бы мне дорого заплатил за эту шутку.

— Но Рыбаренко мне ни слова не говорил про пунш.

— Оттого что он до сих пор не верит, что бред его был следствием пунша. Я ж в этом вполне уверен, ибо у меня от одного стакана закружилась голова, а Антонио начал шататься и даже упал на совершенно ровном месте.

— Но ведь Антонио умер от последствий вашей шалости?

— Правда, что он вскоре после нее умер, но правда и то, что он еще прежде страдал неизлечимой хронической болезнью.

— А кости, а череп ребенка, а казненный разбойник?

— Не прогневайся, любезный Руневский, но в ответ на все это я тебе скажу только, что Рыбаренко, которого я, впрочем, очень люблю, помешался в Комо со страха. Все, что видел во сне и наяву, он смешал, перепутал и приукрасил по-своему. Потом он рассказал это тебе, а ты, будучи в горячке, всю его чепуху еще более спутал и, сверх того, уверил себя в ее истине.

Руневский не довольствовался этим истолкованием и спросил:

— Отчего же история этого дона Пьетро, в дом которого вы забрались ночью, смешана с историей Прасковьи Андреевны, в которой, однако, мне кажется, никто из вас не сомневается.

Владимир пожал плечами.

— Все, что я тут вижу, заключается в том, что дон Пьетро был жених Прасковьи Андреевны. Но из этого нисколько не следует, что

он был унесен чертом в Неаполь и что все, что о нем снилось Рыбаренко, есть правда.

— Но родственник Прасковьи Андреевны говорил о человеке в черном домино, Рыбаренко также говорил об этом человеке, и я сам готов побожиться, что видел его своими глазами. Неужели бы три лица, не согласившись друг с другом, захотели сами себя обманывать?

— На это я тебе скажу, что черное домино вещь такая обыкновенная, что о ней могли бы говорить не три, а тридцать человек, вовсе между собою не согласившись. Это все равно что плащ, карета, дерево или дом — предметы, которые несколько раз в день могут быть в устах каждого. Заметь, что согласие слов Рыбаренко со словами родственника состоит только в том, что они оба говорят о черном домино, но обстоятельства, в которых оно является у каждого из них, ничего не имеют между собою схожего. Что ж касается до твоего собственного видения, то воображение твое просто воссоздало лицо, уже знакомое тебе по рассказам Рыбаренко.

— Но я ничего не знал ни о фамилии

Ostroviczy, ни о фамилии Tellara, а между тем ясно видел на Сугробиной красное платье с летучей мышью, а на латах Теляева — изображение филина.

— А пророчество? — сказала Даша. — Ты разве забыл, что в первый день, когда сюда приехал, ты сам прочитал род баллады, в которой говорилось о Марфе и рыцаре Амвросии, о филине и летучей мыши. Только я не знаю, что может быть общего у Теляева с филином или с рыцарем Амвросием!

— Эту балладу, — прибавила Клеопатра Платоновна, — извлек Рыбаренко из старинной хроники, о которой я вам уже говорила, но после того, как вы ее прочитали, Марфа Сергеевна мне приказала сжечь свою рукопись.

— И после этого вы полагаете, — продолжал Руневский, обращаясь к Владимиру и Даше, — что она была не упырь?

— Как не упырь?

— Что она не вампир?

— Что ты, помилуй! Отчего бабушке быть вампиром?

— И Теляев не упырь?

— Да что с тобой? С какой стати ты хочешь, чтобы все были упырями или вампирами?

— Отчего ж он щелкает?

Даша и Владимир посмотрели друг на друга, и наконец Даша так чистосердечно захохотала, что увлекла за собой и Владимира. Оба начали кататься со смеху, и когда одна переставала, другой начинал снова. Они смеялись так откровенно, что Руневский, сколько это ему ни казалось некстати, сам не мог удержаться от смеха. Одна Клеопатра Платоновна осталась по-прежнему печальною.

Веселье Владимира и Даши, вероятно, еще долго бы продолжалось, если б не вошел Яков и не произнес громогласно:

— Семен Семенович Теляев!

— Просить, просить! — сказала радостно Даша и повторила, помирая со смеху: — Упырь! Семен Семенович упырь! Рыцарь Амвросий! Ха-ха-ха!

В передней послышались шаги, и все замолчали. Дверь отворилась, и знакомая фигура старого чиновника представилась их очам. Коричневый парик, коричневый фрак, корич-

новые панталоны и никогда не меняющаяся улыбка были отличительными чертами этой фигуры и тотчас бросались в глаза.

— Здравия желаю, сударыня Дарья Александровна. Мое почтение, Александр Андреевич! — сказал он сладким голосом, подходя к Даше и к Руневскому. — Душевно сожалею, что не мог ранее поздравить молодых супругов, но отлучка... семейные обстоятельства...

Он начал неприятным образом щелкать, сунул руку в карман и, вытащив золотую табакерку, поднес ее прежде Даше, а потом Руневскому, приговаривая:

— С донником... настоящий русский... покойница Марфа Сергеевна другого не употребляли...

— Посмотри, — шепнула Даша Руневскому, — вот откуда ты взял, что он рыцарь Амвросий!

Она указала на табакерку Семена Семеновича, и Руневский увидел, что на ее крышке изображен ушастый филин.

Приметив, что он смотрит на это изображение, Семен Семенович странным образом на него взглянул и проговорил, повертывая

ГОЛОВОЮ:

— Гм! Это так-с, фантазия... аллегория... говорят, что филин означает мудрость...

Он опустился в кресло и продолжил с необыкновенно сладкой улыбкой:

— Много нового-с! Карлисты претерпели значительные поражения. Вчера некто известный вам бросился с колокольни Ивана Великого, коллежский асессор Рыбаренко...

— Как, Рыбаренко бросился с колокольни?

— Как изволите говорить... вчера в пять часов...

— И убился до смерти?

— Как изволите говорить...

— Но что его к этому побудило?

— Не могу доложить... причины неизвестны... Но смею сказать, что напрасно... коллежский асессор!.. далеко ли до коллежского советника... там статский советник... действительный...

Семен Семенович впал в щелканье, и во все остальное время его визита Руневский ничего более не слышал. Когда же Теляев ушел, он сказал:

— Бедный, бедный Рыбаренко!

Клеопатра Платоновна глубоко вздохнула.

— Итак, пророчество исполнилось вполне. Проклятие не будет более тяготить этот род!

— Что вы говорите? — спросили Руневский и Владимир в один голос.

— Рыбаренко был незаконнорожденный сын бригадирши!

— Рыбаренко? Сын бригадирши?

— Он сам этого не знал. В балладе, которую вы читали, он странным образом предсказал свою смерть. Но это предсказание не есть его выдумка: оно в самом деле существовало в фамилии Ostrovičy.

Веселое выражение на лицах Даши и Владимира уступило место печальной задумчивости. Руневский погрузился также в размышления.

— О чем ты думаешь, мой друг? — спросила наконец Даша, прерывая общее молчание.

— Я думаю о Рыбаренко, — ответил Руневский, — и еще о том, что видел во время своей болезни. Это не выходит у меня из головы, но раз ты здесь, со мной, значит, то был бред!

Едва сказав это, он побледнел, ибо в то же время заметил на шее у Даши маленький

шрам, как будто от недавно зажившей ранки, и спросил:

— Откуда у тебя этот шрам?

— Не знаю, милый. Я была больна и, верно, обо что-нибудь укололась. Я сама удивилась, когда увидела свою подушку всю в крови.

— А когда это было, не помнишь?

— В ту самую ночь, когда скончалась бабушка, за несколько минут до ее смерти. Это как раз и было причиной, что я не могла с нею проститься: так вдруг сделалась слаба!

Клеопатра Платоновна, пока они говорили, что-то про себя шептала, и Руневскому показалось, что она тихонько молится.

— Да, — сказал он, — теперь я все понимаю. Вы спасли Дашу... вы, Клеопатра Платоновна, разбили каменную доску... такую же доску, какая была у дона Пьетро...

Клеопатра Платоновна смотрела на Руневского умоляющими глазами.

— Но нет, — сказал он, — я ошибаюсь, не будем более об этом говорить! Я уверен, что это был бред!

Даша не совсем поняла смысл его слов, но промолчала. Клеопатра Платоновна бросила

благодарный взгляд на Руневского и стерла две крупных слезы со своих бледных ланит.

— Ну что ж мы, все четверо, повесили головы? — сказал Владимир. — Жаль бедного Рыбаренко, но помочь ему нельзя. Пойдите, я вас сейчас развеселю: не правда ли, Теляев славный упырь?

Никто не засмеялся, а Руневский дернул за шнурок колокольчика и сказал вошедшему Якову:

— Когда бы ни приехал Семен Семенович, нас никогда для него нет дома. Слышишь ли? Никогда!

— Слушаю-с! — ответил Яков.

С этих пор Руневский не говорил более ни про старую бригадиршу, ни про Семена Семеновича.

1841 г.

Семья вурдалака

Неизданный отрывок из записок неизвестного [9]

В 1815 году в Вене[10] собрался цвет европейской образованности, дипломатических дарований — всего того, что блистало в тогдашнем обществе. Но вот конгресс окончился.

Роялисты-эмигранты намеревались уже окончательно водвориться в своих замках, русские воины — вернуться к покинутым очагам, а несколько недовольных поляков — искать приюта своей любви к свободе в Кракове под сомнительной тройственной эгидой независимости[11], уготованной для них князем Меттернихом, князем Гарденбергом и графом Нессельроде[12].

Как это бывает к концу шумного бала, от общества, в свое время столь многолюдного, остался теперь небольшой кружок лиц, которые, еще не утратив вкуса к развлечениям и очарованные прелестью австрийских дам, не торопились домой и откладывали свой отъезд.

Это веселое общество, к которому принадлежал и я, собиралось два раза в неделю у вдовствующей княгини Шварценберг в нескольких милях от города за местечком Гитцинг. Истинная светскость хозяйки дома, еще более выигрывавшая от ее милой приветливости и тонкого остроумия, делала чрезвычайно приятным пребывание у нее в гостях.

Утро у нас бывало занято прогулкой; обедали мы все вместе либо в замке, либо где-нибудь в окрестностях, а вечером, усевшись у пылающего камина, беседовали и рассказывали всякие истории. Говорить о политике было строго запрещено, все от нее устали, и содержание наших рассказов мы черпали либо в преданиях родной старины, либо в собственных воспоминаниях.

Однажды вечером, когда каждый из нас успел что-то рассказать и мы находились в том несколько возбужденном состоянии, которое обычно еще усиливают сумерки и тишина, маркиз д'Юрфе, старик эмигрант, пользовавшийся всеобщей любовью за свою чисто юношескую веселость и ту особую остроту,

которую придавал рассказам о былых своих любовных удачах, воспользовался минутой безмолвия и сказал:

— Ваши истории, господа, конечно, весьма необыкновенны, но я думаю, что им недостает одной существенной черты, а именно подлинности, ибо — насколько я уловил — никто из вас своими глазами не видел те удивительные вещи, о которых повествовал, и не может словом дворянина подтвердить их истинность.

Нам пришлось с этим согласиться, и старик, поглаживая свое жабо, продолжил:

— Что до меня, господа, то мне известно лишь одно подобное приключение, но оно так странно и в то же время так страшно и так достоверно, что одно могло бы повергнуть в ужас людей даже самого скептического склада ума. К моему несчастью, я был и свидетелем и участником этого события, и хотя вообще не люблю о нем вспоминать, но сегодня готов рассказать о случившемся со мною, если только дамы ничего не будут иметь против.

Слушать захотели все. Правда, несколько

человек с робостью во взгляде посмотрели на светящиеся квадраты, которые луна уже чертила по паркету, но тут же кружок наш сомкнулся теснее и все приумолкли, готовясь слушать историю маркиза. Господин д'Юрфе взял щепотку табаку, медленно потянул ее и начал:

— Прежде всего, милостивые государыни, попрошу у вас прощения, если в ходе рассказа мне придется говорить о моих сердечных увлечениях чаще, чем это подобает человеку в моих летах. Но ради полной ясности мне о них нельзя не упоминать. К тому же старости прощительно забываться, и право же, это ваша, милостивые государыни, вина, если, глядя на таких красивых дам, я чуть ли сам уже не кажусь себе молодым человеком. Итак, начну прямо с того, что в тысяча семьсот пятьдесят девятом году я был без памяти влюблен в прекрасную герцогиню де Грамон. Эта страсть, представлявшаяся мне тогда и глубокой и долговечной, не давала мне покоя ни днем, ни ночью, а герцогиня, как это часто нравится хорошеньким женщинам, еще усиливала это терзание своим кокетством. И вот,

в минуту крайнего отчаяния, я в конце концов решил просить о дипломатическом поручении к господарю молдавскому, ведущему тогда переговоры с версальским кабинетом о делах, излагать вам которые было бы столь же скучно, сколь и бесполезно, и назначение я получил. Накануне отъезда я явился к герцогине. Она отнеслась ко мне менее насмешливо, чем обычно, и в голосе ее чувствовалось некоторое волнение, когда она мне сказала:

— Д'Юрфе, вы делаете очень неразумный шаг. Но я вас знаю, и мне известно, что от принятого решения вы не откажетесь. Поэтому прошу вас только об одном — возьмите вот этот крестик как залог моей дружбы и носите его, пока не вернетесь. Это семейная реликвия, которой мы очень дорожим.

С учтивостью, неуместной, быть может, в подобную минуту, я поцеловал не реликвию, а ту очаровательную руку, которая мне ее протягивала, и надел на шею вот этот крестик, с которым с тех пор не расставался.

Не стану утомлять вас, милостивые государины, ни подробностями моего путешествия, ни моими впечатлениями от венгерцев и сер-

бов — этого бедного и непросвещенного, но мужественного и честного народа, который, даже и под турецким ярмом, не забыл ни о своем достоинстве, ни о былой независимости. Скажу вам только, что, научившись немного по-польски еще в те времена, когда жил в Варшаве, я быстро начал понимать и по-сербски, ибо эти два наречия, равно как русское и чешское, являются — и это вам, наверно, известно — не чем иным, как ветвями одного и того же языка, именуемого славянским.

Итак, я уже знал достаточно для того, чтобы быть в состоянии объясниться, когда мне однажды случилось попасть проездом в некую деревню, название которой не представило бы для вас никакого интереса. Обитателей дома, в котором я остановился, я нашел в состоянии подавленности, удивившей меня тем более, что дело было в воскресенье — день, когда сербы предаются обычно всяческому веселью, забавляясь пляской, стрельбой из пищали, борьбой и тому подобным. Расположение духа моих будущих хозяев я приписал какой-нибудь недавно случившейся-

ся беде и уже думал удалиться, но тут ко мне подошел и взял за руку мужчина лет тридцати, роста высокого и вида внушительного.

— Входи, — сказал он, — входи, чужеземец, и пусть не пугает тебя наша печаль; ты ее поймешь, когда узнаешь ее причину.

И он мне рассказал, что старик отец его по имени Горча, человек нрава беспокойного и неуступчивого, поднялся однажды с постели, снял со стены длинную турецкую пищаль и обратился к двум своим сыновьям, одного из которых звали Георгием, а другого — Петром.

— Дети, — молвил он им, — я иду в горы, хочу с другими смельчаками поохотиться на поганого пса Алибека (так звали разбойника-турка, разорывшего последнее время весь тот край). Ждите меня десять дней, а коли на десятый день не вернусь, закажите обедню за упокой моей души — значит, убили меня. Но ежели, — прибавил тут старый Горча, приняв вид самый строгий, — ежели (да не попустит этого Бог) я вернусь позднее, ради вашего спасения, не впускайте вы меня в дом. Ежели будет так, приказываю вам: забудьте, что я вам был отец, и вбейте мне осиноый кол в спи-

ну, что бы я ни говорил, что бы ни делал, — значит, я теперь проклятый вурдалак и пришел сосать вашу кровь.

Здесь надо будет вам сказать, милостивые государыни, что вурдалаки, как называются у славянских народов вампиры, не что иное в представлении местных жителей, как мертвецы, вышедшие из могил, чтобы сосать кровь живых людей. У них вообще те же повадки, что у всех прочих вампиров, но есть и особенность, делающая их еще более опасными. Вурдалаки, милостивые государыни, сосут предпочтительно кровь у самых близких своих родственников и лучших друзей, а те, когда умрут, тоже становятся вампирами, так что со слов очевидцев даже говорят, будто в Боснии и Герцеговине население целых деревень превращалось в вурдалаков. В любопытном труде о привидениях аббат Огюстен Кальме[13] приводит тому ужасающие примеры. Императоры германские не раз назначали комиссии для расследования случаев вампиризма. Производились допросы, извлекались из могил трупы, налитые кровью, и их сжигали на площадях, но сперва пронзали им

сердце. Судебные чиновники, присутствовавшие при этих казнях, уверяют, что сами слышали, как выли трупы в тот миг, когда палач вбивал им в грудь осиновый кол. Они дали об этом показания по всей форме и скрепили их присягой и подписью.

После всего этого вам легко будет вообразить себе, какое действие слова старого Горчи произвели на его сыновей. Оба они упали к его ногам и стали умолять, чтобы он позволил им отправиться вместо него, но тот, ничего не ответив, только повернулся к ним спиной и пошел прочь, повторяя припев старинной песни. День, в который я приехал сюда, был тот самый, когда кончался срок, назначенный Горчей, и мне было не трудно понять волнение его детей.

То была дружная и хорошая семья. Георгий, старший сын, с чертами лица мужественными и резкими, был, по-видимому, человек строгий и решительный, к тому же женат и имел двух детей. У брата его Петра, красивого восемнадцатилетнего юноши, лицо носило выражение скорее мягкости, чем отваги, и его, судя по всему, особенно любила

младшая сестра, Зденка, в которой можно было признать тип славянской красоты. В ней, кроме этой красоты, во всех отношениях бесспорной, меня прежде всего поразило отдаленное сходство с герцогиней де Грамон. Главное — была у нее та особенная складочка над глазами, каких за всю мою жизнь я не встречал ни у кого, кроме этих двух женщин. Эта черточка могла и не понравиться с первого взгляда, но стоило увидеть ее несколько раз, как она с неодолимой силой привлекала вас к себе.

То ли потому, что был я тогда очень молод, то ли в самом деле неотразимое действие производило это сходство в сочетании с каким-то своеобразным и наивным складом ума Зденки, но стоило мне две минуты поговорить с нею — и я уже испытывал к ней симпатию настолько живую, что она неминуемо превратилась бы в чувство еще более нежное, если бы мне подольше пришлось остаться в той деревне.

Мы все сидели во дворе за столом, на котором для нас были поставлены творог и молоко в кринках. Зденка пряла; ее невестка гото-

вила ужин для детей, игравших тут же в песке; Петр с наигранной беззаботностью что-то насвистывал, занятый чисткой ятагана — длинного турецкого ножа; Георгий, облокотившись на стол, сжимал голову ладонями, был озабочен, глаз не сводил с дороги и все время молчал.

Я же, как и все остальные, поддавшись тоскливому настроению, меланхолично глядел на вечерние облака, обрамлявшие золотую полосу неба, и на очертания монастыря, поднимавшегося над сосновым лесом.

Этот монастырь, как я узнал позднее, славился некогда чудотворной иконой Богоматери, которую, по преданию, принесли ангелы и оставили на ветвях дуба. Но в начале минувшего века в те края вторглись турки, перерезали монахов и разорили монастырь. Оставались только стены и часовня, где службу совершал некий отшельник. Он водил посетителей по развалинам и давал приют богомольцам, которые по пути от одной святыни к другой охотно останавливались в монастыре Божьей Матери Дубравной. Все это, как я уже упомянул, мне стало известно лишь впо-

следствии, а в тот вечер занимала меня уж никак не археология Сербии. Как это нередко бывает, если только дашь волю своему воображению, я стал вспоминать прошлое, светлые дни детства, мою прекрасную Францию, которую я покинул ради далекой и дикой страны. Я думал о герцогине де Грамон и — не буду этого скрывать — также о некоторых современницах ваших бабушек, чьи образы невольно проскользнули в мое сердце вслед за образом прелестной герцогини.

Вскоре я позабыл и о моих хозяевах, и о предмете их тревоги.

Георгий вдруг нарушил молчание:

— Скажи-ка, жена, в котором часу ушел старик?

— В восемь часов, — ответила жена, — я слышала, как в монастыре ударили в колокол.

— Хорошо, — проговорил Георгий, — сейчас половина восьмого, не позднее.

И он замолчал, опять устремив глаза на большую дорогу, которая исчезала в лесу.

Я забыл вам сказать, милостивые государины, что когда сербы подозревают в ком-ни-

будь вампира, то избегают называть его по имени или упоминать о нем прямо, ибо думают, что так его можно вызвать из могилы. Вот почему Георгий, когда говорил об отце, уже некоторое время называл его не иначе как «старик».

Молчание продолжалось еще несколько минут. Вдруг один из мальчиков, дернув Зденку за передник, спросил:

— Тетя, а когда дедушка придет домой?

В ответ на столь неуместный вопрос Георгий дал ребенку пощечину.

Мальчик заплакал, а его младший брат, и удивленный и испуганный, спросил:

— А почему нам нельзя говорить о дедушке?

Новая пощечина — и он тоже примолк. Оба мальчика заревели, а взрослые перекрестились.

Но вот часы в монастыре медленно пробили восемь. Едва отзвучал первый удар, как мы увидели человеческую фигуру, появившуюся из леса и направившуюся в нашу сторону.

— Он! — воскликнули в один голос Зденка,

Петр и их невестка. — Слава тебе господи!

— Господи, сохрани и помилуй нас! — торжественно проговорил Георгий. — Как знать, прошло ли уже или не прошло десять дней?

Все в ужасе посмотрели на него. Человек между тем все приближался к нам. Это был высокий старик с белыми усами, с лицом бледным и строгим; двигался он с трудом, опираясь на палку. По мере того как он приближался, Георгий становился все мрачней. Подойдя к нам, старик остановился и обвел свою семью взглядом как будто невидящих глаз — до того они были у него тусклые и впалые.

— Что ж это, — сказал он, — никто не встанет, никто не встречает меня? Что вы все молчите? Иль не видите, что я ранен?

Тут я заметил, что у старика левый бок весь в крови.

— Да поддержи отца, — сказал я Георгию, — а ты, Зденка, напоила бы его чем-нибудь, ведь он того гляди упадет.

— Отец, — промолвил Георгий, подойдя к Горче, — покажи свою рану, я в этом знаю толк, перевяжу тебя...

Он только взялся за его одежду, но старик грубо оттолкнул его и обеими руками схватился за бок:

— Оставь, коли не умеешь, больно мне!

— Так ты в сердце ранен! — вскричал Георгий и весь побледнел. — Скорей, скорей разделись, так надо — слышишь!

Старик вдруг выпрямился во весь рост и сказал глухо:

— Берегись! Дотронешься до меня — прокляну!

Петр встал между отцом и Георгием:

— Оставь его! Ты же видишь, ему больно.

— Не перечь! — проговорила жена. — Знаешь ведь, он этого никогда не терпел.

В эту минуту мы увидели стадо, возвращающееся с пастбища в облаке пыли. То ли пес, сопровождавший стадо, не узнал старика хозяина, то ли другая была причина, но едва только он завидел Горчу, как остановился, ощетинился и начал выть, словно что-то почувал.

— Что с этим псом? — спросил старик, сердчая все более. — Что все это значит? За десять дней, что меня не было, неужто я так перемене-

нился, что и собственный пес меня не узнает?

— Слышишь? — сказал своей жене Георгий.

— А что?

— Сам говорит, что десять дней прошло!

— Да нет же, ведь он в срок воротился!

— Ладно, ладно, я уж знаю, что делать.

Пес выл не переставая.

— Застрелить его! — крикнул Горча. — Это я приказываю — слышите!

Георгий не пошевелился, а Петр со слезами на глазах встал, взял отцовскую пицаль и выстрелил в пса — тот покатился в пыли.

— А был он мой любимец, — проговорил он совсем тихо. — С чего это отец велел его застрелить?

— Он того заслужил, — ответил Горча. — Ну, стало свежо, в дом пора!

Тем временем Зденка приготовила питье для старика, вскипятив водку с грушами, с медом и с изюмом, но он с отвращением его оттолкнул. Точно так же он отверг и блюдо с пловом, которое ему подал Георгий, и уселся около очага, бормоча сквозь зубы что-то невнятное.

Потрескивали сосновые дрова, и дрожащие отблески огня падали на его лицо, такое бледное, такое изможденное, что, если бы не это освещение, его вполне можно было принять за лицо покойника. Зденка к нему подошла и сказала:

— Ты, отец, ни есть не хочешь, ни спать не ложишься. Может, расскажешь, как ты охотился в горах.

Девушка знала, что эти слова затронут у старика самую чувствительную струну, так как он любил поговорить о боях и сражениях. И в самом деле, на его бескровных губах появилось что-то вроде улыбки, хотя глаза смотрели безучастно, и он ответил, глядя ее по чудесным белокурым волосам:

— Ладно, дочка, ладно, Зденка, я тебе расскажу, что со мной было в горах, только уж как-нибудь в другой раз, а то сегодня я устал. Одно скажу — нет в живых Алибека, и убил его я. А ежели кто сомневается, — прибавил старик, окидывая взглядом свою семью, — есть чем доказать!

И он развязал мешок, висевший у него за спиной, и вытащил окровавленную голову, с

которой, впрочем, его собственное лицо могло поспорить мертвенно-бледным цветом! Мы с ужасом отвернулись, а Горча отдал ее Петру и сказал:

— На, прицепи над нашей дверью: пусть знает всякий, кто пройдет мимо дома, что Алибек убит и никто больше не разбойничает на дороге, кроме разве султанских янычар!

Петр, подавляя отвращение, исполнил, что было приказано, и сказал:

— Теперь понимаю, бедный пес выл оттого, что почувал мертвечину!

— Да, почувал мертвечину, — мрачно повторил Георгий, который незадолго перед тем незаметно вышел, а теперь вернулся: в руке он держал какой-то предмет, который тут же поставил в угол — как мне показалось, это был кол.

— Георгий, — вполголоса сказала ему жена, — да неужто ты...

— Брат, что ты затеял? — заговорила и сестра. — Да нет, нет, ты этого не сделаешь, верно?

— Не мешайте, — ответил Георгий, — я знаю, что мне делать, и что надо — то сделаю.

Тем временем настала ночь, и семья ушла спать в ту часть дома, которую от моей комнаты отделяла лишь тонкая стенка. Признаюсь, что все, чему я вечером был свидетель, сильно на меня подействовало. Свеча уже не горела, а в маленькое низенькое окошко возле самой моей постели вовсю светила луна, так что на пол и стены ложились белые пятна вроде тех, что падают сейчас здесь, в гостиной, где мы с вами сидим, милостивые государины. Я хотел заснуть, но не мог. Свою бессонницу я приписал влиянию лунного света и стал искать, чем бы завесить окно, но ничего не нашел. Тут за перегородкой глухо слышались голоса, и я прислушался.

— Ложись, жена, — сказал Георгий, — и ты, Петр, ложись, и ты, Зденка. Ни о чем не беспокойтесь, я посижу за вас.

— Да нет, Георгий, — возразила жена, — уж скорее мне сидеть: ты прошлую ночь работал — наверно, устал. Да и так мне надо приглядеть за старшим мальчиком — ты же знаешь, ему со вчерашнего нездоровится!

— Будь спокойна и ложись, — сказал Георгий, — я посижу и за тебя!

— Да послушай, брат, — промолвила теперь нежным, тихим голосом Зденка, — по мне, так нечего и сидеть. Отец уже уснул, и смотри, как мирно и спокойно спит.

— Ничего-то вы обе не понимаете, — возразил Георгий тоном, не допускающим противоречия. — Говорю вам — ложитесь, а я спать не буду.

Вскоре воцарилась полная тишина, я же почувствовал, как отяжелели мои веки, и сон меня одолел.

Но вдруг дверь в комнату как будто медленно отворилась, и на пороге возник Горча. Я, впрочем, скорее догадывался об этом, чем видел его, потому что там, откуда он вышел, было совершенно темно. Его погасшие глаза — так мне чудилось — старались проникнуть в мои мысли и следили за тем, как подымается и опускается моя грудь. Потом он сделал шаг, другой, затем с чрезвычайной осторожностью, неслышно ступая, стал подходить ко мне. Вот одним прыжком он очутился у моей кровати. Я испытывал невыразимое чувство гнета, но какая-то неодолимая сила сковывала меня. Старик приблизил ко мне

свое мертвенно-бледное лицо и так низко наклонился надо мною, что я ощутил его трупное дыхание. Тогда я сделал сверхъестественное усилие и проснулся, весь в поту. В комнате никого не было, но, бросив взгляд на окно, я ясно увидел старика Горчу, который снаружи прильнул лицом к стеклу и не сводил с меня своих страшных глаз. У меня хватило силы, чтобы не закричать, и самообладания, чтобы не подняться с постели, как если бы я ничего и не видел. Старик, однако, приходил, по-видимому, лишь удостовериться, что я сплю: по крайней мере, он не пытался войти ко мне, и, внимательно на меня поглядев, отошел от окна, но я слышал, как он ходит в соседней комнате. Георгий храпел так, что стены чуть не сотрясались. В эту минуту кашлянул ребенок, и я различил голос Горчи:

— Ты, малый, не спишь?

— Нет, дедушка, — ответил мальчик, — мне бы с тобой поговорить.

— Поговорить со мной? А о чем поговорить?

— Ты бы мне рассказал, как воевал с турками, я бы тоже пошел воевать с турками!

— Я, милый, так и думал, а потому принес тебе маленький ятаган. Завтра дам.

— Ты, дедушка, лучше дай сейчас — все равно не спишь.

— А почему ты, малый, раньше не говорил, пока светло было?

— Отец не позволил.

— Бережет тебя отец. А тебе, значит, скорее хочется ятаганчик?

— Хочется, да только не здесь, а то вдруг отец проснется!

— Так где же?

— А давай выйдем, я буду умный, шуметь не стану.

Мне словно послышался отрывистый глухой смех старика, а ребенок начал, кажется, вставать. В вампиров я не верил, но после кошмара, только что посетившего меня, нервы у меня были напряжены, и я, чтобы ни в чем не упрекать себя позднее, поднялся и ударил кулаком в стену. Этим ударом можно было бы, кажется, разбудить всех семерых спящих, но хозяева, очевидно, и не услышали моего стука. С твердой решимостью спасти ребенка я бросился к двери, но она оказалась за-

пертой снаружи, и замки не поддавались моим усилиям. Пока еще пытался высадить дверь, я увидел в окно старика, проходившего с ребенком на руках.

— Вставайте, вставайте! — кричал я что было мочи и бил кулаком в перегородку.

Тут только проснулся Георгий и спросил:

— Где старик?

— Скорей беги, — крикнул я ему, — он унес мальчика!

Георгий ударом ноги выломал дверь, которая, так же как моя, была заперта снаружи, и побежал к лесу. Мне наконец удалось разбудить Петра, невестку его и Зденку. Мы все вышли из дому и немного погодя увидели Георгия, который возвращался уже с сыном на руках. Он нашел его в обмороке на большой дороге, но ребенок скоро пришел в себя и хуже ему как будто не стало. На расспросы он отвечал, что дед ничего ему не сделал, что они вышли просто поговорить, но на воздухе у него закружилась голова, а как это было — он не помнит. Старик же исчез.

Остаток ночи, как не трудно себе представить, мы провели уже без сна.

Утром мне сообщили, что по Дунаю, пересекавшему дорогу в четверти мили от деревни, начал идти лед, как это всегда бывает здесь на исходе осени и ранней весной. Переправа на несколько дней была закрыта, и мне было нечего думать об отъезде. Впрочем, если б я и мог ехать, меня удержало бы любопытство, к которому присоединялось и более могущественное чувство. Чем больше я видел Зденку, тем сильнее меня к ней влекло. Я, милостивые государыни, не из числа тех, кто верит в страсть внезапную и непобедимую, примеры которой нам рисуют романы, но полагаю, что бывают случаи, когда любовь развивается быстрее, чем обычно. Своеобразная прелесть Зденки, это странное сходство с герцогиней де Грамон, от которой я бежал из Парижа и которую вновь встретил здесь в таком живописном наряде, говорящую на чуждом и гармоничном наречии, эта удивительная складочка на лбу, ради которой я во Франции тридцать раз готов был поставить жизнь на карту, — все это, вместе с необычностью моего положения и таинственностью происходящего вокруг, повлияло, должно быть, на зрев-

шее в моей душе чувство, которое при других обстоятельствах проявилось бы, может быть, лишь смутно и мимолетно.

Днем я услышал, как Зденка разговаривала со своим младшим братом:

— Что же ты обо всем этом думаешь? Неужто и ты подозреваешь отца?

— Подозревать не решусь, — ответил ей Петр, — да к тому же и мальчик говорит, что он ему ничего плохого не сделал. А что нет его — так ты ведь знаешь: он всегда так уходил и отчета не давал.

— Да, знаю, — сказала Зденка, — а коли так, надо его спасти: ведь ты знаешь Георгия...

— Да-да, верно. Говорить с ним нечего, но мы спрячем кол, а другого он не найдет: в горах с нашей стороны ни одной осины нет!

— Ну да, спрячем кол, только детям об этом — ни слова, а то они еще начнут болтать при Георгии.

— Нет, ни слова им, — сказал Петр, и они расстались.

Пришла ночь, а о старике Горче ничего не было слышно. Я, как и накануне, лежал на

кровати, а луна всю освещала мою комнату. Уже когда сон начал туманить мне голову, я вдруг словно каким-то чутьем уловил, что старик приближается. Я открыл глаза и увидел его мертвенное лицо, прижавшееся к окну.

Теперь я хотел подняться, но это оказалось невозможным. Все мое тело было словно парализовано. Пристально оглядев меня, старик удалился, и я слышал, как он обходил дом и тихо постучал в окно той комнаты, где спали Георгий и его жена. Ребенок в постели заворочался и застонал во сне. Несколько минут стояла тишина, потом я снова услышал стук в окно. Ребенок опять застонал и проснулся:

— Это ты, дедушка?

— Я, — ответил глухой голос, — принес тебе ятаганчик.

— Только мне уйти нельзя, отец запретил!

— Тебе и не надо уходить. Открой окошко да поцелуй меня!

Ребенок встал, и было слышно, как открывается окно. Тогда, призвав на помощь все мои силы, я вскочил с постели и начал стучать в стену. Мгновение спустя Георгий уже

был на ногах. Он выругался, жена его громко вскрикнула, и вот уже вся семья собралась вокруг ребенка, лежавшего без сознания. Горча исчез, как и накануне. Мы общими стараниями привели мальчика в чувство, но он очень был слаб и дышал с трудом. Он, бедный, не знал, как случился с ним обморок. Мать его и Зденка объясняли это тем, что ребенок испугался, когда его застали вместе с дедом. Я молчал. Но мальчик успокоился, и все, кроме Георгия, опять улеглись.

Незадолго до рассвета я услышал, как Георгий будит жену, и они заговорили шепотом. К ним пришла и Зденка, и я услышал, как обе женщины плачут.

Ребенок лежал мертвый.

Не стану распространяться о горе семьи. Никто, однако, не обвинял в случившемся старика Горчу. По крайней мере, открыто об этом не говорили.

Георгий молчал, но в выражении его лица, всегда несколько мрачном, теперь было и что-то страшное. В течение двух дней старик не появлялся. В ночь на третьи сутки (после похорон ребенка) мне послышались шаги во-

круг дома и старческий голос, который звал меньшего мальчика. Мне также показалось на мгновение, что старик Горча прижался лицом к окну, но я не смог решить, было ли это в действительности или то была игра воображения, потому что в ту ночь луна скрывалась за облаками. Все же я счел своим долгом сказать об этом Георгию. Он расспросил мальчика, и тот ответил, что и вправду слышал, как его звал дед, и видел, как он глядел в окошко. Георгий строго приказал сыну разбудить его, если старик покажется еще.

Все эти обстоятельства не мешали мне чувствовать к Зденке нежность, которая все больше усиливалась.

Днем мне не привелось поговорить с нею наедине. Когда же настала ночь, у меня при мысли о скором отъезде сжалось сердце. Комната Зденки была отделена от моей сенями, которые с одной стороны выходили на улицу, с другой — во двор.

Мои хозяева уже легли спать, когда мне пришло в голову пойти побродить вокруг, чтобы немного развеяться. Выйдя в сени, я заметил, что дверь в комнату Зденки приотво-

рена.

Невольню я остановился. Шорох платья, такой знакомый, заставил биться мое сердце. Потом до меня донеслись слова песни, напеваемой вполголоса. То было прощание сербского короля со своей милой, от которой он уходил на войну:

«Молодой ты мой тополь, — говорил старый король, — я на войну ухожу, а ты забудешь меня. Стройны и гибки деревья, что растут у подножья горы, но стройнее и гибче юный твой стан!

Красны ягоды рябины, что раскачивает ветер, но ягод рябины краснее губы твои!

А я-то — что старый дуб без листьев, и пены Дуная моя борода белей!

И ты, сердце мое, меня забудешь, и умру я с тоски, потому что враг не посмеет убить старого короля!»

И промолвила ему красавица:

«Клянусь — не забуду тебя и останусь верна тебе. А коли клятву нарушу, приди ко мне из

могилы и высоси кровь моего сердца».

И сказал старый король: «Пусть будет так!» И ушел на войну. И скоро красавица его забыла!..

Тут Зденка остановилась, словно ей было боязно кончать песню. Я не в силах был сдержаться. Этот голос, такой нежный, такой задушевный, был как у самой герцогини де Грамон... Я не раздумывая толкнул дверь и вошел. Зденка только что сняла с себя нечто вроде казакина, какой в тех местах носят женщины. На ней оставалась теперь шитая золотом и красным шелком сорочка и стянутая у талии простая клетчатая юбка. Ее чудесные белокурые косы были расплетены, и вот так, полуодетая, она была еще краше, чем обычно. Не рассердившись на мое внезапное появление, она все же, казалось, была смущена и слегка покраснела.

— Ах, — сказала она мне, — зачем ты пришел? Ведь коли нас увидят — что обо мне подумают?

— Зденка, сердце мое, — ответил я ей, — не бойся: лишь кузнечик в траве да жук на лету

могут услышать, что я скажу тебе.

— Нет, милый, иди скорей, иди! Застанет нас мой брат — я тогда погибла.

— Нет, Зденка, я уйду только тогда, когда ты мне пообещаешь, что будешь меня любить всегда, как красавица обещала королю в той песне. Я скоро уеду, Зденка, и как знать, когда мы опять увидимся? Зденка, ты дороже мне моей души, моего спасения... И жизнь моя и кровь — твои. Неужели ты за это не согласишься мне один час?

— Всякое может случиться за один час, — задумчиво ответила Зденка, но не отняла у меня своей руки. — Не знаешь ты моего брата, — прибавила она и вздрогнула, — уж я чувствую: придет он.

— Успокойся, моя Зденка, — сказал я в ответ, — брат твой устал от бессонных ночей, его убаюкал ветер, что играет листвой. Сон его глубок, ночь длинна, и я прошу тебя: побудь со мной час, — а потом — прости... может быть, навсегда!

— Нет-нет, только не навсегда! — с жаром сказала Зденка и тут же отпрянула от меня, словно испугавшись своего же голоса.

— Ах, Зденка, — воскликнул я, — я вижу одну тебя, слышу одну тебя, я уже себе не господин, а покорен какой-то высшей силе! Прости меня, Зденка!

И я как безумный прижал ее к сердцу.

— Ах нет, ты мне не друг, — проговорила она, вырвавшись из моих объятий, и забилась в дальний угол.

Не знаю, что я ей ответил, так как и сам испугался своей смелости — не потому, что иногда в подобных обстоятельствах она не приносила мне удачи, а потому, что мне даже и в пылу страсти чистота Зденки продолжала внушать глубокое уважение.

Вначале я, правда, вставил было несколько галантных фраз из числа тех, которые встречали невраждебный прием у красавиц минувшего времени, но, устыдившись тут же, отказался от них, видя, что девушка в простоте своей не может понять тот смысл, который вы, милостивые государыни, судя по вашим улыбкам, угадали с полуслова.

Так я и стоял перед ней и не знал, что сказать, как вдруг заметил, что она вздрогнула и в ужасе глядит на окно. Я посмотрел в ту же

сторону и ясно различил лицо Горчи, который, не двигаясь, следил за нами.

В тот же миг я почувствовал, как чья-то тяжелая рука опускается мне на плечо, и я обернулся. Это был Георгий.

— Ты что тут делаешь? — спросил он меня.

Озадаченный этим резким вопросом, я только показал рукой на его отца, который смотрел на нас в окно, но скрылся, как только Георгий его увидал.

— Я слышал шаги старика, — сказал я, — и пошел предупредить твою сестру.

Георгий посмотрел на меня так, словно хотел прочитать мои сокровеннейшие мысли, потом взял за руку, привел в мою комнату и, ни слова не сказав, ушел.

На следующий день семья сидела у дверей дома за столом, уставленным всякой молочной снедью.

— Где мальчик? — спросил Георгий.

— На дворе, — ответила мать, — играет себе один в свою любимую игру, будто воюет с турками.

Не успела она проговорить эти слова, как перед нами, к нашему величайшему удивле-

нию, появилась высокая фигура Горчи. Выйдя из лесу, он медленно подошел к нам и сел к столу, как это уже было в день моего приезда.

— Добро пожаловать, батюшка, — еле слышно пролепетала невестка.

— Добро пожаловать, — тихо повторили Зденка и Петр.

— Отец, — голосом твердым, не меняясь в лице, произнес Георгий, — мы тебя ждем, чтоб ты прочел молитву!

Старик, нахмутив брови, отвернулся.

— Молитву, и тотчас же! — повторил Георгий. — Перекрестись — не то, клянусь святым Георгием...

Зденка и невестка склонились к старику, умоляя прочесть молитву.

— Нет-нет-нет! — запротестовал старик. — Не властен он мне приказывать, а коли потребует еще раз, прокляну!

Георгий вскочил и побежал в дом, но сразу же и вернулся: взгляд его сверкал бешенством.

— Где кол? Куда вы спрятали кол?

Зденка и Петр переглянулись.

— Мертвец! — обратился тогда Георгий к

старику. — Что ты сделал с моим старшим? Отдай мне сына, мертвец!

И пока говорил, он все более и более бледнел, а глаза его разгорались все ярче.

Старик злобно смотрел на него и не двигался.

— Кол! Где кол? — крикнул Георгий. — Кто его спрятал, тот и в ответе за все горе, что нас ждет!

В тот же миг мы услышали веселый звонкий смех младшего мальчика, и он тут же появился верхом на огромном колу, слабеньким детским голоском испуская тот воинственный клич, с каким сербы бросаются на неприятеля.

Глаза у Георгия так и вспыхнули. Он вырвал у мальчика кол и ринулся на отца. Тот дико завыл и побежал в сторону леса с такой быстротой, которая для его возраста казалась сверхъестественной.

Георгий гнался за ним по полю, и мы скоро потеряли их из виду.

Уже зашло солнце, когда Георгий возвратился домой, бледный как смерть и со взъерошенными волосами. Он сел у очага, и зубы у

него, кажется, стучали. Никто не решался расспросить его. Но вот настал час, когда семья обыкновенно расходилась; он теперь, по-видимому, вполне овладел собою и, отведя меня в сторону, сказал как ни в чем не бывало:

— Дорогой гость, был я на реке. Лед прошел, помехи в дороге нет, теперь ты можешь ехать. Прощаться с нашими нечего, — прибавил он, бросив взгляд на Зденку. — Дай тебе Бог всякого счастья (так они велели тебе сказать), да и ты, даст Бог, не помянешь нас лихом. Завтра чуть свет уж лошадь твоя будет стоять оседланная и проводник ждать. Прощай! Может, вспомнишь когда своих хозяев, и уж не сердись, коли жилось тут не так покойно, как бы надо было.

Жесткие черты лица Георгия в ту минуту выражали почти что дружелюбие. Он проводил меня в комнату и в последний раз пожал руку, потом опять вздрогнул, и зубы у него застучали, словно от холода.

Оставшись один, я, как вы легко можете себе представить, и не подумал ложиться спать. Меня одолевали мысли. В жизни я любил уже не раз. Знал я и порывы нежности,

приступы досады и ревности, но никогда еще, даже расставаясь с герцогиней де Грамон, я не испытывал такой скорби, какая сейчас терзала мне сердце. Не взошло и солнце, а я уже оделся по-дорожному и хотел было попытаться в последний раз увидеть Зденку, но Георгий ждал меня в сенях, так что исчезла всякая возможность даже взглянуть на нее.

Я вскочил на лошадь и пустил ее во весь опор. Я давал себе обещание на обратном пути из Ясс заехать в эту деревню, и такая надежда, пусть самая отдаленная, мало-помалу рассеяла мои заботы. Я уже с удовольствием думал о том, как вернусь, и воображение рисовало мне всякие подробности, но вдруг резким движением лошадь чуть не выбила меня из седла. Тут она стала как вкопанная, вытянула передние ноги и тревожно фыркнула, как бы давая знать о близкой опасности. Я внимательно осмотрелся кругом и в сотне шагов увидел волка, который рылся в земле. Так как я его испугнул, он побежал, а я вонзил шпоры в бока лошади и заставил ее тронуться с места. А там, где стоял волк, я теперь увидел свежерытую могилу. Мне также пока-

залось, что из земли, разрытой волком, на несколько вершков выступал кол. Этого, однако, я не утверждаю с уверенностью, так как быстро проскакал мимо того места.

Маркиз замолк и взял щепотку табаку.

— И это все? — спросили дамы.

— Увы, нет! — ответил г-н д'Юрфе. — То, что осталось досказать вам, — мое мучительнейшее воспоминание, и я дорого бы дал, чтобы расстаться с ним.

Дела, по которым я приехал в Яссы, задержали меня там дольше, чем я предполагал. Я завершил их лишь через полгода. И что же? Печально сознавать, и все же нельзя не признать ту истину, что нет на свете долговечных чувств. Успех моих переговоров, одобрения, которые я получал от версальского кабинета, — словом, политика, та противная политика, что так надоела нам за последнее время, в конце концов приглушила для меня воспоминание о Зденке. К тому же и супруга молдавского господаря, женщина очень красивая и в совершенстве владевшая нашим языком, с первых же дней моего приезда удостоила меня чести, оказывая мне особое пред-

почтение перед другими молодыми иностранцами, находившимися тогда в Яссах. Меня, воспитанного в правилах французской галантности, с галльской кровью в жилах, просто возмутила бы самая мысль о том, чтобы ответить неблагодарностью на выражаемую мне благосклонность. И я со всей учтивостью принимал знаки внимания, проявляемого ко мне, а чтобы получить возможность лучше защищать права и интересы Франции, я и на все права, и на все интересы господаря начал смотреть как на свои собственные.

Когда меня отозвали в Париж, я избрал ту же дорогу, какой и прибыл в Яссы.

Я не думал уже ни о Зденке, ни о ее семье, как вдруг однажды вечером, проезжая полями, услышал звук колокола, ударившего восемь раз. Этот звон мне был как будто знаком, и проводник сообщил мне, что звонили неподалеку в монастыре. Я спросил, как он называется, и узнал, что Божьей Матери Дубравной. Я прищпорил коня, и немного спустя мы уже стучали в монастырские ворота. Монах впустил нас и повел в помещение, отведенное для путешественников, но там оказалось

столько паломников, что у меня пропала всякая охота ночевать в монастыре, и я спросил, удастся ль мне найти пристанище в деревне.

— Пристанище-то найдется, — ответил с глубоким вздохом отшельник, — пустых домов там вдоволь — а все проклятый Горча!

— Как это понимать? — спросил я. — Старик Горча все еще жив?

— Да нет, он-то похоронен взаправду, и в сердце — кол! Но он у Георгиева сына высосал кровь. Мальчик и вернулся ночью, плакал под дверью: ему, мол, холодно и домой хочется. У дуры-матери, хоть она сама его и хоронила, не хватило духа прогнать мальчика на кладбище, она и впустила его. Тут он набросился на нее и высосал всю кровь. Когда ее тоже похоронили, она вернулась и высосала кровь у меньшого мальчика, потом — у мужа, а потом у деверя. Всем — один конец.

— А Зденка? — спросил я.

— Ах, она от горя с ума сошла, бедняжка, — уж лучше и не говорить!

В этом ответе была какая-то неопределенность, но переспросить я не решился.

— Вурдалаки — это как зараза, — добавил

отшельник и перекрестился. — Сколько уж семей в деревне пострадало, сколько их вымерло до последнего человека, и вы меня послушайте и переночуйте в монастыре, а не то, даже коли вас в деревне не съедят вурдаки, вы от них все равно такого страха потерпите, что поседете прежде, чем я прозвоню к заутрене. Я всего лишь бедный монах, но путешественники сами от щедрот своих дают столько, что и я могу позаботиться о них. Есть у меня отменный сыр, изюм такой, что посмотреть на него — слюнки потекут, да несколько бутылок токайского — не хуже того, что изволит пить сам святейший патриарх.

В эту минуту на моих глазах отшельник словно превращался в трактирщика. Он, как мне подумалось, нарочно порассказал мне небылиц, чтобы дать мне случай сделать нечто угодное Небесам и уподобиться щедротами тем путешественникам, которые святому мужу столько дают, что и он может позаботиться о них.

Да и самое слово «страх» производило на меня то же действие, что звуки трубы на бое-

вого коня. Мне за себя было бы стыдно, если бы я не отправился немедленно. Проводник мой, весь дрожа, просил позволения остаться здесь, и я охотно разрешил.

Мне потребовалось с полчаса, чтобы доехать до деревни. Она, как выяснилось, была безлюдна. Ни в одном окошке не горел огонь, нигде не слышалось песен. В тишине проехал я мимо всех этих домов, по большей части знакомых мне, и остановился перед домом Георгия. То ли поддавшись чувствительным воспоминаниям, то ли движимый своей молодой смелостью, но я решил переночевать тут.

Я соскочил с лошади и постучал в ворота. Никто не отзывался. Я толкнул ворота, они под визг петель открылись, и я вошел во двор. Не расседывая лошадь, я привязал ее под навесом, где оказался достаточный для ночи запас овса, и направился прямо в дом.

Ни одна дверь не была затворена, а между тем все комнаты казались нежилыми. Только комната Зденки имела такой вид, как будто ушли из нее лишь вчера. На постели были брошены платья. На столе в лунном свете

блестело несколько драгоценных вещей, подаренных мною, и среди них я заметил эмалевый крестик, который я купил в Пеште. Сердце у меня невольно сжалось, хотя любовь уже и прошла. Как бы то ни было, я закутался в плащ и улегся на постель. Скоро меня одолел сон. Того, что мне снилось, я не помню в подробностях, но знаю, что видел Зденку, прелестную, простодушную, любящую, как прежде. Глядя на нее, я упрекал себя в черствости и в непостоянстве. Как я мог, спрашивал я себя, бросить это милое дитя, которое меня любило, как мог я ее забыть? Вскоре мысль о ней слилась с мыслью о герцогине де Грамон, и в этих двух образах мне уже представлялась одна и та же женщина. Я пал к ногам Зденки и молил ее о прощении. Все мое существо, всю мою душу охватило невыразимое чувство грусти и любви.

Вот это мне и снилось, как вдруг меня наполовину пробудил некий гармоничный звук, подобный шелесту нивы, по которой пробегает ветерок. Мне будто слышался мелодичный звон колеблемых колосьев, и пение птиц сливалось с рокотом водопада и шепотом

том листвы. Потом все эти неясные звуки мне представились не чем иным, как шорохом женского платья, и на этой догадке я остановился. Открыв глаза, я увидел Зденку около своего ложа. Луна сверкала так ярко, что теперь я до мельчайших подробностей мог во всей их прелести различить дорогие мне когда-то черты, а что они значили для меня — это впервые мне дал почувствовать мой сон. Зденка, оказывается, и похорошела и развилась. Она точно так же была полуодета, как и в прошлый раз, когда я видел ее одну, — в простой сорочке, вышитой золотом и шелком, и в юбке, туго стянутой на талии.

— Зденка! — сказал я, подымаясь с постели. — Зденка, ты ли это?

— Да, это я, — ответила она тихо и печально, — это я, твоя Зденка, которую ты забыл. Ах, зачем ты не вернулся раньше? Теперь всему конец, тебе надо скорее уезжать: еще минута — и ты пропал! Прощай, милый, прощай навсегда!

— Зденка, — сказал я, — у тебя, мне говорили, много было горя. Иди ко мне, побеседуем — так тебе станет легче!

— Ах, милый, — промолвила она, — не все-
му надо верить, что про нас говорят, но толь-
ко поезжай, поезжай скорей, а коли оста-
нешься — гибели не миновать.

— Да что это за беда мне угрожает, Зденка?
И неужели нельзя мне побыть и часа, одного
только часа, чтобы поговорить с тобой?

Зденка вздрогнула, и какая-то странная пе-
ремена совершилась в ней.

— Да, — произнесла она, — час, один толь-
ко час — верно ведь? — как в тот раз, когда я
пела песню про старого короля, а ты пришел
вот в эту комнату? Ты про то говоришь? Хо-
рошо же, пускай, пробудь со мной час! Нет,
нет, — опомнилась она вдруг, — уходи, уходи!
Уходи скорей, слышишь, беги!.. Да беги же,
пока не поздно!

Черты ее одушевляла какая-то дикая энер-
гия.

Я не мог объяснить себе причину, которая
заставляла ее так говорить, но Зденка была
так хороша, что я решил, не слушаясь ее,
остаться. Она же, уступив наконец моим
просьбам, уселась рядом со мной, заговорила
о прошлом и, краснея, призналась, что полю-

била меня сразу, как увидела. Мне между тем становилась постепенно заметной огромная перемена, которая с ней произошла. Ее былая сдержанность сменилась какой-то странной вольностью в обращении. Во взгляде ее, когда-то таком застенчивом, появилось что-то дерзкое. И по тому, как она держалась со мной, я с изумлением понял, что в ней мало осталось от той скромности, которая отличала ее некогда.

«Неужели же, — думал я, — Зденка не была той чистой и невинной девушкой, какой казалась два года назад? Неужели она только притворялась из страха перед братом? Неужели я так грубо был обманут добродетельной внешностью? Но тогда почему же она уговаривала меня уехать? Или это, чего доброго, какое-то утонченное кокетство? А я еще думал, что знаю ее! Но все равно! Если Зденка и не Диана, какую я воображал ее себе, то могу сравнить ее с другой богиней, не менее очаровательной и, ей-богу же, роль Адониса я предпочту роли Актеона!»[14]

Если эта классическая фраза, с которой я обратился к самому себе, покажется вам ста-

ромодной, милостивые государыни, то примите в соображение, что я рассказываю вам о делах, случившихся в лето Господне тысяча семьсот пятьдесят девятое. Мифология занимала тогда все умы, а я не имел притязаний на то, чтобы опередить свой век. Все с тех пор изменилось, а в не столь давние времена революция, упразднив воспоминания язычества, равно как и христианскую веру, поставила на их место богиню разума. Богиня эта, милостивые государыни, никогда не покровительствовала мне, если я находился в обществе, подобном вашему, а в то время, о котором повествую, я был менее, чем когда-либо, склонен приносить ей жертвы. Я всецело отдался чувству, которое влекло меня к Зденке, а она заигрывала со мной, и я весело отвечал ей в том же духе. Прошло уже некоторое время, как мы находились в такой упоительной близости друг к другу, но вот, примерив Зденке забавы ради все ее драгоценности, я собрался надеть ей на шею эмалевый крестик, который нашел на столе, но она вздрогнула и отшатнулась:

— Милый, довольно ребячиться! Оставь

эти побрякушки, поговорим лучше о тебе, о твоих делах!

Ее замешательство навело меня на всякие мысли. Внимательней приглядываясь к ней, я заметил, что на шее у нее не было, как раньше, всех тех образков, ладанок, которые сербы в великом множестве носят с детства до самой смерти.

— Зденка, — спросил я, — где образки, что ты носила на шее?

— Потеряла, — с раздражением в голосе ответила она и тотчас заговорила о другом.

Во мне заговорило какое-то темное предчувствие: я не сразу его и осознал и уже собрался уходить, но Зденка стала удерживать меня:

— Как же это! Просил меня побыть с тобой час, а уж хочешь ехать!

— Ты права была, Зденка, что уговаривала меня ехать: я как будто слышу шум. Боюсь, как бы нас не застали!

— Не бойся, милый, все кругом спит, лишь кузнечик в траве да жук на лету могут услышать, что я скажу тебе!

— Нет, Зденка, нет, надо мне ехать!

— Погоди, погоди! Ты дороже мне души моей, спасения моего, а ты говорил мне, что жизнь твоя и кровь — мои!..

— Но брат твой, Зденка, брат... Чувствую я, что он придет.

— Успокойся, сердце мое, брат мой спит, его убаюкал ветер, что играет листвой. Сон его глубок, ночь длинна, а я тебя прошу — побудь со мной час!..

Зденка, когда говорила эти слова, была так хороша, что безотчетный ужас, томивший меня, уже уступил желанию остаться с ней. Все мое существо наполнило чувство, которое невозможно изобразить, — какая-то смесь боязни и вожделения. По мере того как моя воля ослабевала, Зденка становилась все нежнее, и я наконец решился уступить, вместе с тем давая себе слово быть настороже. Однако же я, как говорил вам только что, бывал всегда благоразумен лишь наполовину, и когда Зденка, заметив мою сдержанность, предложила прогнать ночной холод несколькими стаканами благородного вина, которое, по ее словам, достала у доброго отшельника, я согласился с такой готовностью, что она даже улыбнулась.

Вино произвело свое действие. Неприятное впечатление, вызванное пропажей образков и ее нежеланием надеть крестик, совершенно рассеялось уже на втором стакане. Зденка в своем небрежном наряде, с чудесными полураспущенными волосами, с драгоценностями, блестящими при лунном свете, показалась мне неотразимой. Уже не сдерживая себя, я крепко ее обнял.

Тут, милостивые государыни, мне было одно из тех таинственных откровений, объяснить которые я не сумею, но в которые я поневоле уверовал — в силу жизненного опыта, хотя раньше и не склонен был признавать их.

Зденку я обвил руками с такой силой, что от этого движения крестик, который я вам показывал и который перед моим отъездом мне дала герцогиня де Грамон, острием вонзился мне в грудь. Острая боль, которую я ощутил в этот миг, явилась для меня как бы лучом света, пронизавшего все вокруг. Я посмотрел на Зденку, и мне стало ясно, что черты ее, все еще, правда, прекрасные, искажены смертной мукой, что глаза ее не видят и что ее улыбка — лишь судорога агонии на лице тру-

па. В тот же миг я почувствовал в комнате тлетворный запах — как из непритворенного склепа. Страшная истина предстала мне теперь во всем своем безобразии, и я, хоть и слишком поздно, вспомнил о предостережениях монаха. Я понял всю опасность своего положения и осознал, что все будет зависеть от моей отваги и самообладания. Я отвернулся от Зденки, чтобы не дать ей заметить ужас, написанный, должно быть, на моем лице. Тут взгляд мой упал на окно, и я увидел страшного Горчу, который опирался на окровавленный кол и не отрываясь смотрел на меня глазами гиены. За другим окном вырисовывалось бескровное лицо Георгия, который в эту минуту до ужаса похож был на отца. Оба они, казалось, следили за каждым моим движением, и я не сомневался, что при первой же моей попытке бежать они набросятся на меня. Поэтому я не показал вида, что их заметил, и огромным усилием воли заставил себя, милостивые государыни, да, заставил себя расточать Зденке такие же ласки, как и до этого страшного открытия. В то же время я с тоской и тревогой думал о том, как вырваться отсю-

да. Я заметил, что Горча и Георгий переглядываются со Зденкой и что им уже надоедает ждать. За стеной мне послышался также и голос женщины, и крик детей, но такой ужасный, что его скорее можно было принять за вой диких кошек.

«Пора убираться, — подумал я, — и чем быстрее, тем лучше».

Обратившись к Зденке, я сказал погромче — так, чтобы меня услышала ее страшная родня:

— Я, дитя мое, очень устал, хочется лечь и поспать несколько часов, но сперва мне надо сходить посмотреть, не мало ли моему коню овса. Ты, пожалуйста, не уходи и дождись меня.

Я коснулся губами ее холодных, безжизненных губ. Лошадь моя, вся в пене, так и рвалась со своей привязи. Она и не дотронулась до овса, а от ржания, которым она меня встретила, я весь похолодел: боялся, как бы оно не выдало мои намерения. Однако вампиры, слышавшие, наверно, мой разговор со Зденкой, еще не встревожились. Я посмотрел, открыты ли ворота, вскочил в седло и дал коню

шпоры.

Выезжая из ворот, я успел заметить, что соборище вокруг дома было весьма многочисленно и что большинство пришельцев прижимались глазами к стеклам окон. Кажется, мое внезапное бегство озадачило их сперва, так как некоторое время я не различал в ночном безмолвии иных звуков, кроме мерного топота моего коня. Я уже почти поздравлял себя с удачей, к которой привела моя хитрость, как вдруг услышал позади некий шум — точно рев урагана, разбушевавшегося в горах. Кричали, выли и как будто спорили друг с другом тысячи голосов. Потом все они, точно по уговору, умолкли, и слышен стал только быстрый топот ног, как если бы отряд пехотинцев приближался беглым шагом.

Я погонял своего коня, немилосердно вонзая ему в бока шпоры. В крови моей разливался лихорадочный огонь, я напрягался, делал над собой невероятные усилия, чтобы сохранить присутствие духа, и вдруг услышал позади себя голос:

— Погоди, погоди, милый! Ты дороже мне души моей, спасения моего! Погоди, погоди!

Твоя кровь — моя!

И меня сразу же коснулось холодное дыхание, и Зденка сзади меня прыгнула на лошадь.

— Сердце мое, милый мой! Вижу одного тебя, одного тебя хочу. Я уже себе не госпожа, надо мной — высшая сила. Прости мне, милый, прости!

И, обхватив руками, она пыталась опрокинуть меня назад и укусить за горло. Между нами завязалась страшная и долгая борьба. Защищался я с трудом, но в конце концов мне удалось схватить Зденку одной рукой за пояс, другую — за косы, и, приподнявшись на стремени, сбросить ее на землю.

Тут силы оставили меня, и начался бред. Тысячи безумных и ужасных образов, кривляющихся личин преследовали меня. Сперва Георгий и брат его Петр неслись по краям дороги и пытались перерезать мне путь. Это им не удавалось, и я уже готов был возрадоваться, как вдруг, обернувшись, увидел старика Горчу, который, опираясь на свой кол, делал прыжки подобно тирольцам, что у себя в горах таким путем переносятся через пропасти.

Горча тоже остался позади. Тогда его невестка, тащившая за собой своих детей, швырнула ему одного из мальчиков, а он поймал его на острие кола. Действуя колом как пращей, он изо всех сил кинул ребенка мне вслед. Я уклонился от удара, но гаденыш вцепился — не хуже настоящего бульдога — в шею моего коня, и я с трудом оторвал его. Другого ребенка мне таким же образом кинули вслед, но он упал прямо под копыта лошади и был раздавлен. Не помню, что произошло еще, но когда я пришел в себя, было уже вполне светло, я лежал на дороге, а рядом издыхал мой конь.

Так кончилось, милостивые государыни, любовное увлечение, которое должно было бы навсегда отбить у меня охоту продолжать в том же духе. А стал ли я впоследствии более благоразумным — об этом вам могли бы рассказать некоторые из ровесниц ваших бабушек.

Как бы то ни было, я и сейчас содрогаюсь при мысли, что если бы враги одолели меня, то и я тоже сделался бы вампиром, но Небо того не допустило, и вот, милостивые государыни, я не только ничуть не жажду вашей

крови, но и сам, хоть старик, всегда буду
счастлив пролить свою кровь за вас!

Конец 1830-х или начало 1840-х гг.

Амена

Солнце уже было на закате, когда я, со стилетом в кармане, пришел в Колизей, но чудное освещение древнего амфитеатра не привлекало моего внимания: жажда мщения кипела в груди моей и вытесняла все другие мысли. Передо мной проходили одно за другим все обстоятельства, приведшие меня в эти развалины: я вспомнил свое знакомство с Пепиной; вспомнил все ядовитые шутки Мореля, который, как злой дух, не переставал преследовать меня во все пребывание мое в Риме; наконец, вспомнил его последнюю обиду и задрожал от ярости... Вдруг послышалось знакомое пение, раздался звон колокольчика, и длинный ряд людей с завешенными лицами вошел в ворота и потянулся вокруг арены, останавливаясь у каждой часовни и читая вполголоса молитвы. Обошел все до одной и преклонив колена перед крестом, на середине арены, братья милосердия в прежнем порядке вышли из амфитеатра; лишь один остался неподвижен, распростертый у подножия креста.

— О, друзья мои, прощаете ли вы меня? — произнес он глухо и таким странным голосом, что я невольно затрепетал.

Незнакомец поднял голову, и сквозь прорезанные дыры его покрывала устремились на меня выразительные глаза его.

— Молодой человек, — сказал он, — я знаю, кого ты ожидаешь и с каким намерением, и я затем здесь, чтоб остановить тебя на краю бездны и удержать от преступления.

— Кто ты? — спросил я с изумлением. — И отчего тебе известны мои сокровеннейшие мысли?

— Кто бы я ни был, — отвечал он торжественно, — благодари Бога, что он дозволил тебе встретить меня, и внемли моим словам: на этом самом месте, где мы теперь стоим, совершилось некогда ужасное преступление, и жестоко за него наказан преступник! Слушай, — продолжил незнакомец, облокотившись на капитель древней колонны, обломки которой разбросаны были по арене, — я расскажу тебе нечто случившееся давно, очень давно.

Во времена императора Максимиана жили в Риме два друга, Виктор и Амвросий, и оба они были христиане. Сестра Виктора была помолвлена с Амвросием, и день их свадьбы уже приближался, но не брачный венец Провидение назначало Леонии. В то время кесарь стал преследовать нашу святую веру, и целыми тысячами погибали его жертвы, иные растерзанные зверями, другие сверженные со скалы Тарпейской. Братья, дети и друзья этих несчастных собрались в отдаленнейшей части Рима и принесли перед крестом торжественный обет: скорее умереть в мучениях еще ужаснейших, чем хотя бы единым словом отречься от истинного Бога. Виктор и Амвросий были между давшими сей обет. Они бросились в объятия друг друга и подкрепили слезами умиления священную клятву. Дабы существенным символом ознаменовать свой духовный союз, Амвросий снял с себя тогу, надел ее на Виктора, а сам покрылся тогою своего друга.

— Можем ли мы быть счастливее? — сказал он Виктору. — Сестра твоя скоро будет моею женою, а есть ли в языческой древности

хотя один пример такой дружбы, как наша?

— Будем благодарить Всевышнего, — ответил Виктор, — даровавшего тебе любовь, а мне дружбу, как прекрасное предчувствие ожидающего нас в той жизни блаженства, но не забудем, что велика власть врага человеческого и что козни его неисчислимы. Счастье наше не от мира сего, и мы не должны ему предаваться вполне, но бдеть и молиться, дабы враг не раскинул нам сетей в самую минуту упоения.

Амвросий не отвечал ни слова, но внутренне упрекнул своего друга в излишней близости. В тот самый вечер Амвросий, проходя мимо храма Венеры, развалины которого видны через эти ворота, услышал пронзительные вопли, смешанные с неистовыми криками; несколько факелов блеснули перед ним. Выхватив меч, он бросился вперед и увидел четырех преторианцев, влекущих за собою девушку с распущенными волосами, в растерзанной одежде. Несколько ударов меча рассеяли хищников. Амвросий поднял брошенный одним из них факел и хотел помочь девушке встать, но она была в обмороке. Он

стал перед нею на колени и начал тереть ей виски, ладони и подошвы. Вскоре она раскрыла глаза, и лицо ее покрылось румянцем стыдливости, когда она взглянула на свою одежду. Амвросий хотел прикрыть девушку своей тогой, но лишь только сбросил ее с плеч, как услышал опять дикие крики и увидел блеск факелов. Преторианцы возвращались в сопровождении новых товарищей. Крики становились громче, проклятия — внятнее, и факелы уже освещали их зверские лица, а Амвросий все еще стоял в недоумении, не зная, как скрыть их беззащитную жертву. Вдруг девушка приподняла голову и указала ему на стену храма, где было сделано вроде двери узкое, едва заметное отверстие.

Потушив факел, Амвросий взял девушку на руки, вошел в отверстие и, оцупав ногою крутую лестницу, начал спускаться в подземелье. Ступени уже кончились, он чувствовал под ногами мягкие ковры, но незнакомка все еще обвивала его руками и крепко к нему прижималась.

— Не страшись ничего, — сказал ей Амвро-

сий. — Похитители твои далеко, и ты можешь отдохнуть в этом безопасном месте.

— Ах, — ответила она, — я теперь совершенно спокойна и обнимаю тебя единственно из благодарности.

Сказав это, она ударила в ладоши, и две лампы зажглись как по волшебству. Амвросий увидел богато убранную залу, посередине которой стоял бронзовый стол с сосудами и плодами. У стола находился широкий триклиний, высеченный из красного мрамора и покрытый пурпуровыми подушками. Вдоль стен стояли седалища из бронзы и мрамора, также покрытые пурпуром. Когда, по приглашению неизвестной, Амвросий выпил бокал душистого фалерна, она села на триклиний к его ногам и начала следующим образом:

— Тебе, конечно, кажется странным твое приключение, но чтобы объяснить его, я должна рассказать, кто я и где ты находишься. Я родом из Греции, мое имя Анадиомена, но отец и мать зовут меня просто Амена. В Греции жизнь моя текла тихо и спокойно, но лишь только я вступила в Рим, как начались мои несчастья, а виною тому ваш кесарь, из-

верг Максимиан...

Тут Амвросий остановил Амену и приложил палец к губам.

— Не бойся, — успокоила его она, улыбаясь, — стены эти так толсты, что снаружи невозможно слышать ни одного слова. Так вот, Максимиан увидел меня однажды в храме и решил похитить. Несколько раз избегала я его сетей, но поняв наконец, что мне нельзя показаться на улице без того, чтобы два или три преторианца на меня не напали, я не стала выходить вовсе. В одну ночь толпа сих злодеев ворвалась ко мне в спальню и именем кесаря потребовала, чтобы я шла за ними. Я от них ускользнула, нашла случайно это убежище и решила в нем остаться. Я тайно уведомила отца о своей участи, и он доставляет мне все нужное для жизни и присылает поочередно прислугу. Сегодня неизъяснимая грусть мною овладела, и, считая окрестности этого подземелья безопасными, я не вытерпела и вышла подышать свежим воздухом ночи, но едва сделала несколько шагов, как ненавистные преторианцы схватили меня и, несмотря на мое сопротивление и крики, по-

влекли за собою... Если бы ты не подросел ко мне на помощь, я бы теперь была во дворце Максимиана... О, я не могу подумать об этом без ужаса!

Амена закрыла лицо руками, и Амвросий видел, как она покраснела. Оставшись несколько мгновений в этом положении, красавица взглянула на Амвросия и сказала ему с замешательством:

— Рассказывая тебе мои похождения, я и забыла, что платье мое в беспорядке. Если позволишь, я оденусь в твоём присутствии, потому что жилище мое очень тесно...

Она ударила в ладоши, и вошли три девушки с разными принадлежностями женского наряда. Сперва Амена дала расчесать себе длинные волосы, потом приказала одной из них держать пред собою покрывало в виде ширма и, сняв тунику, велела освежить себя водою и натереть ароматным маслом.

Пока девушки ей прислуживали, Амвросий чувствовал какое-то странное беспокойство: ему казалось, что не кровь, а огонь течет в его жилах. Он решился уйти, не простясь с Аменой, но лишь только сделал несколько

шагов по ступеням, как услышал голос одного из преторианцев:

— Клянусь Геркулесом, я не отойду отсюда, пока не отыщу этого проклятого молокососа и не отрублю ему уши!

— Этого мало, — вторил ему другой, — с ним должно поступить, как Улисс поступил с неверным пастырем коз!

Услышав эти слова, Амвросий счел, что было бы неосторожно показаться кровожадным грабителям, и возвратился к Амене.

— Друг мой, — сказала она, — теперь уж поздно: если тыпустишься в путь об эту пору, то непременно будешь убит. Остаься здесь на ночь, а завтра чуть свет возвратишься домой. Ты можешь лечь на этой кровати, я же буду спать со своими девушками.

Амвросий чувствовал непреодолимое влечение ко сну и, не отвечая ни слова, опустился на триклиний и вскоре забылся. Сквозь сон он слышал голос Амены, разговаривавшей со своими прислужницами, и шум воды, когда они выжимали грецкие губки в серебряные сосуды. Потом звуки эти так смешались, что ему показалось, будто бы то звон бокалов и

гармоническое пение, сопровождаемые арфой. Ему представилось, что он сидит за столом, уставленным дорогими яствами и душистыми винами. Седой слепец, стоя перед ним, ударял в струны и пел ту самую песнь, которую в «Одиссее» поет Демодок и где описывается, как Марс и Венера пойманы были сетями Вулкана. Человек в блестящей короне, сидевший подле него, спросил его, улыбаясь: «Хотел бы ты быть на месте Марса, с тем чтобы тебя, подобно ему, накрыли сетями?» Амвросий вспомнил о своей невесте и хотел сказать: «Нет!» — но язык его нечаянно повернулся, и он невольно произнес: «Да, если бы Венера походила на Амену!» Тут звуки арфы сделались гораздо сладостнее, зала наполнилась облаками, и он почувствовал, что возносится кверху. Когда облака рассеялись, Амвросий находился на высокой горе, откуда виднелись ему цветущие нивы, зеленые леса, светлые реки и необъятное голубое море с бесчисленными островами. Человек в золотой короне сидел пред ним на высоком престоле, окруженный множеством людей в светлых одеждах. Когда он шевелил бровями или по-

трясал черные кудри, то вся гора дрожала и молнии рассекали гнездившиеся вокруг нее тучи. «Друг мой, — шепнул ему знакомый голос, — ты теперь на Олимпе и видишь перед собою собрание бессмертных, готовых принять тебя в свой круг, если ты отречешься от христианства!» Амвросий оглянулся и увидел Амену, но догадался, что то была сама Венера, потому что у ног ее ворковали два голубя. «Согласен ли ты для меня забыть свою веру? — спросила она опять. — Муж мой стар и хром, ты же, как Марс, и красив и молод: я охотно променяю на тебя мужа, скажи только, что ты согласен!» Амвросий опять вспомнил о Леонии и хотел сказать: «Нет, ни за что на свете!» — но язык его вторично повернулся, и он чуть было не проговорил: «Согласен!» — как вдали увидал друга своего Виктора и сестру его Леонию, которые манили его к себе, показывая мученический венец.

В эту минуту Амвросий нечаянно поднял глаза и увидел, что над ним раскинута тонкая сеть из огненных ниток. Амена показала ему уже не столь прекрасною, а вместо голубей из-под ног ее вспорхнули две летучие

мышы. Он сотворил внутреннюю молитву и проснулся. Вокруг него было темно, но что-то горячее причиняло ему сильную боль в голове, и, ощутив лоб, он почувствовал на нем руку Амены. Он вскочил с кровати и бросился из подземелья, но едва успел пройти несколько шагов, как опять услышал голоса преторианцев.

— Клянусь Геркулесом, — говорил один, — если мне попадетсЯ этот мальчишка, то я его растерзаю на части!

— Этого мало, — возразил другой, — с ним должно поступить так, как Тезей поступил с Прокрустом!

Слова эти показались так ужасны Амвросию, что он не решился выйти из подземелья и возвратился ощупью на свое место. Лишь только глаза его сомкнулись, он увидел себя в очаровательной стране, на берегу ручья, где вокруг серебряных тополей вился изумрудный виноградник, скрывая под широкими листьями спелые золотистые гроздья. Нимфы играли на мягкой траве с резвыми сатирами, в ручье плескались наяды, а в зелени деревьев пели красивые птицы. Из роци выходили-

ли кентавры в дубовых венках и, вмешавшись в толпу сатиров и нимф, начинали с ними веселую пляску. Амвросий чувствовал нестерпимую жажду, но, подобно Танталу, не мог ни напиться из ручья, ни достать рукою гроздий. В то время как он тщетно нагибался и протягивал руки, сладкий голос произнес близ него: «Сними с себя крест, хотя на одно мгновение, и ты тотчас утолишь свою жажду!» Он оглянулся и в кругу нимф узнал Амену, но догадался, что это не Амена, а Венера, ибо на ней был золотой пояс необыкновенной работы, придававший ей удивительную красоту. Он не мог противостоять ее словам и уже дотронулся до креста, как ему показалось, что вдали он видит толпу народа. Вглядевшись в нее пристально, он узнал Виктора: несколько человек укладывали его на деревянный станок, и палач с обнаженной грудью готовился истязать его раскаленными клещами, между тем как четверо других привязывали Леонию к большому колесу. «Прощай, Амвросий, — кричали ему друг и невеста, — мы умираем за нашу веру и будем молиться у престола Всевышнего, чтобы он из-

бавил тебя от ослепления!» — «Нет, мои друзья, и я хочу умереть с вами!» — вскричал Амвросий и внезапно проснулся, вскочил с одра и опрометью побежал из подземелья, но лишь только очутился на ступенях, как услышал два грубых голоса.

— Клянусь Геркулесом. — говорил один из них. — если бы теперь попался мне этот пове­са, я бы отрубил ему ноги и руки.

— Этого мало, — отвечал другой, — я бы с ним поступил, как Аполлон с Марсиасом!

— Я не боюсь ваших угроз! — вскричал Амвросий. — Умереть от рук ваших или от палачей Максимиана — для меня все равно!

Он выбежал на свежий воздух и увидел, что уже настало утро. У храма Венеры не было ни одного преторианца, и он спокойно дошел до своего жилища. Слуги уведомили его, что ночью стража кесаря вломилась в дом Виктора, наложила на него цепи и увела с собою. Начальник стражи обвинял его в сопротивлении законной власти и в нападении на исполнителей Максимиановых повелений; уликою была тога с именем Виктора, которую преступник, по словам его, сбросил во время

бегства. Амвросий поспешил в дом своего друга, чтобы от его сестры узнать подробности этого происшествия, и застал ее на коленях перед образом Спасителя. Крупные слезы блестели в ее глазах, но лицо не показывало никакого отчаяния.

— Амвросий, — сказала она с ангельской улыбкой, — все несчастья ниспосылаются нам свыше! Сегодня друг твой без всякой вины брошен в темницу; завтра, может быть, погибнет твоя невеста, но да будет воля Господня!

Тут брат милосердия остановился и, помолчав немного, спросил меня, известны ли мне картины Рафаэля.

— Да, — ответил я, — и ни на одну из его Мадонн я не могу смотреть без сердечного умиления.

— Так, — продолжил незнакомец, — я вижу, что ты понимаешь великого художника. Но если бы ты знал Леонию, то уверился бы, что в чертах ее было не менее кротости, не менее небесной чистоты, чем в Рафаэлевых Мадоннах.

— Но, — прервал я рассказчика, — ты гово-

ришь о ней, как будто бы сам ее видел?

— Не прерывай меня, — проговорил он торжественно, — и слушай дальше.

Свидание с Леонией произвело на Амвросия странное действие. Ночное происшествие оставило в нем тягостное впечатление, а все, что он думал и ощущал в подземелье Амены, показалось ему так презренно, так нечисто в сравнении с чувством, проникавшим его в присутствии Леонии, что он сам не понимал, как мог забыть ее хоть на минуту. Ему хотелось пасть к ее ногам, признаться в своем заблуждении и просить прощения, но ложный стыд удержал его. С другой стороны, он боялся огорчить Леонию, открыв ей, что тога, послужившая уликой Виктору, была брошена им самим и что он не может спасти ее брата, не погибнув вместо него. Однако он решился, не теряя времени, отыскать начальника стражи, освободить Виктора и обвинить себя в преступлении, которое приписывали его другу пока он бегал по всему Риму, чтобы узнать, кто именно предводительствовал преторианцами, схватившими Виктора, и в какой темнице он заключен.

Прошел целый день. Было уже поздно, когда он, собрав нужные сведения, шел по дороге в темницу. Ему надлежало проходить мимо храма Венеры. Лишь только он поравнялся с местом, где накануне спас Амену, как кто-то тихонько позвал его по имени. Он остановился и услышал, что голос выходит из подземелья.

— Сойди ко мне на минуту. Ты устал, и тебе надобно подкрепить свои силы!

— Не нужно, — ответил Амвросий довольно сухо и продолжил свой путь.

— Амвросий, Амвросий! — закричал голос. — Я знаю, куда ты спешишь, но ты не спасешь своего друга, а только погибнешь с ним вместе. Есть другое средство его спасти. Сойди ко мне, и я тебя научу, что должно делать!

Слова эти показались Амвросию так убедительны, что он спустился в подземелье. Ковры на этот раз были усыпаны свежими розами, и благоухание их было так сильно, что Амвросию показалось, будто бы он от него пьянеет. Амена с полуприкрытыми глазами лежала на подушках.

— Я тебя ожидала, — сказала она ему, — и нарочно велела убрать свое жилище как можно лучше. Выпей немного вина и омой себя водою: смотри, как ты устал и запылился!

Она ударила в ладоши, и прислужницы внесли несколько сосудов холодной воды и разные ароматы. Когда Амвросий выпил чашу вина, они сняли с него обувь и, освежив его ноги, окатили ему голову и плечи.

— Теперь ложись и отдохни, — сказала Амена, — а я покамест уйду к своим девушкам.

Амвросий давно хотел ее спросить, каким образом ему спасти Виктора, но лишь только он начинал говорить, Амена его прерывала. Наконец он, не обращая внимания на ее речи, спросил, что ему надобно делать.

— Ты очень нетерпелив, — ответила Амена, — но чтобы скорее тебя успокоить, я скажу, как ты должен поступить, чтобы избавить друга твоего от смерти, не подвергая себя опасности. Если ты теперь явишься к тюремному начальнику и скажешь ему, что ты настоящий преступник, а что Виктор невинов-

вен, то тебя тут же посадят в темницу, но Виктора не выпустят, напротив: претор сочтет его твоим сообщником, — и вместо одной жертвы будет две. Вы принадлежите, — добавила Амена со вздохом, — к такому сословию, которое всякий может губить безнаказанно и для которого нет ни суда, ни законов. Подумай только, что будет с твоей невестой, когда ни брата ее, ни тебя не останется для ее защиты. Каждый хищник, каждый кровопийца станет на нее смотреть как на свою добычу, которую никто не осмелится и не захочет у него отнять! О если бы вы не были так упрямы и согласились возвратиться к вашим прежним богам, тогда еще все можно было бы поправить!

Амвросия это заключение чрезвычайно поразило, и когда он нечаянно поднял голову, ему снова показалось, что над ним раскинута тонкая сеть из огненных ниток. Однако он не мог не сознаться, что доводы Амены справедливы, и спросил ее, что ему остается делать.

— Во-первых, — ответила Амена, — ты должен сколь можно менее показываться: связь твоя с Виктором так известна, что рано или

поздно она тебя погубит, если ты не будешь осторожен. Во-вторых, никто не может спасти твоего друга, кроме его сестры. Пусть она завтра же пойдет во дворец кесаря, бросится перед ним на колени и молит его о помиловании ее брата. Максимиан изверг, но ему случается показывать проблески великодушия. Я уверена, что молодость и красота твоей невесты тронут его каменное сердце...

Тут ужасная мысль поразила Амвросия.

— Как! — вскричал он. — Но если эта самая молодость и красота...

— Я понимаю, что ты хочешь сказать, — прервала его Амена. — Ты боишься, чтобы грубая чувственность тирана не побудила его к какому-нибудь насилию, но будь спокоен. Максимиан теперь занят одною мною, а неудача вчерашнего предприятия так раздражила его любовь, что никакая другая мысль не войдет в его голову. Впрочем, если бы даже это и было возможно, то такой случай одно предположение, а когда ты своею опрометчивостью лишишь Леонию брата и жениха, тогда в каждом воине кесаревой стражи она найдет Максимиана!

Амвросий согласился со справедливостью этих слов; но, несмотря на просьбы Амены, непременно хотел продолжать путь свой и посетить Виктора в его темнице. Лишь только он приблизился к выходу из подземелья, как услышал снаружи разговор двух преторианцев.

— Я уверен, — говорил один из них, — что человек, скрывшийся около этого храма, сообщник того негодяя, который вчера помешал нам похитить Амену и которого завтра утром прибьют ко кресту!

— В этом нет никакого сомнения, — ответил другой, — и я позволю назвать себя бабой, если отойду отсюда, не дождавшись этого бездельника!

Услышав, что друга его казнят на другое утро, Амвросий очень испугался. Ему хотелось прорваться сквозь толпу преторианцев и силой освободить Виктора; но после краткого размышления он понял, что мысль его безрассудна и что он погибнет без всякой пользы для своего друга. Он решил вернуться к Амене и пересказать ей подслушанный разговор.

— Ты видишь, — сказала Амена, — что совет мой всего вернее. Так как опасность, угрожающая Виктору, гораздо ближе, чем я полагала, то и ты должен поспешить с его спасением. Вот пергамент, напиши сейчас Леонии, чтобы она чуть свет шла ко дворцу и ожидала появления кесаря. Скажи ей, что ты ручаешься за успех. Ты можешь ее смело в этом уверить, ибо могла ли бы я, обязанная твоему мужеству более, чем жизнью, дать тебе дурной совет. Одна из моих прислужниц выберет удобную минуту и выйдет с твоим посланием из подземелья. Преторианцы ее не увидят, а если и заметят, то пропустят без затруднения.

Амвросий хотел сделать еще какое-то возражение, но почувствовал, что сон его одолевает. Он взял пергамент, написал, что проговорила Амена, и, склонив голову на стол, крепко заснул. На сей раз он ничего не видал во сне, но его пробудил горячий поцелуй Амены.

— Вставай, — сказала она ему, — уже утро, Преторианцы ушли, и ты можешь безопасно прийти до дома.

Амвросий чувствовал большую усталость,

но вскочил с триклиния, куда, вероятно, его перенесли во время сна, и вышел из жилища Амены. Солнце было уже высоко, и он поспешил в дом Леонии, чтобы узнать об успехе ее поступка. На дворе встретили его слуги: все плакали и рвали на себе одежду. Двое из них рассказали, что Леония, получив его письмо, очень была им поражена, но тотчас велела им следовать за ней и пошла ко дворцу Максимиана. Она бросилась перед ним на колени и стала умолять его о прощении брата. «Клянись Юпитером, — сказал кесарь, — я ничего не знаю о ее брате! Что он за человек?» — «Он, — ответил один центурион, — христианин, которого за разные дерзкие поступки и, между прочим, за сопротивление твоим приказаниям я велел посадить в тюрьму». — «Ты хорошо сделал, — сказал кесарь, — и можешь поступить с этим христианином как заблагорассудится, но сестра его мне нравится, и я хочу составить ее счастье». Тут по знаку Максимиана подвели к нему Леонию. «Хочешь ли меня полюбить?» — спросил он ее. «У меня есть жених и брат, — отвечала Леония с кротостью, — и, после Бога, я люблю их одних!»

— Услышав такой ответ, — продолжали слуги, — мы побледнели; ибо глаза кесаря налились кровью и белая пена показалась на его устах, однако ж он удержался и продолжал довольно ласково: «Полюби меня, и я осыплю тебя золотом и прощу твоего брата». — «Жизнь его в твоих руках, — ответила Леония, — но если ты его погубишь, то на это будет воля Божия; любить же тебя я не могу!» — «Послушай, — продолжил кесарь, — если ты будешь упрямитесь, то я обойдусь и без твоего согласия, а брата твоего и жениха заставлю умереть пред твоими глазами в ужаснейших мучениях!» Здесь твердость покинула Леонию. Она упала к ногам Максимиана и, заливаясь слезами, обняла его колени. «Сжался надо мной! — воскликнула она. — Могу ли я любить тебя, пролившего безвинно столько христианской крови! Будь великодушен, отпусти меня и прости моего брата!» Кесарь долго молчал, и смотрел на Леонию ужасными глазами. «Есть одно средство, — сказал он наконец. — Если ты и брат твой откажетесь от вашей веры и согласитесь поклоняться богам, то я вас обоих отпущу, не сде-

лав вам ни малейшего вреда; если же нет, то брат твой погибнет. Твои единоверцы доселе так были упрямы, что все приносили в жертву своему Богу. Мне любопытно знать, до какой степени доходит это упорство!» Леония опять бросилась на колени, но кесарь подал знак и ее отвели в темницу.

Услышав этот рассказ, Амвросий впал в отчаяние.

— О Амена! — кричал он в исступлении. — Ты виновница этого несчастья! Твои хитрости и лукавые советы стали причиной, что я погубил друга и невесту! Но если я не в силах их спасти, то по крайней мере умру вместе с ними!

Он побежал к префекту, рассказал все, что с ним случилось в последние два дня, и просил, чтоб его подвергли казни, но освободили Виктора и Леонию. Что предсказывала Амена, то и случилось. Префект велел отвести его, скованного, в глубокую темницу и засмеялся ему в глаза, когда он упомянул об освобождении друга и невесты.

Амвросий провел ночь в мучительном беспокойстве. На другой день пришел тюремный

страж и предложил ему свободу от имени префекта, с тем чтобы он отказался от христианства. Амвросий с негодованием отверг это предложение. Прошел день, тюремщик явился с прежним вопросом. Ответ Амвросия был тот же. Таким образом, он недели две провел в темнице, получая пищи ровно столько, сколько было нужно, чтоб не умереть с голоду, и не видя никого, кроме тюремного стража, приходившего каждое утро с тем же предложением и уходившего в глубоком молчании. Была уже ночь, когда Амвросий, лежа на мокрой земле, услышал под собою глухие шаги. Вскоре яркий луч осветил темницу, и он увидел Амену, с лампой в одной руке и с амфорой в другой.

— Можно ли быть столько неосторожным! — сказала она ему, и слезы блестели в ее глазах. — О, если бы ты меня послушался!

— Горе мне, — отвечал Амвросий, — что я тебя послушался! Если бы не ты, Леония не была бы теперь в руках Максимиана. Но удались отсюда и не обольщай меня более!

— О, как ты мало меня знаешь! — сказала Амена. — Я ли виновата, что невеста твоя так

гордо отвечала кесарю? Он вспыльчив, и когда войдет в ярость, то бешенству его нет пределов. Но я уверена, что он бы смягчился, если б Леония отказала ему с большею кротостью. Впрочем, надежда еще не потеряна, и если ты последуешь моему совету, то можешь завтра же выйти из тюрьмы и спасти твоих друзей.

— Что ж мне делать? — спросил Амвросий.

— Выпей немного вина, — ответила Амена, — и я тебе сейчас скажу.

Амвросий приблизил амфору к губам, и, по мере того как он втягивал душистую влагу, странное чувство разливалось по его жилам. Цепи перестали его тяготить; ему казалось, что темница наполняется золотистыми облаками и что перед ним мелькают нимфы, сатиры, кентавры и наяды. Все блестящие картины языческой мифологии постепенно развивались в его воображении, и сердце его трепетало от сладострастной неги.

— Я бы могла, — продолжала Амена, — тебя освободить теперь же. Цепи твои распилить мне нетрудно, а подземный ход, чрез который я вошла, имеет сообщение с моим жи-

лицем. Но это бы значило совершить только половину дела, и товарищи твои остались бы в темнице. Чтобы действовать благоразумно, ты должен непременно, хотя бы на несколько дней, притвориться, будто переходишь в нашу веру. Когда об этом узнает кесарь, он захочет тебя наградить и, по своему обыкновению, велит спросить, чего ты желаешь. Ты потребуешь прощения Виктора и Леонии, и когда они будут освобождены, вы убежите из Италии и в отдаленной Испании дождетесь кончины Максимиана.

Амвросию казалось, что отречься от своего Бога, хотя и только для виду, смертный грех. К тому ж он не был уверен, что Максимиан будет так великодушен, как предполагала Амена. Но он подумал о мучениях, ожидающих его друзей, и решился принять на себя ответственность поступка, не одобряемого его совестью.

Когда настало утро и тюремщик вошел к нему с обыкновенным вопросом, Амвросий отвечал, по наставлению Амены, что во сне ему предстал Меркурий и убедил его перейти к поклонению богов олимпийских. Тюрем-

щик удалился, и вскоре несколько человек кесаревой стражи вошли в темницу, сняли с него цепи и повели к префекту.

— Кесарь знает о твоём похвальном намерении, — сказал ему префект, — и приказал мне вручить тебе этот знак его благоволения. — Он подал Амвросию богатый перстень с редкой жемчужиной. — Однако, — продолжал он, — чтобы доказать, что обращение твоё чистосердечно, ты должен сегодня же совершить всенародное жертвоприношение во храме Юпитера. Теперь ступай домой и приготовься.

Придя к себе, Амвросий увидел в комнатах множество золотой посуды. Мешки с золотом лежали на полу, а на дворе стояли колесницы с прекрасными конями в богатых сбруях.

— Что это значит? — спросил Амвросий.

— Это прислал тебе кесарь! — отвечали слуги, не радуясь его приходу и поглядывая на него исподлобья.

Сердце Амвросия болезненно сжалось. В полдень он всенародно принес жертву Юпитеру и отважился просить помилования Виктору и Леонии. Ему отказали и дали золота.

Он в отчаянии побежал к Амене.

— Еще не все потеряно, мой друг! — сказала она. — Напиши к своим друзьям, чтобы они, подобно тебе, на время притворились. Прислужница моя найдет средство доставить им твое письмо и к утру принесет ответ. Не пренебрегай также подарками кесаря: они тебе пригодятся для спасения друзей, если нам не останется другого средства, а отказом ты только раздражишь Максимиана.

Амвросий послушался Амены и постарался утопить в вине угрызения совести.

— Не будь так печален! — сказала ему Амена. — Если ложное зазрение не удержит твоего друга и невесты, то их простят так же, как простили тебя, а с твоим золотом вы можете бежать на край света. Впрочем, я уверена, что они поймут всю цену твоего самоотвержения и не откажутся последовать твоему совету!

Она взяла в руки лиру, и тихие ее звуки погрузили его неприметно в сладостный сон. Ему представилось, что он древний герой, презирающий все труды и опасности и жертвующий собою для спасения других. В воображении своем он уже могучею рукою и хит-

рым умом одолевал все препятствия и преграды. Виктор и Леония были освобождены и со слезами благодарности обнимали его колени.

— Если бы ты не был христианин, — шептала ему Амена, — то вступил бы в число полубогов!

Он предавался упоению гордости, но его разбудил поцелуй Амены. Она подала ему ответ Виктора и Леонии.

«Неверный брат, слухи о твоём отступничестве до нас дошли, но мы не хотели им верить. Нас нарочно вывели из темницы, дабы мы собственными глазами увидели, как ты преклоняешь голову перед идолом и приносишь ему нечестивую жертву. Мы сочли это адским наваждением, но ты сам к нам пишешь, что хочешь, чтобы мы следовали твоему примеру, да оградит нас сила Господня! Напрасно ты нас уверяешь, что поклонялся ложным богам только для вида и чтобы в награду за свою измену получить наше освобождение. Ты бы не должен принять тогда золота от Максимиана, а мы не хотим быть спасены этой ценой. Покайся, пока еще время,

искупи кровью свое заблуждение, или я, Виктор, отрекаюсь от твоей дружбы, а Леония перестает быть твоей невестой. Ты уже и так изменил своему слову: мы знаем, что ты проводишь время с презренной женщиной, совращающей тебя с пути веры и обязанностей!»

Когда Амвросий кончил чтение, Амена закрыла лицо руками и горько заплакала.

— О, я несчастная! Вот как они толкуют мою благодарность и преданность тебе! Теперь ты меня возненавидишь, и я умру с тоски.

— Амена, — сказал Амвросий, чувствуя сильную досаду на Виктора и Леонию, хотя он сам себе не признавался, что причиной этой досады было лишь оскорбленное самолюбие, — я знаю, что дружба твоя чистосердечна и что ревность к вере соделала друзей моих несправедливыми.

— Нет, мой друг, — сказала Амена, горько рыдая, — они говорят правду, я одна виною твоего несчастья, я виною, что они тебя отринули, но все это я сделала, желая спасти их, ибо не только для тебя, но и для всех, которые

дороги твоему сердцу, я готова пролить до последней капли крови. Амвросий! — вскричала она, упав перед ним на колени. — Прости меня, я страстно люблю тебя! Да, я люблю тебя, — продолжала она, не давая ему времени отвечать, — я умру, если ты меня покинешь, но все равно покинь, забудь меня, я сама тебя о том умоляю, у тебя есть невеста, мы сыщем другое средство спасти ее, мы подкупим стражей, вы убежите из Италии и будете счастливы. Вот все, чего я желаю. У меня же останется воспоминание счастливых дней, проведенных с тобою, и сознание, что я содействовала вашему счастью!

Столько любви, столько самоотвержения в сравнения со строгими словами Виктора и Леонии, отвергавших его любовь и дружбу в то самое время, когда он ожидал их благодарности, поколебали разум Амвросия. Признательность и удовлетворенное самолюбие, с одной стороны, досада и гордость — с другой, сострадание к Амене, ее обворожительная красота — все это затмило в его душе образ невесты и друга. Он без сопротивления предался ласкам Амены и вспомнил о Леонии

только на другой день. В нем пробудились угрызения совести; но, по странному противоречию сердца человеческого, он вместо раскаяния чувствовал негодование к Леонии за то, что мысль о ней вырывала его из сладостного забвения и напоминала ему вину его. Амена всячески старалась развлекать его и так в том успела, что он в продолжение нескольких дней не выходил из ее подземелья и, наконец, перестал вовсе думать о Леонии и Викторе. Однажды Амена предложила ему прогуляться по Риму.

— Мы можем показаться без всякой опасности, — сказала она. — Тебя, который теперь в милости у кесаря, никто не тронет, а обо мне он уже давно забыл. Прихоти Максимиана так же скоро проходят, как и рождаются.

Амвросий согласился, и они пошли на Форум. Все им давали место, все на них глядели с почтением. Около полудня Амена почувствовала усталость и пожелала отдохнуть. Дом Амвросия был близок, и они вошли под его портик и расположились у фонтана.

— Ах, — сказала Амена, — как бы обрадовались мои родные, если б могли меня видеть!

Не позволишь ли ты послать за ними?

Амвросий не успел ответить, как в эту минуту к Амене подошел прекрасный юноша в легкой одежде, с посохом в руке и что-то ей шепнул на ухо.

— Родные мои, — сказала Амена, — предупредили мое желание. Вот Гермес, служитель моего отца, пришел тебя просить, чтобы ты им позволил прийти.

Амвросий согласился и, позвав слугу, приказал приготовить богатое угощение. Когда солнце зашло, гости стали собираться. Один из них был высокий мужчина с кудрявой черной бородой и длинными волосами, похожими на львиную гриву. Важное его лицо показалось Амвросию знакомым, и он вспомнил, что уже видел его во сне. Другие обоего пола гости были все прекрасны собою, кроме одного, запачканного сажей и сильно хромавшего. Когда они улеглись вокруг стола, то, кроме Амвросия и Амены, было их одиннадцать человек. Вскоре между ними завязался разговор. Они говорили очень увлекательно, особенно мужчина с кудрявой бородой. Пока Амвросий его слушал, в нем разверзались совер-

шенно новые понятия, и он стал смотреть на жизнь, на веру и на добродетель совсем другими глазами. Собеседники его все более или менее придерживались философии Эпикура, и спор состоял только в том, что должно почитать высшим удовольствием в мире? Один превозносил любовь, другой — вино, а третий — славу. Амвросий несколько раз пытался им противоречить, но они легко опровергали его убеждения и так умно шутили над любовью Платона, учением Сократа и воздержанием Сципиона, что самому Амвросию мнения его показались смешными. Чтобы веселее провести время, кто-то предложил послать за плясунами и танцовщицами. Они вскоре явились, и искусство их так понравилось Амвросию, что он начал бросать им мешки золота, один за другим. Потом стали играть в кости, и Амвросий проиграл бóльшую часть богатства, недавно ему доставшегося. С первым криком петуха гости удалились, и с Амвросием осталась одна Амена. Он только собрался отдохнуть от проведенной в шумных удовольствиях ночи, как услышал громкий стук в дверь и грубые голо-

са:

— Отвори нам, проклятый обманщик! Ты притворился, будто поклоняешься Юпитеру, а между тем носишь на себе крест и еще обратил знаменитую римлянку в свою нечестивую веру! Но вы от нас не уйдете и завтра же будете сожжены заживо!

Множество людей стучали в двери так, что она трещала.

— Сбрось с себя крест! — шепнула ему побледневшая Амена. — Иначе мы оба пропали: я узнаю голоса преторианцев!

Между тем удары сыпались градом на дверь, и одна веревка уже отскочила.

— Сбрось крест, сбрось! — умоляла Амена, упав перед ним на колени...

Здесь незнакомец замолчал.

— Что ж сделал Амвросий? — спросил я.

— Сбросил с себя крест! — ответил он с тяжелым вздохом.

— Что ж было после? — спросил я опять, видя, что брат милосердия хранит глубокое молчание. — Ты, честный отец, так принимаешь рассказ свой к сердцу, как будто бы сам знал Амвросия.

— Не мешай мне, — отвечал брат милосердия, — и слушай, что мне остается тебе сказать.

Вломившись в дом, преторианцы обыскали Амвросия и Амену, обшарили все комнаты, углы и застенки и, не найдя креста, удалились, не причинив никому вреда.

Настало утро, и Амвросий забыл об этом происшествии. Прежде хотя редко, но случилось, что он, среди наслаждений и шума, вдруг вспоминал о друзьях и как будто с испугом просыпался от продолжительного сна. Амена обыкновенно его уверяла, что друзей его скоро выпустят из темницы, что невиновность их открыта и что кесарь намерен богато вознаградить их. Тогда угрызения его совести умолкали, и он вновь утопал в удовольствиях. Теперь же, после потери креста, никакое воспоминание его более не тревожило, и он постоянно оставался в каком-то чадуге, в приятном опьянении, мешавшем ему замечать, как проходило время. Дни он проводил в театрах, ночи — в шумных оргиях с родными Амены.

Между тем время текло, золото уменьшалось, и однажды он с ужасом заметил, что от прежнего богатства у него не осталось ничего. Кони, колесницы и дорогая посуда давно уже были проиграны.

— Не печалься, — сказала ему Амена, — на что тебе деньги? Разве мы и без них не довольны счастливы? В моем жилище найдешь ты все, что нужно для тихой и беззаботной жизни, а любовь моя заменит нам потерянную роскошь!

И Амвросий опять погружался в удовольствие и не помышлял о будущем. Однажды он услышал, что два преступника осуждены на съедение зверям в этом самом Колизее, где мы теперь находимся. Ужасное предчувствие в первый раз им овладело, и он вмешался в толпу народа, бежавшую с криками радости по дороге к амфитеатру. Амена последовала за ним. Когда они поместились на ступенях, он обратился к своему соседу и спросил, знает ли он имена преступников?

— Их зовут Виктор и Леония, — ответил сосед, — они оба христиане и умирают за упорство в своей вере.

Тут один человек продрался сквозь толпу и, приблизившись к Амвросию, сказал ему на ухо:

— Через четверть часа друзья твои должны быть растерзаны зверями. Я тюремный страж. Дай мне тысячу сестерций, и я помогу им убежать!

— Амена, — вскричал Амвросий, — ты слышишь, что говорит этот человек?

— Слышу, — ответила Амена, — но какое тебе до них дело? Они христиане, а ты поклонник богов олимпийских!

— Как, Амена, — продолжал Амвросий в отчаянии, — разве я не христианин?

— Ты? Разве ты не приносил жертвы Юпитеру? Разве ты не сбросил с себя креста?

— Дай мне пятьсот сестерций, — повторил тюремный страж, — и я освобожу твоих друзей!

— Ты слышишь, Амена? — умолял Амвросий. — Достань мне пятьсот сестерций, только пятьсот!

— У тебя были горы золота, — отвечала Амена. — Куда ты его дел?

— Слушай, — смилостивился тюрем-

щик, — дай мне один асе, и друзья твои свободны!

— О, я несчастный! — воскликнул Амвросий. — У меня нет и обола!

— Так ты, видно, не хочешь спасти друга и невесту! — сказал тюремщик и скрылся в толпе.

— Амена! — вскричал тогда Амвросий, и холодный пот градом побежал с его лица. — Ты одна всему виною: по твоим советам я сделался богоотступником, из-за тебя забыл невесту и друга; спаси же их теперь, на коленях умоляю тебя, спаси их!

— Как? — удивилась Амена, странно улыбаясь. — Ты все это сделал для меня и по моим советам? Разве ты, прежде чем меня увидел, не поклялся своему Богу, что никакие мучения не заставят тебя от него отречься? Какие же ты испытал мучения? Ты от него отрекся добровольно, ты принял в награду золото и подарки от Максимиана и истратил их на свои прихоти! Разве не я сама тебя просила, чтобы ты меня покинул и остался верен своей невесте? Но невеста и друг приняли твои советы не с такою благодарностью, как

ты ожидал, они тебя справедливо упрекали в клятвопреступлении, и ты на них вознегодовал и предал их Максимиану. Во всем этом я не виновата нисколько; я наслаждалась твоей любовью, но ее не вынуждала. У тебя был свой рассудок и своя совесть, — пеняй же теперь сам на себя!

В эту минуту ввели в арену Виктора и Леонию. Лица их были спокойны, поступь тиха и величественна. Оказавшись на середине арены, они преклонили колена и устремили к небу глаза, исполненные умиления и восторга.

— Виктор! Леония! — закричал отчаянным голосом Амвросий, но они его не слышали.

Ничто земное уже не могло коснуться праведников: казалось, они в предсмертный час внимали небесной гармонии и пению серафимов.

— Римляне! — закричал тогда Амвросий. — Бросьте меня на арену, я вас обманывал: я христианин и хочу умереть за свою веру!

— Он сумасшедший, — сказала Амена. — Не слушайте его, он сумасшедший!

Тут Амвросий встал со ступеней, выступил вперед и сотворил крестное знамение.

— Кто бы ни была ты, ужасная женщина, — сказал он, обращаясь к Амене, — я отрекаюсь от тебя, отрекаюсь от твоих богов, отрекаюсь от ада и Сатаны!

Услышав эти слова, Амена испустила пронзительный визг, черты ее лица чудовищным образом исказились, изо рта побежало синее пламя. Она бросилась на Амвросия и укусила в щеку. В эту минуту из-за железной решетки впустили на арену четырех львов, и Амвросий упал без чувств на ступени амфитеатра.

Незнакомец опять замолчал, и я долго не смел прервать его молчания.

— Кто ты — таинственный человек? — спросил я наконец, увидев, что он хочет удалиться.

Вместо ответа брат милосердия отбросил покрывало: страшно бледное лицо устремило на меня выразительный взгляд, и на щеке его я увидел глубокий шрам, как будто из нее мясо было вырвано острыми зубами. Он опять

закрыл лицо и, не сказав ни слова, медленными шагами ушел с арены и исчез между развалинами.

1846 г.

Встреча через триста лет

Мы сидели чудесной летней ночью у нашей бабушки в саду, одни — собравшись вокруг стола, на котором горела лампа, другие же — расположившись на ступенях террасы. Время от времени легкое дуновение ветерка доносило до нас волну воздуха, напоенного благоуханием цветов, или дальний отголосок деревенской песни, а потом все опять затихало, и слышно было только, как о матовый колпак лампы бьются крыльями ночные мотыльки.

— Ну что ж, дети мои, — проговорила бабушка, — вы не раз просили меня рассказать какую-нибудь старую историю о привидениях... Если есть охота, садитесь в кружок, а я вам расскажу один случай из времен моей молодости, от которого вас всех бросит в дрожь, едва только вы останетесь одни и ляжете в постели. Недаром эта ночь, такая тихая, напоминает мне доброе старое время, а ведь вот — можете, если угодно, смеяться надо мной — мне уже много лет кажется, что и природа стала не так хороша, как была ко-

гда-то. Нет больше тех чудесных, теплых и светлых, дней, таких свежих цветов, таких сочных плодов; да, кстати, по поводу плодов, — не забыть мне никогда корзинку персиков, что прислал мне однажды маркиз д'Юрфе, молодой безумец, ухаживавшей за мной потому, что на лице у меня он нашел какую-то необыкновенную черточку, от которой и потерял голову. По правде сказать, я недурна была в то время, и тот, кто сейчас видит мои морщины и седые волосы, не подозревает, что король Людовик Пятнадцатый прозвал меня Розой Арденн. И это имя я вполне заслуживала, ибо вонзила немало шипов в сердце его величества. А что до маркиза д'Юрфе, то могу вас уверить, дети мои, что, если бы он только захотел, я не имела бы удовольствия быть вашей бабушкой или, во всяком случае, вы носили бы другую фамилию. Но мужчинам совершенно недоступен смысл нашего кокетства: они либо приходят в неистовство, которым возмущают нас, либо, как дети, впадают в отчаяние и со всех ног бросаются в бегство ко двору какого-нибудь господаря Молдавии, как оно и было с этим сумасшед-

шим маркизом, с которым я потом встречалась много лет спустя, и он, замечу мимоходом, не сделался более благоразумным. Возвращаясь к корзинке персиков, подаренной маркизом, скажу вам, что получила ее незадолго до его отъезда, в день святой Урсулы, то есть в мои именины, а они, как вам известно, приходятся на самую середину октября, когда раздобыть персиков почти невозможно. Этот знак внимания явился следствием того, что д'Юрфе держал пари с вашим дедом, который уже начинал ухаживать за мною и так был смущен удачей своего соперника, что на целых три дня занемог. У этого д'Юрфе была благороднейшая внешность, какую мне вообще приходилось видеть, за исключением одного лишь короля, который, не будучи уже молодым, по праву считался самым красивым дворянином Франции. Ко всем внешним достоинствам у маркиза присоединялось еще одно преимущество, которое — могу признаться в этом теперь — имело для нас, молодых женщин, не менее притягательную силу. Он был величайший в мире шалопай, и я часто задавала себе вопрос, почему такие люди,

помимо нашей воли, привлекают нас. Единственное, по-моему, объяснение состоит в том, что, чем непостояннее у человека нрав, тем нам приятнее бывает привязать его к себе. И вот с обеих сторон задето самолюбие — кто кого перехитрит. Высшее искусство в этой игре заключается, дети мои, в том, чтобы уметь вовремя остановиться и не доводить своего партнера до крайности. Это я говорю, Элен, главным образом, для вас. Если вы кого-нибудь любите, дитя мое, не поступайте с ним так, как я поступила с д'Юрфе: одному Богу известно, как я оплакивала его отъезд и как укоряла себя за свое поведение. От этого признания не должна страдать память вашего деда, женившегося на мне полгода спустя, а это, без сомнения, был достойнейший и благороднейший человек, какого только можно встретить. В то время я вдовствовала после смерти моего первого мужа, господина де Грамона, которого почти и не успела узнать, а вышла я за него, только чтобы не ослушаться моего отца, единственного, кого я боялась панически. Вы легко можете догадаться, что дни моего вдовства не показались мне долги-

ми: я была молода, хороша собой и могла делать решительно все, что хотела. Я и воспользовалась своей свободой, а как только кончился траур, очертя голову устремилась в водоворот балов и собраний, которые, замечу мимоходом, были куда веселее тогда, чем нынче. На одном из таких собраний маркиз д'Юрфе и был мне представлен командором де Бельевром, старинным другом моего отца, никогда не покидавшего свой замок в Арденнах и поручившего меня его чисто родственным заботам. Всяким увещеваниям со стороны почтенного командора просто не было конца, но, будучи с ним как можно обходительнее и ласковее, я не очень-то поддавалась его уговорам, как вы вскоре сами увидите. Мне уже много приходилось слышать о господине д'Юрфе и не терпелось узнать, окажется ли он таким неотразимым, как мне его рисовали. Когда он с очаровательной непринужденностью подходил ко мне, я посмотрела на него так пристально, что он смутился и даже не смог закончить только что начатую фразу.

— Сударыня, — сказал он мне потом, — у

вас над глазами, чуть повыше бровей, есть чуть заметная складочка, которую я не сумел бы описать, но она придает вашему взгляду необыкновенное могущество...

— Сударь, — ответила я ему, — говорят, я очень похожа на портрет моей прапрабабушки, а от одного ее взгляда, как гласит предание в наших краях, упал в ров некий самонадеянный рыцарь, затеявший ее похитить и уже перемахнувший через стену замка.

— Сударыня, — сказал с учтивым поклоном маркиз, — если у вас те же черты лица, что и у вашей прапрабабушки, то я охотно поверю преданию; позволю себе лишь заметить, что на месте рыцаря я не считал бы себя побежденным и, как только выбрался бы из рва, так сразу бы снова взобрался на стену.

— Неужто, сударь?

— Без сомнения, сударыня.

— Неудача не повергнет вас в отчаяние?

— Смутиться иной раз я могу, но отчаяться в успехе — никогда!

— Что ж, посмотрим, сударь!

— Что ж, сударыня, посмотрим!

С этого часа между нами началась ожесто-

ченная война: с моей стороны то было при-
творное безразличие, со стороны маркиза —
все усиливающаяся нежная внимательность.
Кончилось тем, что эта игра привлекла к нам
всеобщее внимание, и командор де Бельевр
сделал мне серьезный выговор. Своеобразная
была личность этот командор де Бельевр, и
пора сказать о нем несколько слов. Вообрази-
те себе человека высокого, сухощавого и важ-
ного, весьма учтивого, весьма речистого и ни-
когда не улыбающегося. В молодости он пока-
зал на войне чудеса храбрости, граничащей с
безумством, но он никогда не знал, что такое
любовь, и с женщинами был крайне робок.
Когда мне случалось особенно приласкаться к
нему (а это бывало всякий почтовый день, по-
скольку он добросовестно посылал отцу отчет-
ты о моем поведении, как если бы я была еще
маленькая девочка), у него едва разглажива-
лись морщины на лбу, но он строил при этом
такую забавную гримасу, что я тут же смея-
лась прямо ему в лицо, рискуя с ним поссо-
риться. Мы оставались, однако, наилучшими
друзьями, если не считать того, что сразу же
вцеплялись друг в друга, как только речь за-

ходила о маркизе.

— Герцогиня, я в отчаянии, ибо долг требует от меня, чтобы я сделал вам замечание...

— Да сделайте одолжение, милый командор.

— Вчера вечером у вас опять был маркиз д'Юрфе.

— Справедливо, милый командор, да и третьего дня тоже, и нынче вечером он тоже будет у меня, равно как завтра и послезавтра.

— Вот по поводу этих частых посещений я и хотел бы с вами поговорить. Вам небезызвестно, сударыня, что отец ваш, а мой уважаемый друг, поручил вас моему попечению и что я за вас отвечаю перед Богом, как если бы я имел счастье видеть в вас мою дочь...

— Да неужели вы, мой милый командор, опасаетесь, что маркиз выкрадет меня?

— Я полагаю, сударыня, что маркиз относится к вам с надлежащим уважением, которое удержит его от подобного намерения. И все же мой долг предупредить вас, что внимание, проявляемое к вам маркизом, становится при дворе предметом разговоров, что я и себя упрекаю за это, тем более что именно я

имел несчастье представить вам маркиза, и если вы немедленно не отдалите его от себя, то, к великому моему сожалению, я вынужден буду, как и подобает, вызвать его на дуэль!

— Но вы же шутите, милый мой командор, да и подобает ли вам такая дуэль! Вы забыли, что втрое старше его.

— Я никогда не шучу, сударыня, и все будет так, как я имел честь сказать.

— Да это же, сударь, просто оскорбительно! Это тиранство, которому нет имени! Если мне нравится быть в обществе господина д'Юрфе, кто имеет право запретить мне встретиться с ним? Кто может запретить ему жениться на мне, если я дам согласие?

— Сударыня, — возразил, грустно покачивая головой, командор, — поверьте, не это входит в намерения маркиза. Я достаточно знаю жизнь и вижу, что господин д'Юрфе, отнюдь не собираясь связывать себя, лишь гордится и хвастается своим непостоянством. И что бы случилось с вами, бедный цветок Арденн, если бы вы дали ему насладиться медом, заключенным между ваших лепестков, а

этот красивый мотылек вдруг предательски упорхнул бы от вас?

— Ну вот, теперь пошли оскорбительные обвинения! Знаете ли, милый мой командор, что если вы будете продолжать в этом духе, то заставите меня до безумия влюбиться в маркиза?

— Я знаю, сударыня, что отец ваш, а мой досточтимый друг, поручил вас моим попечениям, и что я готов даже досаждать вам, лишь бы только оказаться достойным его доверия и вашего уважения.

Так всякий раз кончались эти споры. Я остерегалась сообщать о них д'Юрфе, чтобы не дать ему еще более возомнить о себе, но вот в один прекрасный день командор явился ко мне с известием, что получил от моего отца письмо, в котором тот просит его быть моим провожатым и ехать со мной в наши поместья в Арденнах. Командор передал и письмо, адресованное мне. Отец выражал в нем желание повидаться со мной, а чтобы меня не слишком пугала осень, которую предстояло провести в лесной глуши, он сообщал мне, что несколько семейств из нашего соседства

решили устроить празднество в замке Обербуа в четырех лье от нас. Речь шла ни более ни менее, как о большом костюмированном бале, и отец советовал поторопиться с приездом, если я хочу принять в нем участие. Имя Обербуа воскресило во мне множество воспоминаний. То были слышанные в детстве рассказы о старинном заброшенном замке и о лесе, окружавшем его. В народе жило одно предание, от которого меня всегда мороз подирал по коже: будто бы в том лесу путешественников иногда преследовал некий человек гигантского роста, пугающе бледный и худой, на четвереньках гонявшийся за экипажами и пытавшийся ухватиться за колеса, причем он испускал вопли и умолял дать ему поесть. Последнему обстоятельству он был обязан прозвищем Голодный. Называли его также Священником из Обербуа. Не знаю почему, но образ этого изможденного существа, передвигающегося на четвереньках, превосходил в моем воображении все самое ужасное, что только можно было представить себе. Часто вечером, возвращаясь с прогулки, я невольно вскрикивала и судорожно сжимала

руку моей няни: мне мерещилось в сумраке, будто по земле между деревьями ползет обратительный Священник. Отец не раз бранил меня за эти фантазии, но я невольно поддавалась им. Вот и все, что относится к лесу. А что до замка, то его история в некотором смысле была связана с историей нашего рода. Во времена войн с англичанами он принадлежал господину Бертрану д'Обербуа, тому самому рыцарю, который, так и не добившись руки моей прапрабабушки, решил похитить ее силой и от одного ее взгляда сорвался с веревочной лестницы и свалился в ров. Господин Бертран получил только то, чего заслуживал, ибо это был, как рассказывают, рыцарь безбожный и вероломный, исполненный всяческой скверны, которая вошла в половицу. Тем замечательней бесстрашие, выказанное моей прапрабабушкой, и вы можете себе представить, насколько мне льстило, что во мне видят сходство с портретом госпожи Матильды. Вы, впрочем, знаете этот портрет, дети мои, он висит в большой зале прямо над портретом сенешаля Бургундского, вашего внучатного прадеда, и рядом с портретом се-

ньора Гюга де Монморанси, породнившегося с нами в тысяча триста десятом году. Глядя на лицо этой девушки, такое кроткое, можно бы усомниться в правдивости предания или отказать художнику в умении улавливать сходство. Как бы то ни было, если я когда-то и напояла ее портрет, теперь бы вы с превеликим трудом нашли в нем что-нибудь общее со мной. Да не об этом и речь сейчас. Итак, я сказала, что господин Бертран поплатился за свою дерзость, выкупавшись во рву нашего замка. Не знаю, исцелил ли его от любви этот афронт, но говорят, что он пытался утешиться с шайкой греховодников, таких же распутников и нечестивцев, как и он сам. И он предавался сластолюбию и чревоугодию в обществе некой госпожи Жанны де Рошегю, которая, дабы угодить ему, умертвила своего супруга. Я вам, дети мои, пересказываю то, что сама слышала от няни, и пересказываю лишь затем, чтобы лучше дать понять, как меня всегда пугал этот гадкий замок Обербуа и какой диковинной мне показалась мысль — устроить там костюмированный бал. Письмо отца причинило мне ужасное расстройство.

Хотя мои детские страхи тут были ни при чем, но мне очень не по вкусу пришелся отъезд из Парижа, тем более что командор де Бельевр, как я догадывалась, в немалой степени был причастен к тому приказанию, которое он же мне и принес. Сама мысль, что со мной обращаются как с девочкой, возмущала меня; я догадалась, что господин де Бельевр, навязывая мне путешествие в Арденны, хотел только одного — помешать моим частым встречам с д'Юрфе. Я дала себе слово расстроить эти планы, и вот как я принялась за дело. Когда ко мне явился маркиз, я повела с ним разговор в насмешливом тоне и дала ему понять, что, поскольку сама покидаю Париж, а он моего благорасположения не завоевал, тем самым он может считать себя проигравшим.

— Сударыня, — отвечал мне д'Юрфе, — один из моих замков (так уж угодно случаю) расположен в одном лье от дороги, которой вам предстоит ехать. Смею ли я надеяться, что вы не откажете в утешении бедному побежденному и позволите оказать вам гостеприимство в пути?

— Сударь, — холодно возразила я, — как-

никак это будет крюк, да к тому же на что вам вновь встречаться со мной?

— Умоляю вас, сударыня, не доводите меня до отчаяния, не то, клянусь вам, я решусь на какой-нибудь безумный шаг!

— Может быть, похитите меня?

— Я и на это способен, сударыня.

Я громко расхохоталась.

— Вы отрицаете такую возможность?

— Отрицаю, сударь, и предупреждаю вас, что для такой затеи нужна смелость необыкновенная: ведь я поеду с командором де Бельевром и под очень сильной охраной!

Маркиз улыбнулся и замолчал. Мне, само собою разумеется, было неизвестно, что у господина д'Юрфе есть имение под Арденнами, и это обстоятельство я принимала в расчет, однако, чтобы вы не составили себе слишком уж дурного мнения о вашей бабушке, прежде всего скажу, что мой вызов маркизу был не чем иным, как шуткой, и что я только хотела подразнить командора, давая маркизу случай увидеться со мной в дороге. Если бы при всем том господин д'Юрфе отнесся всерьез к моим словам, в моей власти было

бы рассеять его заблуждение, а по правде сказать, мысль, что меня будут пытаться похитить, не заключала в себе ничего особенно неприятного для молодой женщины, жаждущей сильных ощущений и кокетливой сверх всякой меры.

Когда настал день нашего отъезда, я не могла не изумиться, увидав, насколько меры предосторожности, принятые командором, превосходили все то, что в те времена полагалось для путешествий. Кроме повозки, в которой помещалась кухня, имелась еще и другая — для моей постели и принадлежностей туалета. Два лакея на запятках вооружены были саблями, а мой камердинер, сидевший рядом с кучером, держал в руках мушкетон, дабы наводить страх на грабителей. Чтобы достойным образом подготовить для ночлега те комнаты, где мне предстояло отдыхать, был заранее послан обойщик, а впереди нас ехали верхом двое слуг, которые днем кричали встречным, чтобы сторонились, а с наступлением темноты освещали наш путь факелами. Щепетильнейшая учтивость не покидала командора в путешествии, как не изменяла

она ему и в гостиных. Началось с того, что он задумал усесться напротив меня и без конца стал разводить церемонии — как это он расположится в карете рядом со мной на заднем сиденье?

— Да что это вы, командор, неужели так меня боитесь, что хотите устроиться спереди?

— Вы не можете сомневаться, сударыня, в том, что мне приятно было бы сидеть подле дочери моего лучшего друга, но я бы нарушил мой долг, если бы доставил хоть самое маленькое неудобство той, которую в эту минуту призван охранять!

К своей задаче — охранять меня — он относился до того серьезно, что не проходило и пяти минут, чтобы он не спросил меня, хорошо ли мне сидеть и не дует ли на меня.

— Да оставьте вы меня, пожалуйста, в покое, командор, вы просто невозможны!

Тогда он выпускал глубокий вздох и строго окликал кучера, наказывая ему приложить все старания, чтобы избавить меня от тряски и толчков. За день мы проезжали не много, и командор настаивал, чтобы я что-нибудь ела на каждой остановке. Помогая мне выйти из

кареты, он всегда снимал шляпу, прежде чем подать мне руку, а ведя меня к столу, всякий раз рассыпался в извинениях, что кушанья здесь подаются совсем не такие, как в моем доме на улице Варенн. Как-то раз, когда я имела неосторожность сказать, что люблю музыку, он велел принести гитару и исполнил воинственную песнь мальтийских рыцарей с такими громовыми руладами и так выкатывая глаза, что делалось просто страшно. По струнам он ударял до тех пор, пока не порвал их. Тут он стал рассыпаться в учтивостях и замолчал. Так как моих слуг с нами было столько же, сколько и слуг командора, то он всем приказал носить ливрею с моим гербом, чтобы не могло показаться, будто я путешествую в его карете. Но вся эта внимательность не трогала меня, ибо в господине де Бельевре я видела не столько друга, сколько ментора и скучного педанта. Заметив, что в карманах у него полно булавок, мотков шелка и прочих мелочей, которые могли бы потребоваться для моего туалета, я забавы ради спрашивала у него всякую всячину, будто бы понадобившуюся мне, — лишь бы застать

врасплох. Мне это долго не удавалось. Как-то раз я вскрикнула:

— Ах, меня мутит!

Командор тотчас же опустил руку в один из карманов, извлек оттуда бонбоньерку с какими-то лепешками и молча подал мне ее. Другой раз я притворилась, что у меня болит голова. Командор поискал в карманах и, достав флакон «Эликсира королевы», попросил разрешения попрыскать мне на волосы. Я чуть не упала духом. Наконец, мне пришлось на ум сказать, что я потеряла румяна, и нетерпеливо спросила господина де Бельевра, подумал ли он захватить с собой несколько баночек. Предусмотрительность командора так далеко не простиралась. Он густо покраснел и стал рассыпаться в извинениях. У меня хватило злости притвориться, будто я плачу, и я сказала, что меня доверили человеку, ничуть не заботящемуся обо мне. Я почувствовала себя наполовину отомщенной, а командор счел себя опозоренным, горько загрустил и весь тот день промолчал. Мне, однако, в конце концов, мало уже было и удовольствия мучить своего ментора. Не знаю, что бы я придумала

мала еще, если бы случай иного рода не нарушил однообразие нашего путешествия. Однажды вечером, когда мы ехали вдоль опушки леса, из-за поворота дороги внезапно появился всадник, окутанный плащом, наклонился к окну кареты и тотчас же скрылся. Все произошло так быстро, что я почти и не заметила, как всадник бросил мне на колени записочку. А командор и вовсе ничего не увидел. В записке было всего несколько строк:

«В одном лье отсюда вам придется заночевать. Когда все уснут, под вашими окнами остановится карета. Если вы разбудите ваших людей, я лучше погибну у вас на глазах, чем откажусь от попытки, на которую вы меня считаете неспособным и успех которой только и придаст для меня цену жизни».

Узнав почерк маркиза, я глухо вскрикнула, и командор обернулся в мою сторону.

— Что с вами, сударыня? — спросил он, крайне удивленный.

— Да ничего, — ответила я, пряча записку, — ногу вдруг свело судорогой.

Эта ложь, к которой я прибегла за тридцать лет до появления «Севильского цирюльника», доказывает вам, что она впервые пришла в голову мне, а не Бомарше, как вы могли бы подумать. Командор тотчас же опустил руку в один из карманов, вынул магнит и подал его мне, чтобы я приложила его к больному месту. Чем больше я размышляла о дерзости маркиза, тем больше восхищалась его рыцарской смелостью. Я почувствовала благодарность к моде того времени, требовавшей, чтобы женщина знатная носила в путешествии черную полумаску, ибо иначе от командора не ускользнуло бы мое волнение. Я ни одного мгновения не сомневалась, что маркиз осуществит свое намерение, и не стану скрывать, что, зная фанатизм господина де Бельевра по части долга, я в то время гораздо больше опасалась за жизнь господина д'Юрфе, чем за свое доброе имя. Вскоре оба лакея, ехавшие впереди верхом, вернулись и сообщили, что из-за повреждения моста мы не сможем отдохнуть в селении, выбранном господином де Бельевром для ночлега, но что наш квартирмейстер уже приготовил ужин в

охотничьем домике, расположенном у большой дороги и принадлежащем господину маркизу д'Юрфе. Я увидела, как при этом имени командор нахмурил брови, и испугалась, как бы он не разгадал планы маркиза. Этого, однако, не произошло. Мы доехали до охотничьего домика, а у командора никаких подозрений, как видно, не возникало. После ужина, как это и бывало каждый вечер, он отвесил мне низкий поклон, испросил разрешения удалиться и пожелал спокойной ночи. После его ухода я отослала горничных и не стала раздеваться, ожидая скорого появления господина д'Юрфе, с которым я, впрочем, намерена была обойтись так, как он того заслуживал, стараясь, однако, не навлечь на него гнев командора. Едва прошел час, как я услышала на дворе легкий шум, отворила окно и увидела маркиза, поднимавшегося по веревочной лестнице.

— Сударь, — сказала я ему, — удаляйтесь немедленно, или я позову людей!

— Сжальтесь, сударыня, выслушайте меня!

— Я ничего не хочу слушать, и если вы только попытаете войти сюда, я позвоню,

клянусь вам!

— Тогда велите меня убить — ведь я же поклялся, что похитить вас помешает мне только смерть!

Не знаю, что мне было делать или отвечать, как вдруг быстро отворилось окно соседней комнаты, и в нем показался командор со светильником в руке. Господин де Бельевр переделся в халат темно-красного цвета, а парик сменил на остроконечный ночной колпак, и теперь в его облике было что-то причудливо внушительное, он казался похожим на волшебника.

— Маркиз! — вскричал он громовым голосом. — Соболаговолите удалиться отсюда!

— Господин командор, — ответил маркиз, все еще держась на лестнице, — я счастлив видеть вас в моем доме.

— Господин маркиз, — заявил командор, — я в отчаянии от того, что должен вам объявить, но если вы не спуститесь тотчас же, я буду вынужден застрелить вас!

Тут он поставил светильник на подоконник и направил на маркиза дула двух огромных пистолетов.

— Да что вы, командор! — закричала я, высовываясь из окна. — Это же будет убийство!

— Герцогиня, — ответил господин де Бельевр, учтиво кланяясь из окна, — сделайте милость, извините, что я предстаю перед вами в столь неподходящем виде, но в этих чрезвычайных обстоятельствах я надеюсь на снисхождение, о котором не решился бы просить вас во всякое иное время. Соблаговолите также извинить меня за то, что на этот раз не спешу повиноваться вам с тем слепым рвением, которое я всегда вменяю себе в закон, но ваш отец, а мой почитаемый друг, доверил вас моему попечению, и его доверие столь для меня лестно, что я готов заслужить его любой ценой, не отступая даже и перед убийством.

При этих словах командор снова поклонился и зарядил пистолеты.

— Пускай, — сказал маркиз, — это будет дуэль в новом роде! — И, не спускаясь с лестницы, тоже вынул из карманов пару пистолетов и проговорил: — Командор, погасите светильник, ведь он делает мое положение более выгодным, чем ваше, а я не желал бы воспользо-

ваться этим преимуществом.

— Господин маркиз, благодарю вас за любезность и могу только порадоваться, что вижу в ваших руках пистолеты, ибо для меня было бы невыносимо стрелять в безоружного.

После этого он погасил свечу и стал целиться в маркиза.

— Да вы оба сошли с ума! — закричала я. — Вы же погубите меня — разбудите весь дом! Маркиз, прощаю ваше безрассудство с тем условием, что вы немедленно же спуститесь. Слышите, сударь, я приказываю вам спуститься!

Мой взгляд должен был дать ему понять, что всякое промедление только сильнее рассердит меня.

— Сударыня, — произнес тогда маркиз, намекая на слова, которыми мы обменялись при первом нашем знакомстве, — своим взглядом вы сбрасываете меня с лестницы, но владетельная красавица Матильда может быть уверена, что рыцарь Бертран станет всеми средствами искать встречи с ней хотя бы лишь затем, чтобы умереть у ее ног!

И, завернувшись в свой плащ, он исчез в

темноте.

Командор на следующий день ни слова не проронил о случившемся, и не было у нас об этом больше речи и потом. Когда же до замка моего отца оставалось всего полдня пути, нас под вечер застигла ужасная гроза. Гром грохотал с неслыханной силой, а молнии следовали с такой стремительностью, что даже сквозь опущенные веки их сверкание ослепляло меня. Вы, дети мои, знаете, что я не выношу грозу. Мной овладел какой-то непонятный страх, я дрожала как лист и прижималась к командору, который счел себя обязанным принести мне извинения. Мы двигались крайне тихо — мешали деревья, поваленные грозой на дорогу. Уже совсем стемнело, как вдруг кучер резко остановил лошадей и обратился к командору:

— Виноват, сударь, я не туда заехал. Мы в лесу Обербуа, узнаю его по тому старому дубу с обрубленными ветвями!

Не успел он произнести эти слова, как удар грома потряс весь лес, молния упала у самой кареты, и напуганные лошади закусали удила.

— Матерь Божья, смилуйся над нами! — воскликнул кучер, наматывая вожжи на руку, но лошади ему уже не повиновались.

Мы неслись во весь опор, то справа, то слева обо что-то ударяясь и каждый миг ожидая, что вот-вот разобьемся о деревья. Я была ни жива ни мертва и ничего не понимала в речах господина де Бельевра, ибо к свисту ветра и раскатам грома, как мне казалось, примешивались некие странные звуки. Я уже несколько раз слышала совсем близко душе-раздирающие стенания, а потом раздавался вопль: «Есть хочу, есть хочу!» Внезапно кучер, все время сдерживавший лошадей, отпустил вожжи и со страшным криком начал их хлестать.

— Жермен, негодяй! — окликнул его командор. — С ума сошел?

Кучер обернулся, и при свете молнии мы увидели его смертельно-бледное лицо.

— Это священник! — произнес он сдавленным голосом. — Священник за нами гонится.

— Останови, дурак! Не дай бог, герцогиня голову сломает! Останови, или я тебя застрелю.

Не успел господин де Бельевр договорить, как мы почувствовали страшный толчок, меня выбросило из кареты, и я потеряла сознание. Не знаю, сколько времени продолжался этот обморок, но очнулась я от звуков музыки, игравшей неподалеку. Я открыла глаза, и оказалось, что кругом — лес, а я лежу на мху. Гроза кончилась. Гром еще погромыхивал в отдалении, а на деревьях тихонько шевелилась листва, и над их верхушками проплывали облака причудливой формы. Воздух напоен был благоуханиями, от которых я вновь погрузилась бы в сладостное оцепенение, как вдруг на лицо мне упало, стекая с листьев, несколько капель дождевой воды, сразу освеживших меня. Я села и, осмотревшись, увидела примерно в ста шагах ярко освещенные сводчатые окна, а потом различила за деревьями остроконечные башенки некоего замка, который, как я тут же установила, не был замком моего отца. «Где же это я нахожусь?» — подумала я.

Понемногу я вспомнила, как понесли лошади и как меня выбросило из кареты. Но в голове у меня все еще был такой сумбур, что

эти обрывки воспоминаний сливались с другими мыслями, и я, очутившись внезапно в таком одиночестве, даже не удивлялась, что не вижу подле себя ни господина де Бельевра, ни кого бы то ни было из моих слуг. Музыка, заставившая меня очнуться, все продолжала звучать. Тогда меня осенило, что, может быть, я нахожусь около замка Обербуа и что гости собрались там на тот самый костюмированный бал, о котором упоминалось в письме отца. Тут же мне припомнились и последние слова господина д'Юрфе, которые слышала в охотничьем домике, и я подумала, что при том упорстве, с которым всюду следует за мной, он непременно должен оказаться на этом балу. Я поднялась и, не чувствуя ни малейшей боли, быстрыми шагами направилась к замку. Это было обширное здание сурового облика и в значительной части разрушенное. В лучах луны я могла заметить, что стены поросли мохом и покрыты плющом, ветки которого гирляндами свисали кое-где с высоких башен, живописно раскачиваясь и темными очертаниями выделяясь на серебристо-синем фоне ночного неба. Я останови-

лась, чтобы полюбоваться этим зрелищем. Мыслями я в тот миг, не знаю уж, как и почему, унеслась далеко-далеко. Передо мною, словно в свете волшебного фонаря, пронеслись давно забытые картины детства. С необыкновенной яркостью возникли в моей памяти отдельные черты из времен ранней моей юности. И среди этих образов я вдруг увидела мою мать, которая грустно мне улыбалась. Мне захотелось плакать, и я несколько раз поцеловала крестик, ее подарок, с которым не расставалась никогда. Вдруг мне слышался где-то вдали голос командора, который звал меня. Я стала прислушиваться, но тут флюгер на крыше, поворачиваясь, закрипел, и этот звук, подобный скрежету зубов, помешал мне уловить звавший меня голос. Я решила, что мне это померещилось, и вошла во двор. Там не видать было ни карет, ни слуг, однако туда доносились откуда-то и громкий смех, и нестройный гул голосов. Я поднялась по лестнице: весьма крутой, но ярко освещенной, — а когда достигла верхней площадки, в лицо мне подул холодный ветер, а в воздухе, вспорхнув, заметалась испуган-

ная сова, ударяясь крыльями о светильники, прикрепленные к стенам. Чтобы ночная птица меня не задела, я нагнула голову, а когда опять выпрямилась, передо мной стоял высокий рыцарь в полном вооружении. Он подал мне руку, одетую в броню, и из-под спущенного забрала до меня донесся глухой голос:

— Прекрасная госпожа моя, дозвоьте верному вашему слуге принять вас в своем замке и почитайте оный за вашу собственность, как и все его добро.

Я вспомнила слова, брошенные господином д'Юрфе, когда я ему приказала спуститься с лестницы, и, будучи уверена, что незнакомый рыцарь — не кто иной, как любезный маркиз, ответила ему в том же тоне:

— Не изумляйтесь, пресветлый государь мой, что узрели меня в сих местах, ибо, заблудившись в лесу, пришла я к вам, дабы приютили меня, как всякому доброму и храброму рыцарю поступать надлежит.

Затем я вошла в обширную залу, где было много народу, и все эти люди, собравшись за накрытым столом, смеялись и пели. Одеты они все были как знатные господа времен

Карла Седьмого, а так как в церкви Сен-Жермен в Оксерре я видела живопись той поры, то и могла по достоинству оценить историческую точность, соблюденную в малейших деталях их одежды. Сильнее же всего мое внимание привлекла прическа одной высокой красивой дамы, по-видимому, хозяйки на этом пиршестве. Волосы ее были покрыты сеткой, весьма искусно и безукоризненно изящно сплетенной из золотых нитей с жемчугом. Но меня, несмотря на красоту этой женщины, прежде всего поразило злое выражение ее лица. Как только я вошла, она с любопытством, совершенно неприличным, принялась меня рассматривать и сказала так, чтобы я могла слышать:

— Коли не ошибаюсь, это и есть прекрасная Матильда. За ней волочился господин Бертран, пока со мной не спознался! — Потом, обратившись к рыцарю, едким тоном проговорила: — Сердце мое, велите увести ту даму, ежели не хотите, чтобы я вас ревновала!

Шутка показалась мне весьма грубой, тем более что я не была знакома с женщиной, позволившей себе такие слова. Я хотела дать

ей почувствовать все их неприличие и уже собиралась обратиться к господину д'Юрфе (на этот раз прибегая к речи более современной), но мне помешал шум и ропот, поднявшийся вдруг среди гостей. Они что-то говорили друг другу, многозначительно переглядывались и перемигивались, указывая друг другу на меня. Внезапно дама, заговаривавшая с рыцарем, схватила светильник и приблизилась ко мне так стремительно, что, казалось, она скорее летит, а не идет. Она высоко подняла светильник и обратила внимание присутствующих на тень, отбрасываемую мною. Тут со всех сторон раздались крики возмущения, и я услышала слова, которые повторялись в толпе:

— Тень-то! Тень-то! Не наша она!

Сперва я не поняла смысла этих слов, но, осмотревшись кругом, чтобы разгадать их значение, со страхом увидела, что ни у кого из окружавших меня не было тени: все они скользили мимо факелов, не заслоня собою их свет. Мной овладел невыразимый ужас. Чувствуя, что лишаюсь сил, я поднесла руку к сердцу. Мои пальцы коснулись крестика, ко-

торый я недавно целовала, и мне вновь слышался голос командора, зовущий меня. Я хотела бежать, но рыцарь сжал мне руку своей железной дланью и принудил меня остаться.

— Не страшитесь, — проговорил он, — клянусь погибелью души моей, не потерплю, чтобы кто обидел вас, а дабы никто и не помышлял о том, сейчас же священник благословит нас и повенчает!

Толпа расступилась, и к нам подполз на четвереньках длинный францисканец, бледный и худой. Его как будто мучили жестокие боли, но в ответ на все его стоны дама с жемчугами в волосах как-то неестественно засмеялась и, повернувшись к рыцарю, сказала:

— Вот видите, сударь, видите, наш приор опять кобенится, как триста лет назад.

Рыцарь приподнял забрало. Лицо его, несколько не напоминавшее д'Юрфе, было мертвенно-бледно, а взгляд носил печать такой зверской жестокости, что я не могла его выдержать. Глаза его выступали из орбит и были устремлены на меня, а приор, ползая по полу, гнусавил между тем молитвы, которые

время от времени прерывались такими страшными проклятиями и криками боли, что волосы у меня дыбом вставали на голове. Холодный пот выступал у меня на лбу, но я не в состоянии была и пошевелиться, ибо своим рукопожатием господин Бертран отнял у меня всякую способность к действию, и мне оставалось только смотреть и слушать. Когда, наконец, францисканец, обращаясь к присутствующим, стал возвещать о моем бракосочетании с господином Бертраном д'Обербуа, страх и негодование придали мне вдруг силу сверхъестественную. Сделав резкое усилие, я высвободила руку и, держа в ней крест, подняла его над призраками.

— Кто бы вы ни были, — воскликнула я, — именем Бога живого приказываю вам: исчезните.

При этих словах лицо господина Бертрана совершенно посинело. Он покачнулся, и я услышала, как гулко, словно бы это был железный чан, ударились о плиты пола рыцарские латы. В то же мгновение исчезли и все остальные призраки, налетел ветер и погасил огни. Теперь кругом меня были развалины

обширного здания. При свете луны, проникавшем в одно из сводчатых окон, мне почудилось, будто передо мной еще мечется целая толпа францисканцев, но и это видение исчезло, как только я осенила себя крестом. До меня еще донеслись замирающие звуки молитвы, еще различила я и слова: «Есть хочу, есть хочу!» — а потом уже только шумело в ушах. Меня одолела усталость, и я впала в дремоту, а когда очнулась, меня уже нес какой-то человек, широкими шагами перемахивавший через пни деревьев и кусты. Я открыла глаза и при лучах утренней зари узнала командора; одежда его была разорвана и запачкана кровью.

— Сударыня, — сказал он мне, когда увидел, что я в состоянии его слушать, — если самое жестокое мгновение в моей жизни было то, когда я потерял вас, то уверяю, что ничто бы сейчас не могло сравниться с моим счастьем, если бы его не отравляла мысль о том, что мне не удалось предотвратить ваше падение.

— Да бросьте вы сокрушаться, командор, и положите меня на землю: я чувствую себя

разбитой, а судя по тому, как вы меня несете, из вас, пожалуй, хорошей няньки не получится! — ответила я ему.

— Если так, сударыня, — сказал господин де Бельевр, — то вините не мое рвение, а сломанную левую руку!

— Боже мой! — вскричала я. — Как же это вы сломали себе руку?

— Когда бросился за вами, сударыня, как мне повелевал мой долг, едва только увидел, что дочь моего почитаемого друга выпала из кареты.

Тронутая самоотверженностью господина де Бельевра, я уговорила его позволить мне идти самой. Я предложила ему также сделать из моего платка повязку, но он ответил, что состояние его не требует таких забот и что он более чем счастлив, имея здоровую руку, которой готов мне служить. Мы еще не успели выбраться из леса, как встретили слуг с портшезом — их выслал в эту сторону мой отец, узнав о несчастном случае от наших лакеев. Сам он продолжал еще поиски в другом направлении. Вскоре мы соединились. Он, как меня увидел, очень встревожился и сразу же

начал хлопотать около меня. Потом ему захотелось обнять и господина де Бельевра, с которым он не видался много лет. Но командор отступил на один шаг и сказал моему отцу тоном весьма серьезным:

— Милостивый государь и любезнейший друг! Доверив мне вашу дочь, то есть самое драгоценное, что есть у вас на свете, вы дали мне такое доказательство дружбы, которым я был глубоко тронут. Но я оказался недостойн этой дружбы, ибо, несмотря на все мои старания, не мог помешать тому, чтобы гром напугал наших лошадей, чтобы карета разбилась, а дочь ваша упала посреди леса, где и оставалась до утра. Итак, вы видите, милостивый государь и дорогой друг, что я не оправдал вашего доверия, а поелику справедливость требует, чтобы я дал вам удовольствие, то я и предлагаю вам либо драться на шпагах, либо стреляться. Сожалею, что состояние моей левой руки делает для меня невозможной дуэль на кинжалах, которой, быть может, вы бы отдали предпочтение, но вы слишком справедливы, чтобы упрекнуть меня в недостатке доброй воли, а для всякой иной дуэли я к ва-

шим услугам в тот час и в том месте, какие вам угодно будет указать.

Моего отца весьма удивило такое заключение, и лишь с величайшим трудом удалось нам убедить командора, что он сделал все возможное для человека в подобных обстоятельствах и что для смертоубийства нет никаких оснований. Тогда он с жаром обнял моего отца и сказал, что очень обрадован таким исходом дела, ибо ему было бы горестно убить лучшего своего друга. Я попросила господина де Бельевра рассказать, как он меня нашел, и узнала, что, бросившись вслед за мною, он ударился головою о дерево и от этого на время потерял сознание, а придя в себя, обнаружил, что левая рука у него сломана, но это не помешало ему отправиться на мои поиски, в течение которых он неоднократно звал меня. В конце концов, после долгих стараний, он нашел меня в обмороке среди развалин замка и унес, обхватив правой рукой. Я в свою очередь рассказала, что со мною случилось в замке Обербуа, но отец отнесся к моим словам так, как будто все это мне приснилось и пригрезилось. Я выслушивала его шут-

ки, но в глубине души была вполне уверена, что видела не сон, к тому же еще ощущала сильную боль в руке, которую своей железной дланью сжимал рыцарь Бертран. Все перенесенные треволнения так на меня подействовали, что вызвали лихорадку и я проболела больше двух недель. В течение этого времени отец и командор (руку которого лечил здешний хирург) постоянно играли в шахматы у меня в комнате либо рылись в большом шкафу, набитом всякими бумагами и старинными пергаментами. Однажды, когда лежала, закрыв глаза, я услышала, как отец говорил командору:

— Вот прочитайте, друг мой, и скажите, что вы об этом думаете.

Мне стало любопытно, и, приоткрыв глаза, я увидела, что отец держит в руках совершенно пожелтевший пергамент с несколькими привешенными к нему восковыми печатями, какие в былое время полагалось прикреплять к парламентским указам и королевским эдиктам. Командор взял пергамент и принялся читать вполголоса, часто оборачиваясь в мою сторону, послание короля Карла VII ко

всем баронам в Арденнах, коим сообщалось и объявлялось об изъятии в казну поместий рыцаря Бертрана д'Обербуа и госпожи Жанны де Рошегю, обвиненных в безбожии и всякого рода преступлениях. Послание начиналось в обычных выражениях:

— «Мы, Карл Седьмой, милостию Божиею король Франции, шлем благоволение свое всем, кто читать будет сии письма. Всем вассалам нашим, баронам, владетельным господам, рыцарям и дворянам да будет ведомо, что чиновники наши, владетельные господа и дворяне донесли нам о бароне нашем господине рыцаре Бертроне д'Обербуа, каковой рыцарь злокозненно и злонравно непокорство оказывал нам и власти нашей королевской противоборствовал...»

И прочая, прочая, прочая. Далее следовал длинный список прегрешений рыцаря Бертрана, который, как было сказано, «о благе святой Церкви нашей не радел, оной не почитал, постов и вовсе не соблюдал, как если бы так и подобало, годы многие во грехах не исповедовался и плоти и крови Господа нашего и спасителя Иисуса Христа не причащался».

— И столь премерзостно сотворил вышереченный рыцарь, — гласил далее пергамент, — что мерзостней того и сотворить невозможно, понеже в ночь успения Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, веселясь на пире буйном и богопротивном, господин тот Бертран рек: «Погибелью души моей клянусь! Жизни вечной не бывает и в жизнь оную не верю ни сколько, а коли она есть, так я, хоть бы и душу за то отдать Сатане, ворочусь через триста лет с сего дня в замок мой, дабы веселиться и пировать, и в том поклясться и побожиться готов!» Как говорилось далее в послании, эти дерзкие слова столь понравились прочим со-трапезникам, что все они тоже дали клятву встретиться ровно через триста лет, в такой же точно день и час в замке рыцаря Бертрана, за какое деяние они объявлялись вероотступниками и безбожниками. Так как вскоре после произнесения столь ужасных слов рыцарь Бертран был найден «удавленным, сиречь удушенным» в своих доспехах, его тем самым уже не могло коснуться возмездие за совершенные преступления, но его поместья были взяты в казну, равно как и владения его

доброй приятельницы госпожи Жанны де Рошегю, которая обвинялась — милая забавница! — еще и в том, что сгубила приора одного францисканского монастыря, воспользовавшись сперва его помощью для убийства своего супруга. То, как она умертвила этого недостойного священника, было чудовищно: она велела перерезать ему оба подколенка и бросить, искалеченного, в лесу Обербуа, «и на сие горестно было взирать, ибо вышереченный священник ползал и корчился прежалостно, доколе не умре с голоду в том лесу». В конце послания не заключалось ничего существенного, кроме того, что одному из наших предков повелевалось именем короля вступить во владение замками рыцаря Бертрана и госпожи Жанны. Когда командор дочитал, отец спросил его, в какой именно день мы приехали.

— Это было в ночь на Успенье Божьей Матери, — отвечал господин де Бельевр.

— В ту ночь я имел несчастье потерять и счастье вновь найти госпожу герцогиню, вашу дочь.

— Послание помечено тысяча четыреста

пятьдесят девятым годом, — продолжал мой отец, — а у нас сейчас год тысяча семьсот пятьдесят девятый. В ночь на Успенье с тех пор прошло, значит, ровно триста лет. Не надо, командор, говорить про это моей дочери — пусть лучше она думает, что видела сон.

При этих словах я вся побледнела от ужаса. Отец и командор это заметили и обменялись беспокойными взглядами, но я сделала вид, что только сейчас проснулась, и сказала, что чувствую необычайный упадок сил. Несколько дней спустя я совершенно выздоровела и вскоре уехала в Париж опять в сопровождении господина де Бельевра. Я снова встрети-лась с д'Юрфе, который оказался еще более, чем прежде, влюбленным в меня, но по проклятой привычке к кокетству держалась с ним еще более холодно, продолжая его мучить и шутить над ним, в особенности по поводу его неудавшейся попытки похитить меня. Во всем этом я так преуспела, что в одно прекрасное утро он пришел сообщить о своем решении уехать в Молдавию — так он устал от этой игры. Я достаточно хорошо знала маркиза и поняла, что теперь уже он не откажет-

ся от своего намерения. Удерживать его я не стала, а так как мне бог вестъ почему казалось, что с ним может случиться несчастье, дала ему, чтобы предохранить, — мой крестик, который, как он мне рассказал впоследствии, спас его от страшной беды. Через полгода после отъезда маркиза я вышла замуж за вашего деда, и должна вам признаться, дети мои, что сделала этот шаг, хоть отчасти, с горя. Но все же правду говорят, что браки по любви — не самые удачные: ведь ваш дед, к которому я всегда чувствовала только уважение, сделал меня, конечно, гораздо более счастливой, чем я была бы с маркизом д'Юрфе, который, в конце концов, был всего-навсего шалопай, что, впрочем, не мешало мне находить его весьма приятным.

1912 г.

Волки

Когда в селах пустеет,
Смолкнут песни селян
И седой забелеет
Над болотом туман,
Из лесов тихомолком
По полям волк за волком
Отправляются все на добычу.
Семь волков идут смело.
Впереди их идет
Волк осьмой, шерсти белой,
А таинственный ход
Заключает девятый:
С окровавленной пятой
Он за ними идет и хромает.
Их ничто не пугает,
На село ли им путь.
Пес на них и не лает,
А мужик идохнуть,
Видя их, не посмеет:
Он от страху бледнеет
И читает тихонько молитву.
Волки церковь обходят
Осторожно кругом,
В двор поповский заходят
И шевелят хвостом.
Близ корчмы водят ухом

И внимают всем слухом,
Не ведутся ль там грешные речи.
Их глаза словно свечи,
Зубы шила острей.
Ты тринадцать картечей
Козьей шерстью забей
И стреляй по ним смело.
Прежде рухнет волк белый,
А за ним упадут и другие.
На селе ж, когда спящих
Всех разбудит петух,
Ты увидишь лежащих
Девять мертвых старух.
Впереди их седая,
Позади их хромая.
Все в крови... С нами сила Господ-
ня!

1840-е гг.

Князь Ростислав

*Уношу князю Ростиславу
затвори Днепр темне березе.*

Слово о полку Игореве

*Князь Ростислав в земле чужой
Лежит на дне речном,
Лежит в кольчуге боевой,
С изломанным мечом.
Днепра подводные красы
Лобзаться любят с ним
И гребнем витязя власы
Расчесывать златым.
Его напрасно день и ночь
Княгиня дома ждет...
Ладыя его умчала прочь —
Назад не принесет!
В глухом лесу, в земле чужой,
В реке его приют;
Ему попы за упокой
Молитвы не поют,
Но с ним подводные красы,
С ним дев веселых рой,
И чешет витязя власы
Их гребень золотой.*

Когда же на берег Посвист
Седые волны мчит,
В лесу кружится желтый лист.
Ярься, Перун гремит.
Тогда, от сна на дне речном
Внезапно пробудясь,
Очами мутными кругом
Взирает бедный князь.
Жену младую он зовет —
Увы! Его жена,
Прождав напрасно целый год,
С другим обручена.
Зовет к себе и брата он,
Его обнять бы рад —
Но, сонмом грядней окружен,
Пирует дома брат.
Зовет он киевских попов,
Велит себя отпеть —
Но до отчизны слабый зов
Не может долететь.
И он, склонясь на ржавый щит,
Опять тяжелым сном
В кругу русалок юных спит
Один на дне речном...

1840-е гг.

Богатырь

*По русскому славному царству,
На кляче разбитой верхом,
Один богатырь разъезжает
И назад, и вперед, и кругом.*

*Покрыт он дырявой рогожей,
Мочалы вокруг сапогов,
На брови надвинута шапка,
За пазухой пеннику штоф.*

*«Ко мне, горемычные люди,
Ко мне, молодцы, поскорей!
Ко мне, молодицы и девки, —
Отведайте водки моей!»*

*Он потчует всех без разбору,
Гроша ни с кого не берет,
Встречает его с хлебом-солью,
Честит его русский народ.*

*Красив ли он, стар или молод —
Никто не заметил того;
Но ссоры, болезни и голод
Плетутся за клячей его.*

И кто его водки отведал,

От ней не отстанет никак,
И всадник его провожает
Услужливо в ближний кабак.

Стучат и расходятся чарки,
Трехпробное льется вино.
В кабак, до последней рубахи,
Добро мужика снесено.

Стучат и расходятся чарки,
Питейное дело растет,
Жиды богатеют, жиреют,
Беднеет, худеет народ.

Со службы домой воротился
В деревню усталый солдат.
Его угощают родные,
Вкруг штофа горилки сидят.

Приходу его они рады,
Но вот уж играет вино,
По жилам бежит и струится
И головы кружит оно.

«Да что, — говорят ему бра-
тья, —
Уж нешто ты нам и старшой?
Ведь мы-то трудились, пахали,

Не станем делиться с тобой!»

*И ссора меж них закипела,
И подняли бабы содом.
Солдат их ружейным прикладом,
А братья его топором!*

*Сидел над картиной художник,
Он Божию Матерь писал,
Любил, как дитя, он картину,
Он ею и жил и дышал.*

*Вперед подвигалось дело,
Порой на него с полотна
С улыбкой святая глядела,
Его ободряла она.*

*Сгрустнулося раз живописцу,
Он с горя горилки хватил —
Забыл он свою мастерскую,
Свою Богоматерь забыл.*

*Весь день он валяется пьяный
И в руки кистей не берет —
Меж тем, под рогожею, всадник
На кляче плетется вперед.*

Работают в поле ребята,

*И градом с них катится пот,
И им в умилении всадник
Орлений свой штоф отдает.*

*Пошла между ними потеха!
Трехпробное льется вино,
По жилам бежит и струится
И головы кружит оно.*

*Бросают они свои сохи,
Готовят себе кистени,
Идут на большую дорогу,
Купцов поджидают они.*

*Был сын у родителей бедных
Любовью к науке влеком,
Семью он свою оставляет
И в город приходит пешком.*

*Он трудится денно и ночью,
Покою себе не дает,
Он терпит и голод и холод,
Но движется быстро вперед.*

*Однажды, в дождливую осень,
В одном переулке глухом
Ему попадается всадник
На кляче разбитой верхом.*

*«Здорово, товарищ, дай руку!
Никак, ты, бедняга, продрог?
Что ж, выпьем за Русь и науку!
Я сам им служу, видит Бог!»*

*От стужи иль от голодухи
Прельстился на водку и ты —
И вот потонули в сивухе
Родные святые мечты!*

*За пьянство из судной управы
Повытчика выгнали раз,
Теперь он крестьянам на сходке
Читает подложный указ.*

*Лукаво толкует свободу
И бочками водку сулит:
«Нет боле оброков, нет барщин —
Того-де закон не велит.*

*Теперь, вишь, другие порядки.
Знай пей, молодец, не тужи!
А лучше чтоб спорилось дело,
На то топоры и ножи!»*

*А всадник на кляче не дремлет,
Он едет и свищет в кулак.
Где кляча ударит копытом,*

Там тотчас стоит и кабак.

*За двести миллионов Россия
Жидами на откуп взята —
За тридцать серебряных денег
Они же купили Христа.*

*И много Понтийских Пилатов,
И много лукавых Иуд
Отчизну свою распинают,
Христа своего продают.*

*Стучат и расходятся чарки,
Рекою бушует вино,
Уносит деревни и села
И Русь затопляет оно.*

*Дерутся и режутся братья,
И мать дочерей продает,
Плач, песни, и вой, и проклятья —
Питейное дело растет!*

*И гордо на кляче гарцует
Теперь богатырь удалой.
Уж сбросил с себя он рогожу,
Он шапку сымает долой.*

Гарцует обглоданный остов,

*Венец на плешивом челе,
Венец из разбитых бутылок
Блестит и сверкает во мгле.*

*И череп безглазый смеется:
«Призванье мое свершено!
Недаром же им достается
Мое даровое вино!»*

1849 г.

Змей Тугарин

1

*Над светлым Днепром, средь могучих бояр,
Близ стольного Киева-града,
Пирует Владимир, с ним молод и стар,
И слышен далеко звон кованых чар —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!*

2

*И молвит Владимир: «Что ж нету певцов?
Без них мне и пир не отрада!»
И вот незнакомый из дальних рядов
Певец выступает на княжеский зов —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!*

3

*Глаза словно щели, растянутый рот,
Лицо на лицо не похоже,
И выдались скулы углами вперед,*

*И ахнул от ужаса русский народ:
«Ой рожга, ой страшная рожга!»*

4

*И начал он петь на неведомый
лад:
«Владычество смелым награда!
Ты, княже, могуч и казною богат,
И помнит лады твои дальний
Царьград —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!»*

5

*Но род твой не вечно судьбою хра-
ним,
Настанет тяжелое время,
Обнимут твой Киев и пламя и
дым,
И внуки твои будут внукам моим
Держать золоченое стремя!»*

6

*И вспыхнул Владимир при слове
таком,
В очах загорелась досада,
Но вдруг засмеялся — и хохот
кругом
В рядах прокатился, как по небу*

гром, —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

7

Смеется Владимир, и с ним сыновья,
Смеется, потупясь, княгиня,
Смеются бояре, смеются князья,
Удалый Попович, и старый Илья,
И смелый Никитич Добрыня.

8

Певец продолжает: «Смешна моя
весть
И вашему уху обидна?
Кто мог бы из вас оскорбление
снести?
Бесценное русским сокровище
честь,
Их клятва: «Да будет мне стыдно!»

9

На вече народном вершится их
суд,
Обиды смывает с них поле —
Но дни, погодите, иные придут,
И честь, государи, заменит вам

кнут,
А вече — каганская воля!»

10

«Стой! — молвит Илья. — Твой
хоть голос и чист,
Да песня твоя непригожа!
Был вор Соловей, как и ты, голо-
сист,
Да я пятерней приглушил его
свист —
С тобой не случилось бы то же!»

11

Певец продолжает: «И время при-
дет,
Уступит наш хан христианам,
И снова подыметя русский на-
род,
И землю единый из вас соберет,
Но сам же над ней станет ханом!»

12

И в тереме будет сидеть он сво-
ем,
Подобен кумиру средь храма,
И будет он спины вам бить бато-
жьем,

*А вы ему стукать да стукать челом —
Ой срама, ой горького срама!»*

13

*«Стой! — молвит Попович. —
Хоть дюжий твой рост,
Но слушай, поганая рожка:
Зашла раз корова к отцу на погост,
Махнул я ее через крышу за хвост —
Тебе не было бы того же!»*

14

*Но тот продолжает, ослабивши пасть:
«Обычай вы наш переймете,
На честь вы поруху научитесь класть,
И вот, наглотавшись татарщины всласть,
Вы Русью ее назовете!»*

15

*И с честной поссоритесь вы старинной,
И, предкам великим на сором,*

Не слушая голоса крови родной,
Вы скажете: «Станем к варягам
спиной,
Лицом повернемся к обдорам!»»

16

«Стой, — молвит, поднявшись,
Добрыня, — не смей
Пророчить такого нам горя!
Тебя я узнал из негодных речей:
Ты старый Тугарин, поганый
тот змей,
Приплывший от Черного моря!»

17

На крыльях бумажных, ночью
порой,
Ты часто вокруг Киева-града
Летал и шипел, но тебя не впер-
вой
Попотчую я каленою стрелой —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!»

18

И начал Добрыня натягивать
лук,
И вот, на потеху народу,
Струны богатырской слышав-

ши звук,
Во змея певец перекинулся вдруг,
И с шипом он бросился в воду.

19

«Тьфу, гадина! — молвил Влади-
мир и нос
Зажал от несносного смрада.
Чего уж он в скаредной песни ни
нес,
Но, благо, удрал от Добрынюшки,
пес, —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!»

20

А змей, по Днепру расстилаясь,
плывет,
И, смехом преследуя гада,
По нем улюлюкает русский на-
род:
«Чай, песни теперь уже нам не
споеет —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!»

21

Смеется Владимир: «Вишь, выду-
мал нам
Каким угрожать он позором!

Чтоб мы от Тугарина приняли
срам!
Чтоб спины подставили мы ба-
тогам!
Чтоб мы повернулись к обдорам!

22

Нет, шутишь! Живет наша рус-
ская Русь!
Татарской нам Руси не надо!
Солгал он, солгал, перелетный он
гусь,
За честь нашей родины я не бо-
юсь —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

23

А если б над нею беда и стряслась,
Потомки беду перемогут!
Бывает, — примолвил свет Сол-
нышко-князь, —
Неволя заставит пройти через
грязь —
Купаться в ней свиньи лишь мо-
гут!

24

Подайте ж мне чару большую

мою,
Ту чару, добытую в сече,
Добытую с ханом хозарским в
бою, —
За русский обычай до дна ее пью,
За древнее русское вече!

25

За вольный, за честный славян-
ский народ!
За колокол пью Новаграда!
И если он даже и в прах упадет,
Пусть звон его в сердце потомков
живет —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

26

Я пью за варягов, за дедов лихих,
Кем русская сила подъята,
Кем славен наш Киев, кем грек
приутих,
За синее море, которое их,
Шумя, принесло от заката!»

27

И выпил Владимир — и разом кру-
гом,
Как плеск лебединого стада,

Как летом из тучи ударивший
гром,
Народ отвечает: «За князя мы
пьем!
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

28

Да правит по-русски он русский
народ,
А хана нам даром не надо!
И если настанет година невзгод,
Мы верим, что Русь их победно
пройдет, —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!»

29

Пирует Владимир со светлым ли-
цом,
В груди богатырской отрада,
Он верит: победно мы горе прой-
дем,
И весело слышать ему над Дне-
пром:
«Ой ладо, ой ладушки-ладо!»

30

Пирует с Владимиром сила бояр,
Пируют посадники града,

*Пирует весь Киев, и молод и стар,
И слышен далеко звон кованых
чар —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!
Вторая половина 1867 г.*

Поток-богатырь

1

*Зачинается песня от древних за-
тей,
От веселых пиров и обедов,
И от русых от кос, и от черных
кудрей,
И от тех ли от ласковых дедов,
Что с потехой охотно мешали
дела;
От их времени песня теперь пове-
ла,
От того ль старорусского краю,
А чем кончится песня — не знаю.*

2

*У Владимира Солнышка праздник
идет,
Пированье идет, ликование,
С молодницами гридни ведут хоро-
вод,
Гуслей звон и кимвалов бряцанье.
Молодницы что светлые звезды го-
рят,
И под топот подошв, и под песен-
ный лад,*

*Изгибаяся, ходят красиво,
Молодцы выступают на диво.*

3

*Но Поток-богатырь всех других
превзошел:
Взглянет — искрами словно обме-
чет:
Повернется направо — что сизый
орел,
Повернется налево — что кречет;
Подвигается мерно и взад и впе-
ред,
То притопнет ногою, то шапкой
махнет,
То вдруг станет, тряхнувши куд-
рями,
Пожимает на месте плечами.*

4

*И дивится Владимир на строй-
ную статью,
И дивится на светлое око.
«Никому, — говорит, — на Руси не
плясать
Супротив молодого Потока!»
Но уж поздно, встает со княги-
нею князь,*

На три стороны в пояс гостям
поклонясь,
Всем желает довольным остаться,
Это значит — пора расставаться.

5

И с поклонами гости уходят до-
мой,
И Владимир княгиню уводит,
Лишь один остается Поток мо-
лодой,
Подбочася, по-прежнему ходит,
То притопнет ногою, то шапкой
махнет,
Не заметил он, как отошел хоро-
вод,
Не слышал он Владимира ласку,
Продолжает по-прежнему пляс-
ку.

6

Вот уж месяц из-за лесу кажет
рога,
И туманом подернулись балки,
Вот и в ступе поехала баба-яга,
И в Днепре заплескались русалки,

*В Заднепровье послышался лешего
вой,
По конюшням дозором пошел до-
мовой,
На трубе ведьма пологом машет,
А Поток себе пляшет да пляшет.*

7

*Сквозь царьградские окна в хором-
ную сень
Смотрят светлые звезды, дивясь,
Как по белым стенам богатыр-
ская тень
Ходит взад и вперед, подбочася.
Перед самой зарей утомился По-
ток,
Под собой уже резвых не чувству-
ет ног,
На мостницы как сноп упадает,
На полтысячи лет засыпает.*

8

*Много снов ему снится в полты-
сячи лет:
Видит славные схватки и сечи,
Красных девиц внимает радуш-
ный привет
И с боярами судит на вече;*

Или видит Владимира вежливый
двор,
За ковшами веселый ведет разгово-
вор,
Иль на ловле со князем гуторит,
Иль в совете настойчиво спорит.

9

Пробудился Поток на Москве на
реке,
Пред собой видит терем дубовый;
Под узорным окном, в закутнóм
цветнике,
Распускается розан махровый;
Полюбился Поток красивый цве-
ток,
И понюхать его норовится По-
ток,
Как в окне показалась царевна,
На Потока накинулась гневно:

10

«Шеромыжник, болван, неученый
холоп!
Чтоб тебя в турий рог искриви-
ло!
Поросенок, теленок, свинья, эфи-
оп,

Чертов сын, неумытое рыло!
Кабы только не этот мой девичий стыд,
Что иногo словца мне сказать не велит,
Я тебя, прощельгу, нахала,
И не так бы еще обругала!»

11

Испугался Поток, не на шутку
струхнул:
«Поскорей унести бы мне ноги!»
Вдруг гремят тулумбасы: идет
караул,
Гонит палками встречных с дороги;
Едет царь на коне, в зипуне из парчи,
А кругом с топорами идут пала-
чи, —
Его милость собираются тешить,
Там кого-то рубить или вешать.

12

И во гневе за меч ухватился Поток:
«Что за хан на Руси своево-
лит?» —

*Но вдруг слышит слова: «То земной едет бог,
То отец наш казнить нас изво-лит!»
И на улице, сколько там было толпы:
Воеводы, бояре, монахи, попы,
Мужики, старики и старухи —
Все пред ним повалились на брюхи.*

13

*Удивляется притче Поток молодой:
«Если князь он иль царь напоследок,
Что ж метут они землю пред ним бородой?
Мы честили князей, но не эдак!
Да и полно, уж вправду ли я на Руси?
От земного нас бога Господь упаси!
Нам Писанием велено строго
Признавать лишь небесного Бога!»*

14

И пытается у встречного он молодца:

«Где здесь, дядя, собирается вечно?» —

Но на том от испугу не видно лица:

«Чур меня, — говорит, — человеце!» —

И пустился бежать от Потока бегом.

*У того ж голова заходила кругом,
Он на землю как сноп упадает,
Лет на триста еще засыпает.*

15

*Пробудился Поток на другой на реке,
На какой? Не припомнит преданье.*

Погуляв себе взад и вперед в холодке,

*Входит он во просторное зданье,
Видит: судьи сидят, и торжественно тут*

Над преступником гласный свершается суд.

*Несомненны и тяжки улики,
Преступленья ж довольно велики:*

16

Он отца отравил, пару теток
убил,
Взял подлогом чужое имя
Да двух братьев и трех дочерей
задушил —
Ожидают присяжных решенья.
И присяжные входят с довольным
лицом:
«Хоть убил, — говорят, — не ви-
новен ни в чем!»
Тут платками им слева и справа
Машут барыни с криками: «бра-
во!»

17

И промолвил Поток: «Со присяж-
ными суд
Был обычен и нашему миру,
Но когда бы такой подвернулся
нам шут,
В триста кун заплатил бы он ви-
ру!»
А соседи, косясь на него, говорят:
«Вишь, какой затесался сюда ре-
троград!
Отсталой он, то видно по пла-
тью,

Притеснять хочет меньшую братью!»

18

Но Поток из их слов ничего не поймет,
И в другое он здание входит:
Там какой-то аптекарь не то патриот
Пред толпою ученье проводит:
Что, мол, нету души, а одна только плоть
И что если и впрямь существует Господь,
То он только есть вид кислорода,
Вся же суть в безначалье народа.

19

И, увидя Потока, к нему свысока
Патриот обратился сурово:
«Говори, уважаешь ли ты мужика?»
Но Поток вопрошает: «Какого?» —
«Мужика вообще, что смиреньем велик!»
Но Поток говорит: «Есть мужик и мужик:

*Если он не пропьет урожаю,
Я тогда мужика уважаю!»*

20

«Феодал! — закричал на него патриот, —

Знай, что только в народе спасенье!»

Но Поток говорит: «Я ведь тоже народ,

Так за что ж для меня исключенье?»

Но к нему патриот: «Ты народ, да не тот!

Править Русью призван только черный народ!

*То по старой системе всяк равен,
А по нашей лишь он полноправен!»*

21

Тут все подняли крик, словно дернул их бес,

Угрожают Потокую бедою.

Слышно: «почва, гуманность, коммуна,

прогресс» —

И что «кто-то заеден средою».

Меж собой вперерыв, наподобье

галчат,
Все об общем каком-то о деле
кричат,
И Потока с язвительным тоном
Называют остзейским бароном.

22

И подумал Поток: «Уж, Господь
борони,
Не проснулся ли слишком я рано?
Ведь вчера еще, лежа на брюхе,
они
Обожали московского хана,
А сегодня велят мужика обо-
жать!
Мне сдается, такая потребность
лежать
То пред тем, то пред этим на
брюхе
На вчерашнем основана духе!»

23

В третий входит он дом, и объял
его страх:
Видит, в длинной палате воню-
чей,
Все острижены вокруг, в сюртуках
и в очках,

*Собрались красавицы кучей.
Про какие-то женские споря пра-
ва,
Совершают они, засуча рукава,
Пресловутое общее дело:
Потрошат чье-то мертвое тело.*

24

*Ужаснулся Поток, от красавиц
бежит,
А они восклицают ехидно:
«Ах какой он пошляк! Ах как он
неразвит!
Современности вовсе не видно!»
Но Поток говорит, очутясь на
дворе:
«То ж бывало у нас и на Лысой го-
ре,
Только ведьмы хоть голы и босы,
Но, по крайности, есть у них ко-
сы!»*

25

*И что видеть и слышать ему до-
велось:
И тот суд, и о Боге ученье,
И в сиянье мужик, и девицы без
кос —*

*Все приводит его к заключенью:
«Много разных бывает на свете
чудес!*

*Я не знаю, что значит какой-то
прогресс,
Но до здравого русского веча
Вам еще, государи, далече!»*

26

*И так сделалось гадко и тошно
ему,
Что он наземь как сноп упадает
И под слово прогресс, как в чаду и
дыму,
Лет на двести еще засыпает.
Пробужденья его мы теперь подо-
ждем;
Что, проснувшись, увидит, о том
и споем,
А покудова он не проспится,
Наудачу нам петь не годится.
Начало 1871 г.*

Портрет

1

Воспоминаний рой, как мошек туча,
Вокруг меня снует с недавних пор.
Из их толпы цветистой и летучей
Составить мог бы целый я обзор,
Но приведу пока один лишь случай;
Рассудку он имел наперекор
На жизнь мою немалое влияние —
Так пусть другим послужит в назиданье...

2

Известно, нет событий без следа:
Прошедшее, прискорбно или мило,
Ни личностям доселе никогда,
Ни нациям с рук даром не сходило.
Тому теперь, — но вычислять года
Я не горазд — я думаю, мне было
Одиннадцать или двенадцать лет —

С тех пор успел перемениться свет.

3

*Подумать можно: протекло лет
со сто,*

*Так повернулось старое вверх
дном.*

*А в сущности, все совершилось
просто,*

*Так просто, что... Но дело не о
том!*

*У самого Аничковского моста
Большой тогда мы занимали
дом:*

*Он был — никто не усомнится в
этом, —*

*Как прочие, окрашен желтым
цветом.*

4

*Заметил я, что желтый этот
цвет*

*Особенно льстит сердцу патрио-
та;*

Обмазать охрой дом иль лазарет

Неодолима русского охота;

Начальство также в этом с дав-

них лет
Благонамеренное видит что-то,
И охрятятся в губерниях сплеча
Палаты, храм, острог и каланча.

5

Ревенный цвет и линия прямая —
Вот идеал изящества для нас.
Наследники Батья и Мамаю,
Командовать мы приучили глаз
И, площади за степи принимая,
Хотим глядеть из Тулы в Арзамас.
Прекрасное искать мы любим в
пошлом —
Не так о том судили в веке про-
шлом.

6

В своем дому любил аристократ
Капризные изгибы и уступы,
Убранный медальонами фасад,
С гирляндами колонн ненужных
купы,
На крыше ваз или амуров ряд,
На воротах причудливые группы.
Перенимать с недавних стали пор
У дедов мы весь этот милый

вздор.

7

В мои ж года хорошим было то-
ном
Казарменному вкусу подражать,
И четверем или восьми колоннам
Вменялось в долг шеренгою тор-
чать
Под неизбежным греческим фрон-
тоном.
Во Франции такую благодать
Завел, в свой век воинственных
плебеев,
Наполеон, — в России ж — Аракче-
ев.

8

Таков и наш фасад был, но внутри
Характер свой прошедшего столе-
тья
Дом сохранил. Покоя два иль три
Могли б восторга вызвать меж-
дометье
У знатока. Из бронзы фонари
В сенях висели, и любил смотреть
я,
Хоть был тогда в искусстве не

толков,
На лепку стен и форму потолков.

9

Родителей своих я видел мало;
Отец был занят; братьев и сестер
Я не знавал; мать много выезжала;
Ворчали вечно тетки; с ранних пор
Привык один бродить я в зал из зала
И населять мечтами их простор.
Так подвиги, достойные романа,
Вообразать себе я начал рано.

10

Действительность, напротив,
мне была
От малых лет несносна и противна.
Жизнь, как она вокруг меня текла,
Все в той же прозе движась беспрерывно,
Все, что зовут серьезные дела,
Я ненавидел с детства инстинк-

тивно.

Не говорю, чтоб в этом был я
прав,
Но, видно, так уж мой сложился
нрав.

11

Цветы у нас стояли в разных за-
лах:
Желтофиолей много золотых
И много гиацинтов, синих, алых,
И палевых, и бледно-голубых;
И я, миров искатель небывалых,
Любил вникать в благоуханье их,
И в каждом запахе индивидуаль-
ный
Мне музыкой как будто веял
дальной.

12

В иные ж дни, прервав мечтаний
сон,
Случалось мне очнуться, в удивле-
нье,
С цветком в руке. Как мной был
сорван он —
Не помнил я, но в чудные виденья
Был запахом его я погружен.

Так превращало мне воображенье
В волшебный мир наш скучный
старый дом —
А жизнь меж тем шла прежним
чередом.

13

Предметы те ж зимою, как и ле-
том,
Реальный мир являл моим гла-
зам:
Учителя ходили по билетам
Все те ж ко мне; порхал по чет-
вергам
Танцмейстер, весь пропитанный
балетом,
Со скрипкою пискливой, и мне сам
Мой гувернер в назначенные сроки
Преподавал латинские уроки.

14

Он немец был от головы до ног,
Учен, серьезен, очень аккуратен,
Всегда к себе неумолимо строг
И не терпел на мне чернильных
пятен.
Но, признаюсь, его глубокий слог
Был для меня отчасти непоня-

тен,
Особенно когда он объяснял,
Что разумеет под словом «иде-
ал».

15

Любезен был ему Страбон и Пли-
ний,
Горация он знал до тошноты
И, что у нас так редко видишь ны-
не,
Высоко чтил художества цветы,
Причем закон волнообразных ли-
ний
Мне поставлял условием красо-
ты,
А чтоб система не пропала празд-
но,
Он сам и ел и пил волнообразно.

16

Достоинством проникнутый все-
гда,
Он формою был много озабочен,
«Das Formlose[15] — о, это есть
беда!» —
Он повторял и обижался очень,
Когда себе кто не давал труда

*Иль не умел в формальностях
быть точен;
А красоты классической печать
Наглядно мне давал он изучать.*

17

*Он говорил: «Смотрите, для при-
мера
Я несколько приму античных поз:
Вот так стоит Милосская Вене-
ра;
Так очертанье Вакха создалось;
Вот этак Зевс описан у Гомера;
Вот понят как Праксителем
Эрос,
А вот теперь я Аполлоном ста-
ну» —
И походил тогда на обезьяну.*

18

*Я думаю, поймешь, читатель,
ты,
Что вряд ли мог я этим быть до-
волен,
Тем более что чувством красоты
Я от природы не был обездолен;
Но у кого все средства отняты,
Тот слышит звон, не видя колоко-*

лен;
А слова я хотя не понимал,
Но чуялся иной мне «идеал».

19

И я душой искал его пытливо —
Но что найти вокруг себя я мог?
Старухи тетки не были красивы,
Величествен мой не был педа-
гог —
И потому мне кажется не диво,
Что типами их лиц я пренебрег,
И на одной из стен большого зала
Тип красоты мечта моя сыскала.

20

То молодой был женщины порт-
рет,
В грациозной позе. Несколько по-
блек он,
Иль, может быть, показывал
так свет
Сквозь кружевные занавесы окон.
Грудь украшал ей розовый букет,
Напудренный на плечи падал ло-
кон,
И, полный роз, передник из таф-
ты

За кончики несли ее персты.

21

*Иные скажут: «Живопись упадка!
Условная, пустая красота!»
Быть может, так, но каждая в
ней складка
Мне нравилась, а тонкая черта
Мой юный ум дразнила как загад-
ка:
Казалось мне, лукавые уста,
Назло глазам, исполненным печал-
ли,
Свои края чуть-чуть приподыма-
ли.*

22

*И странно то, что было в каж-
дый час
В ее лице иное выраженье;
Таких оттенков множество не
раз
Подсматривал в один и тот же
день я:
Менялся цвет неуловимый глаз,
Менялось уст неясное значенье,
И выражал поочередно взор
Кокетство, ласку, просьбу иль*

укор.

23

Ее судьбы не знаю я поныне:
Была ль маркиза юная она,
Погибшая, увы, на гильотине,
Иль, в Питере блестящем рожде-
на,
При матушке цвела Екатерине,
Играла в ломбр, приветна и умна,
И средь огней потемкинского ба-
ла
Как солнце всех красою побежда-
ла.

24

Об этом я не спрашивал тогда
И важную на то имел причину:
Преодолеть я тайного стыда
Никак не мог — теперь его отки-
ну;
Могу, увы, признаться без труда,
Что по уши влюбился я в карти-
ну,
Так, что страдала несколько ла-
тынь;
Уж кто влюблен, тот мудрость
лучше кинь.

25

Наставник мой был мною недово-
лен,
Его чело стал омрачать туман;
Он говорил, что я ничем не болен,
Что это лень и что «*wer will, der
kann!*»[16].
На этот счет он был многоглаго-
лен
И повторял, что нам рассудок
дан,
Дабы собой мы все владели боле
И управлять учились нашей во-
лей.

26

Был, кажется, поклонник Канта
он,
Но этот раз забыл его ученье,
Что «*Ding an sich*»[17], лишь толь-
ко воплощен,
Лишается свободного хотенья;
Я ж скоро был к той вере приве-
ден,
Что наша воля плод предназнаече-
нья,
Зане я тщетно, сколько ни потел,
Хотел хотеть иное, чем хотел.

27

*В грамматике, на место скучных
правил,
Мне виделся все тот же милый
лик;
Без счету мне нули наставник
ставил, —
Их получать я наконец привык.
Прилежностью себя я не просла-
вил
И лишь поздней добился и постиг,
В чем состоят спряжения красо-
ты.
О, классицизм, даешься нелегко
ты!*

28

*Все ж из меня не вышел реал-
лист —
Да извинит мне Стасюлевич это!
Недаром свой мне посвящала
свист
Уж не одна реальная газета.
Я ж незлобив: пусть виноградный
лист
Прикроет им небрежность туа-
лета,
И пусть Зевес, чья сила велика,*

Их русского сподобит языка!

29

Да, классик я, но до известной меры:

*Я б не хотел, чтоб почерком пера
Присуждены все были землемеры,
Механики, купцы, кондуктора
Виргилия долбить или Гомера.
Избави бог! Не та теперь пора.
Для разных нужд и выгод матерьяльных
Желаю нам поболее школ реальных.*

30

*Но я скажу: не паровозов дым
И не реторты движут просвещение —*

Свою к нему способность изощрим

Лишь строгой мы гимнастикой мышленья.

*И мне сдается: прав мой омоним,
Что классицизму дал он предпочтение,*

Которого так прочно тяжкий плуг

Взрывает новь под семена наук.

31

Все дело в мере. Впрочем, от предмета

*Отвлекся я — вернусь к нему
опять:*

*Те колебанья в линиях портрета
Потребностью мне стало изучать.*

*Ребячество, конечно, было это,
Но всякий вечер я, ложася спать,
Все думал: как по минованью ночи*

*Мой встретят взор изменчивые
очи?*

32

*Меня влекла их странная краса,
Как путника студеный ключ в пустыне.*

Вставал я в семь, а ровно в два часа,

Отдав сполна дань скуке и латыни,

Благословлял усердно Небеса.

*Обедали в то время в половине
Четвертого — в час этот, в янва-*

ре,
Уж сумерки бывают на дворе.

33

И всякий день, собрав мои тетради,
Умывши руки, пыль с воротничка
Смахнув платком, вихры свои
пригладя
И совершив два или три прыжка,
Я шел к портрету наблюдений ра-
ди;
Само собой, я шел исподтишка,
Как будто вовсе не было мне дела,
Как на меня красавица глядела.

34

Тогда пустой почти был темен
зал,
Но беглый свет горящего камина
На потолке расписанном дрожал
И на стене, где виделась картина.
Ручной орган на улице играл —
То, кажется, Моцарта каватина
Всегда в ту пору пела свой мо-
тив, —
И слушал я, взор в живопись впе-
рив.

35

Мне чудилось в тех звуках толкованье
И тайный ключ к загадочным чертам;
Росло души неясное желанье,
Со счастьем грусть мешалась по полам.
То юности платил, должно быть, дань я.
Чего хотел, не понимал я сам,
Но что-то вслух уста мои шептали,
Пока меня к столу не призывали.

36

И, впечатленья дум моих храня,
Я нехотя глотал тарелку супа.
С усмешкой все глядели на меня —
Мое лицо, должно быть, было тупо.
Застенчивей стал день я ото дня,
Смотрел на всех рассеянно и тупо,
И на себя родителей упрек
Не раз своей неловкостью навлек.

37

Но было мне страшней всего на свете,
Чтоб из больших случайно кто-нибудь
Заговорить не вздумал о портрете
Иль, хоть слегка, при мне упомянуть.
От мысли той (смешны бывают дети!)
Уж я краснел, моя сжималась грудь,
И казни б я подвергся уголовной,
Чтоб не открыть любви моей греховной.

38

Мне памятно еще до этих пор,
Какие я выдумывал уловки,
Чтоб изменить искусно разговор,
Когда предметы делались неловки.
А прошлый век, Екатеринин двор,
Роброны, пудра, фижмы иль шнуровки,
И даже сам Державин, автор од,
Уж издали меня бросали в пот.

39

*Читатель мой, скажи, ты был ли
молод?*

Не всякому известен сей недуг.

*Пора, когда любви нас мучит го-
лод,*

*Для многих есть не более как
звук.*

*Нам на Руси любить мешает хо-
лод,*

И сверх того за службой недосуг:

Немногие у нас родятся наги —

*Большая часть в мундире и при
шпаге.*

40

Но если, свет увидя между нас,

Ты редкое являешь исключенье

И не совсем огонь в тебе погас

*Тех дней, когда нам новы впечат-
ленья,*

*Быть может, ты поймешь, как в
первый раз*

Он озарил мое уединенье,

*Как с каждым днем он разгорался
вновь*

И как свою лелеял я любовь.

41

Была пора то дерзостных дога-
док,
Когда кипит вопросами наш ум;
Когда для нас мучителен и сла-
док
Бывает платья шелкового шум;
Когда души смущенной беспоря-
док
Нам не дает смирить прибой дум
И, без руля волнами их несомы,
Мы взором ищем берег незнако-
мый.

42

О, чудное мерцанье тех времен,
Где мы себя еще не понимаем!
О, дни, когда, раскрывши лекси-
кон,
Мы от иного слова замираем!
О, трепет чувств, случайностью
рожден,
Душистый цвет, плодом незаме-
няем,
Тревожной жизни первая веха:
Бред чистоты с предвкусием гре-
ха!

43

Внимал его я голосу послушно,
Как лепетанью веющего сна...
В среде сухой, придирчивой и душ-
ной
Мне стало вдруг казаться, что
она
К моей любви не вовсе равнодушна
И без насмешки смотрит с по-
лотна;
И вскоре я в том новом выраже-
нье
Участие прочел и ободренье.

44

Мне взор ее, казалось, говорил:
«Не унывай, крепись, настало вре-
мя —
У нас с тобой теперь довольно
сил,
Чтоб наших пут обоим скинуть
бремя.
Меня к холсту художник пригвоз-
дил,
Ты ж за ребенка почитаем всеми,
Тебя гнетут — но ты уже боль-
шой,
Давно тебя постигла я душой!

45

Тебе дано мне оказать услугу,
Пойми меня — на помощь я зову!
Хочу тебе довериться как другу:
Я не портрет, я мыслю и живу!
В своих ты снах искал во мне по-
другу —
Ее найти ты можешь наяву!
Меня добыть тебе не трудно с
бою —
Лишь доверши начатое тобою!»

46

Два целых дня ходил я как в чад
И спрашивал себя в недоуменьи:
«Как средство я спасти ее найду?
Откуда взять возможность и
уменьи?»
Так иногда лежащего в бреду
Задачи темной мучит разреше-
ние.
Я повторял: «Спасу ее — но как?
О, если б дать она могла мне
знак!»

47

И в сумерки, в тот самый час за-

ветный,
Когда шарманка пела под окном,
Я в зал пустой прокрался непри-
метно,
Чтобы мечтать о подвиге моем.
Но голову ломал себе я тщетно
И был готов ударить в стену
лбом,
Как юного воображенья сила
Нежданно мне задачу разрешила.

48

При отблеске каминного огня
Картина как-то задрожала в ра-
ме,
Сперва взглянула словно на меня
Молящими и влажными глазами,
Потом, ресницы медленно скло-
ня,
Свой взор на шкаф с узорными ча-
сами
Направила. Взор говорил: «Смот-
ри!»
Часы тогда показывали три.

49

Я понял все. Средь шума дня не
смела

Одеться в плоть и кровь ее краса,
Но ночью — о, тогда другое дело!
В ночной тени возможны чудеса!
И на часы затем она глядела,
Чтоб этой ночью, ровно в три ча-
са,
Когда весь дом покоится в молча-
нье,
Я к ней пришел на тайное свиданье.

50

Да, это так, сомнений боле нет!
Моей любви могущество без гра-
ни!
Коль захочу, я вызову на свет,
Что так давно мне видится в ту-
мане!
Но только ночью оживет порт-
рет —
Как я о том не догадался ране?
И сладостно и жутко стало мне,
И бегали мурашки по спине.

51

Остаток дня провел я благонрав-
но,
Приготовлял глаголы, не тужа,

Долбил предлоги и зубрил исправно,
Какого каждый просит надежда.
Когда ходил, ступал легко и плавно,
Расположеньем старших дорожа,
И вообще старался в этот день я
Не возбудить чем-либо подозренья.

52

Сидели гости вечером у нас,
Я должен был, по принятой системе,
Быть налицо. Прескучная велась
Меж них беседа, и меня как бремя
Она гнула. Настал насилу час
Идти мне спать. Простившись со всеми,
Я радостно отправился домой.
Мой педагог последовал за мной.

53

Я тотчас лег и, будто утомленный,
Закрыв глаза, но долго он ходил
Пред зеркалом, наморщив лоб
ученый,

И свой вакиштаф торжественно
курил,
Но, наконец, снял фрак и панта-
лоны,
В постелю влез и свечку погасил.
Должно быть, он заснул довольно
сладко,
Меня ж трясла и была лихорадка.

54

Но время шло, и вот гостям пора
Настала разъезжаться. Понял
это
Я из того, что стали кучера
Возиться у подъезда; струйки све-
та
На потолке забегали; с двора
Последняя отъехала карета,
И в доме стихло все. Свиданья ж
срок —
Читатель помнит — был еще да-
лек.

55

Теперь я должен — но не знаю,
право,
Как — оправдать себя во мненье
дам:

*На их участие потерял я право,
На милость их судьбу свою от-
дам!*

*Да, добрая моя страдает слава:
Как вышло то — не понимаю сам,
Но, в ожиданье сладостного сро-
ка,
Я вдруг заснул постыдно и глубо-
ко.*

56

*Что видел я в том недостойном
сне,
Моя лишь смутно память сохра-
нила,
Но что ж могло иное сниться
мне,
Как не она, кем сердце полно бы-
ло?
Уставшая скучать на полотне,
Она меня забвением корила,
И стала совесть так моя тяжка,
Что я проснулся, словно от толч-
ка.*

57

*В раскаянье, в испуге и в смяте-
нье,*

Рукой неверной спичку я зажег:
Предметов вдруг зашевелились
тени,
Но, к счастью, спал мой крепко
педагог, —
Я в радостном увидел удивленье,
Что не прошел назначенный мне
срок:
До трех часов — оно, конечно, ма-
ло —
Пяти минут еще недоставало.

58

И поспешил скорей одеться я,
Чтоб искупить поступок непо-
хвальный.
Держа свечу, дыханье притая,
Тихонько вышел я из нашей спаль-
ной,
Но голова кружилася моя,
И сердца стук мне слышался бук-
вально,
Пока я шел чрез длинный комнат
ряд,
На зеркала бояся бросить взгляд.

59

Знал хорошо я все покои дома,

Но в непривычной тишине ночной
Мне все теперь казалось незнако-
мо,
Мой шаг звучал как будто бы чу-
жой,
И странно так от тени перело-
мы
По сторонам и прямо надо мной
То стлалися, то на стену всполза-
ли —
Стараясь их не видеть, шел я да-
ле.

60

И вот уже та роковая дверь:
Единый шаг — судьба моя решит-
ся, —
Но что-то вдруг нежданное те-
перь
Заставило меня остановиться.
Читатель-друг, ты верь или не
верь —
Мне слышалось: «Не лучше ль во-
ротиться?
Ты не таким из двери выйдешь
той,
Каким войдешь с невинной про-
стотой».

61

То ангела ль хранителя был го-
лос?
Иль тайный страх мне на ухо
шептал?
Но с опасеньем страсть моя бо-
ролась,
А ложный стыд желанье под-
стрекал.
«Нет! — я решил — и на затылке
волос
Мой поднялся, — прийти я обе-
щал!
Какое там ни встречу испытанье,
Мне честь велит исполнить обе-
щанье!»

62

И повернул неверною рукою
Замковую я ручку. Отворилась
Без шума дверь: был сумрачен по-
кой,
Но бледное сиянье в нем струи-
лось;
Хрустальной люстры отблеск го-
лубой
Мерцал в тени, и тихо шевели-
лась

*Подвесок цепь, напоминая мне
Игру росы на листьях при луне.*

63

*И был ли то обман воображенья
Иль истина — по залу пронеслось
Как свежести какой-то дунове-
нье,
И запах мне почувствовался роз.
Чудесного я понял приближенье,
По телу легкий пробежал мороз,
Но превозмог я скоро слабость
эту
И подошел с решимостью к порт-
рету.*

64

*Он весь сиял, как будто от луны;
Малейшие подробности одежды,
Черты лица все были мне видны,
И томно так приподымались
вежды,
И так глаза казались полны
Любви, и слез, и грусти, и надеж-
ды,
Таким горели сдержанным огнем,
Как я еще не видывал их днем.*

65

Мой страх исчез. Мучительно-приятно
С томящей негой жгучая тоска
Во мне в один оттенок непонятный
Смешалась. Нет в мире языка
То ощущение передать; невнятно
Мне слышался как зов издалика,
Мне словно мир провиделся над-
звездный —
И чуялась как будто близость
бездны.

66

И думал я: «Нет, то была не
ложь,
Когда любить меня ты обещала!
Ты для меня сегодня оживешь —
Я здесь, я жду, за чем же дело
стало?»
Я взор ее ловил — и снова дрожь,
Но дрожь любви, по жилам пробе-
гала,
И ревности огонь, бог весть к ко-
му,
Понятен стал безумью моему.

67

*Возможно ль? Как? Недвижна ты
доселе?*

*Иль взоров я твоих не понимал?
Иль, чтобы мне довериться на де-
ле,*

*Тебе кажусь ничтожен я и мал?
Иль я ребенок? Боже! Иль ужели
Твою любовь другой себе стяжал?
Кто он? Когда? И по какому пра-
ву?*

*Пускай придет со мною на распра-
ву!*

68

*Так проходил, средь явственного
сна,*

*Все муки я сердечного пожара...
О бог любви! Ты молод, как весна,
Твои ж пути как мирозданье ста-
ры!*

*Но вот как будто дрогнула стена,
Раздался шип — и мерных три
удара,*

*В ночной тиши отчетисто звеня,
Взглянуть назад заставили меня.*

69

И их еще не замерло дрожанье,
Как изменился вдруг покоя вид:
Исчезли ночь и лунное сиянье,
Зажглися люстры; блеском весь
облит,
Казалось, вновь, для бала иль со-
бранья,
Старинный зал сверкает и горит,
И было в нем — я видеть мог сво-
бодно —
Все так свежо и вместе старо-
модно.

70

Воскресшие убранство и красу
Минувших дней узнал я пред со-
бою;
Мой пульс стучал, как будто бы
несу
Я кузницу в груди; в ушах с прибоею
Шумела кровь. Так в молодом ле-
су
Пернатых гам нам слышится вес-
ною;
Так пчел рои, шмелям гудящим в
лад,
В июльский зной над гречкою
жужжат.

71

Что ж это: сон, и я лежу в постеле?
ле?

Но нет: вот раму щупает рука —
Я точно здесь, вот ясно проскрипели

На улице полозья... С потолка
Посыпалася известь; вот в панели
Как будто что-то треснуло слегка...

Вот словно шелком вдруг зашеле-
стило...

Я поднял взор — и дух мне захва-
тило.

72

Все в том же положении, она
Теперь почти от грунта отделя-
лась;

Уж грудь ее, свечьми озарена,
По временам заметно подыма-
лась;

Но отрешить себя от полотна
Она вотще как будто бы стара-
лась,

И ясно мне все говорило в ней:
«О, захоти, о, захоти сильнеей!»

73

Все, что я мог сосредоточить во-
ли,
Все на нее теперь я устремил —
Мой страстный взор живил ее все
боле,
И видимо ей прибавлялось сил;
Уже одежда зыблилась, как в поле
Под легким ветром зыблется ко-
выль,
И все слышней ее шуршали волны,
И вздрагивал цветов передник
полный.

74

«Еще, еще! Хоти еще сильнее!» —
Так влажные глаза мне говорили.
И я хотел всей страстию моей —
И от моих, казалось, усилий
Свободнее все делалось ей.
И вдруг персты передник упусти-
ли —
И ворох роз, покоившийся в нем,
К моим ногам посыпался до-
ждем.

75

Движеньем плавным платье рас-
правляя,
Она сошла из рамы на паркет,
С террасы в сад, дышать цвета-
ми мая, —
Так девушка в шестнадцать схо-
дит лет.
Но я стоял, еще не понимая,
Она ли то передо мной иль нет,
Стоял, немой от счастья и испу-
га, —
И молча мы смотрели друг на
друга.

76

Когда бы я гвардейский был гусар
Или хотя полковник инженерный,
Искусно б мой я выразил ей жар
И комплимент сказал бы ей при-
мерный,
Но не дан был развязности мне
дар,
И стало так неловко мне и сквер-
но,
Что я не знал, стоять или шаг-
нуть,
А долг велел мне сделать что-ни-
будь.

77

И, мой урок припомня танцеваль-
ный,
Я для поклона сделал два шага,
Потом взял вбок; легко и нату-
рально
Примкнулась к левой правая нога,
Отвисли обе руки вертикально,
И я перед ней согнулся как дуга.
Она ж, как скоро выпрямил я те-
ло,
Насмешливо мне до полу присела.

78

Но между нас, теперь я убежден,
Происходило недоразуменье,
И мой она классический поклон,
Как видно, приняла за приглаше-
нье
С ней танцевать. Я был тем удив-
лен,
Но вывести ее из заблужденья
Мешала мне застенчивость моя,
И руку ей, конфузясь, подал я.

79

Тут тихо, тихо, словно издалека,

Послышался старинный менуэт:
Под говор струй так шелестит
осока,
Или, когда вечерний меркнет
свет,
Хрущи, кружась над липами высоко,
Поют весне немолчный свой привет,
И чудятся нам в шуме их полета
И вьолончели звуки, и фагота.

80

И вот, держась за руки едва,
В приличном друг от друга рас-
стоянье,
Под музыку мы двинулись сперва,
На цыпочках, в торжественном
молчанье.
Но, сделавши со мною тура два,
Она вдруг стала, словно в ожида-
нье,
И вырвался из свежих уст ее
Веселый смех, как рокот соловья.

81

Поступком сим обиженный нема-
ло,

Я взор склонил, достоинство храня.

«О, не сердись, мой друг, — она сказала, —

*И не кори за ветреность меня!
Мне так смешно! Поверь, я не
встречала*

*Таких, как ты, до нынешнего дня!
Ужель пылал ты страстью
неземною*

*Лишь для того, чтоб танцевать
со мною?»*

82

*Что отвечать на это — я не
знал,*

*Но стало мне невыразимо больно:
Чего ж ей надо? В чем я оплошал?
И отчего она мной недовольна?*

*Не по ее ль я воле танцевал?
Так что же тут смешного? И
невольню*

*Заплакал я, ища напрасно слов,
И ненавидеть был ее готов.*

83

*Вся кровь во мне кипела, негодую,
Но вот нежданно, в этот самый*

миг,
Меня коснулось пламя поцелуя,
К моей щеке ее примкнулся лик.
Мне слышалось: «Не плачь, тебя
люблю я!»
Неведомый восторг меня проник,
Я обмер весь — она же, с лаской
нежной,
Меня к груди прижала белоснеж-
ной.

84

Мои смешались мысли. Но не
вдруг
Лишился я рассудка и сознания:
Я ощущал объятья нежных рук
И юных плеч живое прикасанье;
Мне сладостен казался мой недуг,
Приятно было жизни замиранье,
И медленно, блаженством опья-
нен,
Я погрузился в обморок иль сон...

85

Не помню, как я в этом самом за-
ле
Пришел в себя, но было уж свет-
ло.

Лежал я на диване; хлопотали
Вокруг меня родные; тяжело
Дышалось мне, бессвязные блуж-
дали
Понятья врозь; меня — то жаром
жгло,
То вздрагивал я, словно от моро-
зу, —
Поблекшую рука сжимала розу...

86

Свиданья был то несомненный
след —
Я вспомнил ночь, забилося сердце
шибко,
Украдкою взглянул я на портрет:
Вкруг уст как будто зыблилась
улыбка,
Казался смят слегка ее букет,
Но стан уже не шевелился гибкий,
И полный роз передник из тафты
Держали вновь недвижные пер-
сты.

87

Меж тем родные — слышу их как
ныне —
Вопрос решали: чем я занемог?

Мать думала — то корь. На скар-
латине
Настаивали тетки. Педагог
С врачом упорно спорил по-латы-
ни,
И в толках их, как я расслышать
мог,
Два выраженья часто повторя-
лись:
«*Somnambulus u febris cerebri-
alis...*»
[18]

Зима 1872 г. — осень 1873 г.

Дракон

Рассказ XII века
(с итальянского)

Посвящается Я. П. Полонскому

1

*В те дни, когда на нас созвездье
Пса
Глядит враждебно с высоты зени-
та,
И свод небес как тяжесть оперся*

2

*На грудь земли, и солнце, мглой
обвито,
Жжет без лучей, и бегают стада
С мычанием, ища от мух защи-
ты,*

3

*В те дни любил с друзьями я все-
гда
Собора тень и вечную прохладу,
Где в самый зной дышалось без
труда*

4

*И где нам был, средь отдыха, от-
радой
Разнообразной живописи вид
И полусвет, не утомлявший
взгляда.*

5

*Одна купель близ входа там сто-
ит,
Старинная, из камня иссечена,
Крылатым столб чудовищем об-
вит.*

6

*Раз, отдыхом и тенью освежены,
Друзья купель рассматривали ту
И чудный столб с изгибами драко-
на.*

7

*Хвалили все размеров красоту
И мастера затейную работу;
Но я сказал: «Я вымыслов не чту;*

8

Меня смешит ваятеля забота

Такую ложь передавать рез-
цом», —
И потрунить взяла меня охота.

9

Тут некий муж, отмеченный руб-
цом,
Дотоль стоявший молча возле
двери,
Ко мне со строгим подошел ли-
цом:

10

«Смеешься ты, художнику не ве-
ря, —
Так он сказал, — но если бы, как я,
Подобного ты в жизни встретил
зверя,

11

Клянусь, прошла веселость бы
твоя!»
Я ж отвечал: «Тебе я не в досаду
Сказал, что думал, мысли не тая;

12

Но если впрямь такого в жизни
гада

Ты повстречал, то (коль тебе не в
труд),
Пожалуй, нам все расскажи по ря-
ду!»

13

И начал он: «В Ломбардии зовут
Меня Арнольфо. Я из Монцы ро-
дом,
И оружейник был до наших смут.

14

Когда ж совет в союз вошел с на-
родом,
Из первых я на гибеллинов встал
И не одним горжусь на них похо-
дом.

15

Гиберто Кан стяг вольности дер-
жал —
То кондотьер был в битвах зна-
менитый, —
Но близ Лугано, раненный, он пал.

16

Враги, наш полк преследуя разби-
тый,

*Промчались мимо, и с вождем
лишь я
Для помощи остался и защиты.*

17

*«Арнольфо, — мне сказал он, —
смерть моя
Сейчас придет, — тебя ж надеж-
дой рая
Молю: спеши в Кьявенну. Пусть
друзья*

18

*Ведут войска, минуты не теряя,
Они врасплох застанут вражью
рать».
И перстень свой в залог он, уми-
рая,*

19

*Мне передал. Я времени терять
Не много мог, чтобы исполнить
дело,
И, в помощь взяв Господню благо-
дать,*

20

А мертвое плащом покрывши те-

ло,
Проведать шел, где отдохнут
враги
И много ли из наших уцелело.

21

Шум сечи смолк, и вороны круги
Над трупами уже чертили с кри-
ком —
Как за собой услышал я шагу.

22

То Гвидо был. Ко мне с беспечным
лицом
За повод вел он сильного коня,
Им взятого в смятенье том ве-
ликом.

23

Учеником жил прежде у меня
Он в мастерской, и ныне, после
боя,
Меня нашел, любовь ко мне храня.

24

Когда ж узнал, послание какое
Вождем убитым мне поручено,
Идти к друзьям он вызвался со

мною.

25

*Я, преданность ценя его давно,
Тому был рад и думал: вместе оба
Вернее мы достигнем цели, — но,*

26

*Когда бы знал, как близко нас ко
гробу
Он подведет отвагой молодой,
Его любви я предпочел бы злобу.*

27

*Я был верхом; он следовал пешой;
Нерадостен был путь, и не весе-
лье
Моей владело сумрачной душой.*

28

*В стране кьявеннской не бывал до-
сель я,
Но Гвидо был. И, ведомых путей
С ним избегая, в тесное ущелье*

29

Свернули мы, где солнечных лучей

*Не пропускали тени вековые,
Навстречу ж нам, шумя, бежал
ручей.*

30

*Лишь тут снял шлем с усталой
головы я
И в отдаленье ясно услышал,
Как колокол звонил к «Ave Maria».*

31

*И тяжело средь этих мрачных
скал,
И душно так, как бы в свинцовом
скрине,
Мне сделалось. «О, Гвидо, — я ска-
зал, —*

32

*Недоброе предчувствие мне ныне
Сжимает грудь: боюсь, что с пу-
ти
Собьемся мы тут, в каменной пу-
стыне!»*

33

*«Маэстро, — мне ответил он, —
прости:*

*Сюда свернув, ошибся я немного,
Иным ущельем было нам идти!»*

34

*И прежнюю отыскивать дорогу
Пустились мы, но, видно, взять у
нас
Рассудок наш угодно было Богу:*

35

*Куда ни направлялись, каждый
раз
Ущелье мы, казалось, видим то
же,
Их различать отказывался глаз,*

36

*Так меж собой они все были схо-
жи:
Такая ж темь, такой же в ней ру-
чей
Навстречу нам шумел в гранит-
ном ложе.*

37

*И чем мы путь искали горячей,
Тем боле мы теряли направленье.
Без отдыха и не сомкнув очей,*

38

*Бродили мы всю ночь в недоуме-
нье,
Когда ж, для нас незримая, заря
На высотах явила отраженье,*

39

*«Довольно нам, — сказал я, — рыс-
кать зря!
Взойдем сперва на ближнюю вер-
шину,
Чтоб местность обозреть». Так
говоря,*

40

*Сошел с коня я. К дикому ямину
Его за повод Гвидо привязал,
И, брони сняв, мы темную долину*

41

*Покинули. Держась за ребра скал,
Мы лезли вверх и лишь на полдо-
роге,
Среди уступа, сделали привал.*

42

От усталости мои дрожали ноги.

*Меж тем густой, поднявшись,
туман
Долину скрыл и горные отроги,*

43

*И стал я думать, грустью обуян:
«Нет, не поспеть мне вовремя в
Къявенну
И не повесть друзей на вражий
стан!»*

44

*В тумане тут, мне показалось,
стену
Зубчатую увидел я. Она,
Согнутая во многие колена,*

45

*С крутой скалы спускалася до дна
Ущелия, наполненного мглою,
И им была от нас отделена.*

46

*«Друг, — я сказал, — ты с этою
страною
Давно знаком; взглядишь и rozpo-
знай:
Какой я замок вижу предо мною?»*

47

*А он в ответ: «Мне ведом этот край,
Но замка нет отсюда до Къявенны
Ни одного. Обмануты мы, чай,*

48

*Игрой тумана. Часто перемены
Он странные являет между гор
И создает то башни в них, то
стены».*

49

*Так он ко мне. Но, устремив мой
взор
Перед собой, я напрягал вниманье.
Туман же все редел с недавних
пор,*

50

*И только он рассеялся — не зда-
нье
Нам показал свободный солнца
свет,
Но чудное в утесе изваянье:*

51

Что я стеной считал, то был хре-
бет
Чудовища, какому и примера,
Я полагал, среди живущих нет.

52

И я, глазам едва давая веру,
Ко Гвидо обратился: «Должен
быть
Сей памятник столь дивного раз-
мера

53

Тебе известен: он, конечно, нить
Нам в руки даст, чтоб выбратся
отсюда,
Спеши ж по нем наш путь сообра-
зить!»

54

Но он в ответ: «Клянусь, сего я чу-
да
Не знал досель, и никогда о нем
Не слыхивал от здешнего я люда.

55

Не христианским, думаю, резцом
Зверь вытесан. Мы древнего наро-

да
Узнаем труд, коль ближе подой-
дем». —

56

«А не могла ль, — заметил я, —
природа
Подобие чудовища создать,
Как создает она иного рода

57

Диковины?» Но только лишь ска-
зать
Я то успел, сам понял, сколь на-
прасна
Такая мысль. Не случая печать

58

Являли члены гадины ужасной,
Но каждая отчетливо в ней
часть
Изваяна рукой казалась властной:

59

Сомкнутая, поднявшись, щучья
пасть
Ждала как будто жертвы терпе-
ливо,

*Чтоб на нее, отверзшись, на-
пасть;*

60

*Глаза глядели тускло и сонливо;
На вытянутой шее поднята,
Костлявая в зубах торчала гри-
ва;*

61

*Скращенные вдоль длинного хреб-
та,
Лежали, в складках, кожаные
крылья;
Под брюхом лап виднелась чета.*

62

*Спанных чешуй казалось изобилье
Нескладной кучей раковин мор-
ских
Иль старой черепицей, мхом и пы-
лью*

63

*Покрытою. А хвост, в углах кри-
вых,
Терялся в темной бездне. И когда
бы*

*Я должен был решить: к числу ка-
ких*

64

*Тот зверь пород принадлежит,
то я бы
Его крылатой шукою назвал
Иль помесью от ящера и жабы.*

65

*И сам себя еще я вопрошал:
К чему мог быть тот памятник
воздвигнут —
Как вдруг от страшной мысли за-
дрожал,*

66

*Внезапным опасением постигнут.
«А что, — сказал я, — если этот
зверь
Не каменный, но адом был изрыг-
нут,*

67

*Чтоб за грехи нас наказать? По-
верь,
Коль гвельфов он, имперцам на
потеху,*

Прислан терзать — он с нас начнет теперь!»

68

*Но, ветрено предавшись Гвидо
смеху,
«Не много же, — сказал, — получи
т ад
От своего создания успеху!»*

69

*Смотри, как смиренно ласточки сидят
На голове недвижной, а на гриве
Чирикает веселых пташек ряд.*

70

*Ужели их мы будем боязливей?
Смотри еще: со цветом этих скал
Цвет идола один; не схожей в ниве*

71

*Две полосы!» И громко продолжал
Смеяться он, как вдруг внизу тревожно
Наш конь, к кусту привязанный,
заржал.*

72

*И видеть нам с уступа было мож-
но,
Как бился он на привязи своей,
Подковами взметая прах поднож-
ный.*

73

*Я не сводил с чудовища очей,
Но жизни в нем не замечал нима-
ло —
Когда внезапно, молнии быстрей,*

74

*Из сжатых уст, крутясь, явилось
жало,
Подобное мечу о двух концах,
На воздухе мелькая, задрожало —*

75

*И спряталось. Невыразимый
страх
Мной овладел. «Бежим, — сказал
я, — Гвидо,
Бежим, пока мы не в его когтях!»*

76

Но, робости не показав и вида,
«Ты знаешь сам, маэстро, — мол-
вил он, —
Какая то для ратника обида

77

Была бы, если б, куклой уstraшен,
Он убежал. Я ж об заклад побью-
ся,
Что наяву тебе приснился сон.

78

Взгляни еще на идола, не труся:
Изваянный то зверь, а не живой,
И доказать я то тебе беруся!»

79

Тут, камень взяв, он сильною ру-
кой
С размаху им пустил повыше уха
В чудовище. Раздался звук такой,

80

Так резко брякнул камень и так
сухо,
Как если бы о кожаный ты щит
Хватил мечом. Тут втягиваться
брюхо

81

*Его как будто стало. Новый вид
Глаза прияли, тусклые дотолё:
Казалось — огонь зелёный в них го-
рит.*

82

*Меж тем, сжимаясь медленно
все боле,
Стал подбираться к туловищу
хвост,
Тащась из бездны словно поневоле.*

83

*Крутой хребет, как через реку
мост,
Так выгнулся, и мерзостного гада
Еще страшней явился страшный
рост.*

84

*И вот глаза зардели, как лампы-
ды,
Под тяжестью ожившею утес
Затрепетал — и сдвинулась гро-
мада,*

85

*И поползла... Мох, травы, корни
лоз,
Все, что срастись с корой успело
змея,
Все выдернув, с собою он понес.*

86

*Сырой землей запахло; мы ж, не
смея
Дохнуть, лежали ниц, покуда он
Сползал с высот: чем дале, тем
быстрее, —*

87

*И слышался под ним такой же
стон,
Как если с гор, на тормозе желез-
ном,
Съезжал бы воз, камнем нагру-
жен.*

88

*Ответный гул по всем пронесся
безднам,
И не могло нам в мысль уже
прийти
Искать спасенья в бегстве беспо-
лезном.*

89

*Равно ж как тормоз на своем пути
Все боле накаляется от тренья,
Так, где дракон лишь начинал
ползти,*

90

*Мгновенно сохли травы и коренья,
И дымный там за ним тащился
след,
И сыпался гранит от сотрясения.*

91

*«О, Гвидо, Гвидо, сколько новых
бед
Навлек на край неверьем ты упор-
ным!» —
Так я к нему, а Гвидо мне в ответ:*

92

*«Винюся я в моем поступке вздор-
ном,
Но вон, смотри: там конь внизу
бежит,
За ним же змей ущельем вьется
горным!»*

93

*Плачевный тут представился
нам вид:
Сорвавшийся с поводьев, устра-
шенный,
Предсмертной пеной белою по-
крыт,*

94

*Наш конь скакал, спасаясь от дра-
кона,
Скакал во всю отчаянную прыть,
И бились о бока его стремяна,*

95

*Но чудище, растянутое в нить,
Разинутую пастью норовило
Как бы ловчей бегущего схва-
тить.*

96

*И вот оно, нагнав его, схватило
За самую за холку поперек
И со седлом и сбруей проглотило,*

97

Как жаба муху. Судороги ног

*Лишь видели мы в пасти на мгновенье —
И конь исчез. Едва дышать я
мог —*

98

*Столь сильное на сердце впечатленье
То зрелище мне сделало. А там,
В ущелье, виться продолжали звенья*

99

*Змеиного хребта, и долго нам
Он виден был, с своею гривой
странной,
Влекущийся по камням и кустам,*

100

*Свое меняя место беспрестанно,
То исчезая в темной глубине,
То вновь являясь где-нибудь
нежданно.*

101

*И Гвидо, обращая ко мне,
Сказал: «Когда б я, столько вино-
ватый,*

Но столь в своей раскаянный вине,

102

*Смел дать совет: мы, времени без
траты,
Должны уйти туда, на выси гор,
Где дружелюбно будем мы прия-
ты*

103

*От камнетесов, что с недавних
пор
Выламывают мрамор, из него же
В Къявенне новый строится собор.*

104

*А змей, по мне, не на вершинах ло-
же,
Но близ долин скорее изберет,
Где может жить, вседневно
жертвы множа».*

105

*Я юноше доверился, и вот
Карабкаться мы кверху стали
снова
И в полдень лишь достигли до вы-
сот.*

106

*Нигде кругом жилища никакого
Не видно было. Несколько озер
Светилося, одно возле другого, —*

107

*Ближайшее на полускате гор
Раскинулось, пред нами недалеко.
Когда же вниз отвесно пал наш
взор,*

108

*У наших ног, как в ендове глубо-
кой,
Узнали мы поляну, где вчера
Нас жеребий войны постиг же-
стокий,*

109

*И поняли мы тут, что до утра
Всю ночь мы вокруг побоища плу-
тали,
Пока нас тьмы морочила пора.*

110

*Разбросаны, внизу еще лежали
Тела друзей и кони между них*

Убитые. Местами отблеск стали

111

*Отсвечивал меж злаков полевых,
И сытые сидели птицы праздну
На кучах тел и броней боевых.*

112

*Вдруг крик меж них поднялся
несуразный,
И началось маханье черных крыл
И перелет тревожный. Безобраз-
ный*

113

*То змей от гор извивы к ним вла-
чил
И к полю полз, кровь издали по-
чуя.
Тут жалости мне передать нет
сил,*

114

*Объявшей нас, и слов не нахожу я
Сказать, какой нам холод сердце
сжал,
Когда пришлось, бессильно него-
дуя,*

115

*Смотреть, как он немилосердно
жрал
Товарищей и с ними, без разбора,
Тела коней издохших поглощал*

116

*Иль, вскинув пасть, стремитель-
но и скоро
Хватал ворон крикливых на лету,
За трупы с ним не прерывавших
спора.*

117

*Картину я когда припомню ту,
Набросить на нее хотел бы тень
я,
Но в прежнем все стоит она све-
ту!*

118

*В нас с ужасом мешалось омерзе-
нье,
Когда над кровью скорчившийся
змей,
Жуя тела, кривился в наслажде-
нье,*

119

*И с чавканьем зубастых челюстей
В безветрии к нам ясно долетали
Доспехов звяк и хрупанье костей.*

120

*Между людьми на свете есть ед-
ва ли,
Кто бы такое горе ощутил,
Как в этот час мы с Гвидо ощуца-
ли.*

121

*И долго ль зверь бесчестье нано-
сил
Телам, много ждавшим погребен-
нья, —
Не ведаю. С утра лишенный сил,*

122

*На землю я упал в изнеможенье,
И осенил меня глубокий сон,
И снизошло мне на душу забвенье.*

123

Когда, рукою Гвидо разбужен,

*Я поднялся, в долинах уж стемне-
ло,
На западе ж багровый небосклон*

124

*Пылал пожаром. Озеро горело
В полугоре, как в золотом огне,
И обратился к другу я несмело:*

125

*«В какой, скажи, о, Гвидо, мы
стране?
Какое с нами горе иль обида
Случились? Скажи мне все, зане*

126

*В моей душе звучит как панихида,
Но в памяти нет мысли ни од-
ной!»
И прежде, чем успел ответить
Гвидо,*

127

*Я вспомнил все: с имперцами наш
бой,
И смерть вождя, и бегство от
дракона.
«Где он? — вскричал я. — Где наш*

недруг злой?

128

*Нам от него возможна ль оборо-
на?
Иль нам бежать в ущелий тесно-
ту
И спрятаться во глубь земного
лона?»*

129

*Но Гвидо, палец приложив ко рту,
«Смотри, — шепнул мне с видом
опасенья, —
Смотри сюда, на эту высоту!»*

130

*И, следуя руки его движенью,
Страшилище я снова увидел,
Как, медленно свои вращая звенья,*

131

*Оно всползало, меж померкших
скал,
На верх одной, от прочих отде-
ленной,
Что солнца луч последний освещал.*

132

*Свой гордо зев подняв окровавлен-
ный,
На острый верх взобравшийся дра-
кон
Как некий царь с зубчатую коро-
ной*

133

*Явился там. Закатом озарен,
Как выкован из яркой красной ме-
ди,
На небе так вырезывался он.*

134

*Клянусь, ни львы, ни тигры, ни
медведи
Столь не страшны! Никто б не
изобрел
Такую тварь, хотя б в горячке
бредя!*

135

*Когда ж совсем исчез во мраке
дол,
А ночь вверху лишь только насту-
пала,*

Свои он крылья по ветру развел,

136

*И кожа их, треща, затрепетала,
Подобно как в руках у наших жен,
Раскрывшись, трепещут опахала.*

137

*Его хребет казался напряжен,
И, на когтях все подымаясь выше,
Пуститься в лет готовился дра-
кон.*

138

*Меж тем кругом все становилось
тише
И все темней. И вот он взвизгнул
вдруг,
Летучие как взвизгивают мышцы,*

139

*И сорвался. Нас охватил испуг,
Когда, носясь у нас над головами,
Он в сумерках чертил за кругом
круг*

140

*И воздух бил угластными крыла-
ми,
Не как орел в поднебесье паря,
Но вверх и вниз метаяся зубцами,*

141

*Неровный лет являл нетопыря,
И виден был отчетисто для ока
На полосе, где скрылася заря.*

142

*Нас поражал, то близко, то дале-
ко,
То возле нас, то где-нибудь с вы-
сот,
Зловещий визг, пронзительно-же-
стокий.*

143

*Так не один свершал он поворот
Иль, крылья вдруг поджав, как ка-
мень веский
Бросался вниз, и возмущенных вод*

144

*Средь озера нам слышались
всплески,
И он опять взлетал и каждый раз*

Пускал опять свой визг зловеще-резкий.

145

*Проклятый зверь чутьем искал
ли нас
Или летал по воздуху без цели —
Не знали мы, но, не смыкая глаз,*

146

*Настороже всю ночь мы просидели,
Усталостью совсем изнурены:
Вторые сутки мы уже не ели!*

147

*С рассветом дня спуститься с вышины
Решились мы, лишь голоду послушны.
А чудище исчезло ль из страны*

148

*Иль нет — к тому мы стали равнодушны,
Завидуя уж нищим и слепцам,
Что по миру собирают хлеб насущный...*

149

*И долго так влачилися мы там,
Молясь: «Спаси, Пречистая Ма-
рия!»*

Она же, вняв, послала пищу нам:

150

*Мы ягоды увидели лесные,
Алевшие по берегу ручья,
Что воды мчал в долину снеговые.*

151

*И речь того не выразит ничья,
Как укрепил нас этот дар
нежданный*

А с ним воды холодная струя!

152

*Сбиваяся с дороги беспрестанно,
По солнцу наш отыскивая путь,
Достигли поздно цели мы желан-
ной,*

153

*Но что за вид стеснил тогда нам
грудь!*

В кьявеннские воткнуты были

стены

*Знамена гибеллинов! Проклят
будь*

154

*Раздора дух, рождающий измены!
Не в приступе отчаянном взята
Врагом упорным крепкая Кьявен-
на —*

155

*Без боя гибеллинам ворота
Отверзли их сторонники! Без боя
Италия германцу отперта!*

156

*И зрелище увидев мы такое,
Заплакали, и показалось нам
Пред ним ничтожно все страда-
нье злое,*

157

*Что мы доселе испытали. Срам
И жажда мести овладели нами.
Так в город мы пробрались к дру-
зьям,*

158

*Но уж друзья теперь, во страхе,
сами
Спасались от мщения врагов
И вольности поднять не смели
знамя.*

159

*Они родной сбিরались бросить
кров
И где-нибудь сокрыться в подзе-
мелье,
Чтобы уйти от казни иль оков.*

160

*Узнав от нас, что горные ущелья
Чудовищем ужасным заняты,
Подумали они, что мы с похме-
лья*

161

*То говорим, и наши тесноты,
И все, что мы недавно испытали,
За выдумки сочли иль за мечты.*

162

*В неслыханной решились мы печали
Направиться обратно на Милан,*

Но не прямой мы путь к нему держали:

163

*Захваченных врагом минуя
стран,
На Колико мы шли, на Ленъончи-
но,
На Лекко и на Бергамо, где стан*

164

*Немногих от рассеянной дружи-
ны
Оставшихся товарищей нашли
(Убито было боле половины,*

165

*Другие же, вблизи или вдали,
Неведомо скитались). Бергамас-
ки,
Чьи консулы совет еще вели:*

166

*К кому пристать? Не оказали
ласки
Разбитым гвельфам, их же в го-
род свой
Не приняли, однако, без огласки,*

167

*Отправили от Думы городской
Им хлеба и вина, из состраданья,
Не требуя с них платы никакой.*

168

*И тяжело и радостно свиданье
Меж нами было, а когда слезам,
Распросам и ответам отдал
дань я,*

169

*«Товарищи, — сказал я, — стыдно
нам
Врозь действовать иль ждать
сложивши руки,
Чтоб враг прошел по нашим голо-
вам!*

170

*Ломбардии невзгоды все и муки
Лишь от раздоров наших рожде-
ны
И от измены круговой поруке!*

171

Хоть мало нас, поклясться мы

должны,
Что гвельфскому мы не изменим
стягу
И не примкнем к теснителям
страны!»

172

Так прежнюю в них возбудив от-
вагу,
Я их в Милан с собой и с Гвидо
звал,
Они ж клялись не отставать ни
шагу.

173

Тут случай мне их испытать
предстал:
Где через Ольо вброд есть перепра-
ва,
На супротивном берегу стоял

174

Маркезе Монферрато, нам крова-
вый
Прием готовя. Бога в помощь взяв
И вынув меч, я бросился на славу

175

*В средину волн. За мной, кто
вброд, кто вплавь,
Пустились все, пересекая воду,
И берега достигли. Но стремглав*

176

*На нас враги, вплоть подступя ко
броду,
Ударили, и прежде, чем я мог
На сушу стать, их вождь, не дав
мне ходу,*

177

*Лоб топором рассек мне поперек,
И навзничь я ударом опрокинут,
Без памяти, обратно пал в поток.*

178

*Пятнадцать лет весною ровно
минут,
Что свет дневной я снова увидал.
Но — боже мой! — доселе жилы
стынут,*

179

*Как вспомню, что, очнувшись, я
узнал
От благодушных иноков аббат-*

*ства,
Меня которым Гвидо передал,*

180

*Сам раненный, когда он от зло-
радства
Имперцев жизнь мою чудесно
спас
И сам искал убежища у брат-
ства!*

181

*Италии настал последний час!
Милан был взят! Сдалась без обо-
роны
Германцам Брестья! Крема им
сдалась!*

182

*С приветствием к ним консулы
Кремоны
Пошли навстречу, лишь к ее сте-
нам
Германские приблизились бароны!*

183

*Павия ликовала. Горе нам!
Не чуждыми — ломбардскими ру-*

ками
Милан разрушен! Вечный стыд и
срам!

184

Мы поняли теперь, зачем пред на-
ми
Явился тот прожорливый дракон,
Когда мы шли Кьявеннскими го-
рами:

185

Ужасное был знамение он,
Ряд страшных бед с ним предве-
щала встреча,
Начало долгих, горестных вре-
мен!

186

Тот змей, что, все глотая иль
увеча,
От нашей крови сам жирел и рос,
Был кесаря свирепого предтеча!

187

Милан пал в прах — над ним же
вознеслось
Все низкое, что пресмыкалось в

*прахе,
Все доброе низвержено. Пришлось,*

188

*В ком честь была, тому скрывать
в страхе,
Иль дни влачить в изгнании, как
я,
Иль погибать, как многие, на плахе.*

189

*«Проклятье ж вам, поддельные
друзья,
Что языком клялись служить
свободе,
Внутри сердец измену ей тая!*

190

*Из века в век вас да клянут в народе
И да звучат позором вековым
Названья ваши: Асти, Реджьо, Лоди!*

191

*Вы, чрез кого во прахе мы лежим,
Пьяченца, Комо, Мантуа, Кремо-*

*на!
Вы, чьи уста, из злобы ко своим,*

192

*Призвали в край германского дра-
кона!»»
Ломбардец так рассказ окончил
свой
И отошел. Им сильно потрясены,*

193

*Молчали мы. Меж тем палящий
зной
Успел свалить, и, вышед из собора,
На площади смешались мы с тол-
пой,
Обычные там ведшей разговоры.
Весна — лето 1875 г.*

Вихорь-конь

*В диком месте в лесу
Из соломы был низкий построен
шалаш.
Частым хвостом вход остро-
рожно покрыт,
Мертвый конь на траве перед вхо-
дом лежит.
И чтоб гладных волков конь из ле-
су привлек,
Притаясь в шалаше, ожидает
стрелок.*

*Вот уж месяц с небес на чернею-
щий лес
Смотрит, длинные тени рисуя
древес,
И туман над землей тихо всхо-
дит седой,
Под воздушной скрывает он лес
пеленой.
Ни куста, ни листа не шатнет ве-
терок,
В шалаше притаясь, молча смот-
рит стрелок,
Терпеливо он ждет, месяц тихо
плывет,*

И как будто бы времени слышен полет.

Чу! Не шорох ли вдруг по кустам пробежал?

Отчего близ коня старый пень задрожал?

Что-то там забелело, туман не туман,

В чаще что-то шумит, будто дальний буран,

И внезапно стрелка странный холод потряс,

В шуме листьев сухих дивный слышит он глас:

«Вихорь-конь мой, вставай, я уж боле не пень,

Вихорь-конь, торопись, Иванов уж день!»

И как озера плеск, и как полымя треск,

Между пней и кустов словно угольев блеск,

Что-то ближе спешит, и хрустит, и трещит,

И от тысячи ног вся земля дребезжит.

«Встань, мой конь, я не пень,

брось, мой конь, свою лень!
Конь, проворней, проворней, в лесу
дребедень!»
Страшен чудный был голос, конь
мертвый вскочил,
Кто-то прыг на него, конь копы-
том забил,
Поднялся на дыбы, задрожал, за-
храпел
И как вихорь сквозь бор с седоком
полетел,
И за ним между пней, и кустов, и
бугров
Полетела, шумя, стая гладных
волков.

Долго видел стрелок, как чудес-
ным огнем
Их мелькали глаза в буераке лес-
ном
И как далее и далее в чернеющий
лес
Их неистовый бег, углубляясь, ис-
чез.
И опять воцарилась кругом ти-
шина,
Мирно сумрачный лес освещает
луна,

Расстилаясь туман над сырою
землей,
Под таинственной чашу сокрыл
пеленой.
И, о виденном диве мечтая, стре-
лок
До зари в шалаше просидел, оди-
нок.
И едва на востоке заря занялась,
Слышен топот в лесу, и внимает
он глас:
«Конь, недолго уж нам по кустам
и буграм
Остается бежать, не догнать
нас волкам!»
И как озера плеск, и как полымя
треск,
Между пней и кустов, словно уго-
льев блеск,
И шумит, и спешит, и хрустит, и
трещит,
И от тысячи ног вся земля дре-
безжит.
«Конь, недолго бежать, нас вол-
кам не догнать.
Сладко будешь, мой конь, на тра-
ве отдыхать!»
И, весь пеной покрыт, конь летит

и пыхтит,
И за ним по пятам волчья стая
бежит.
Вот на хуторе дальнем петух
прокричал,
Вихорь-конь добежал, без дыханья
упал,
Седока не видать, унялась дребе-
день,
И в тумане по-прежнему виден
лишь пень.
У стрелка ж голова закружилась,
и он
Пал на землю, и слуха и зренья ли-
шен.
И тогда он очнулся, как полдень
уж был,
И чернеющий лес он покинуть спе-
шил.

1912 г.

Сказка про короля и монаха

*Жил-был однажды король, и с ним
жила королева,
Оба любили друг друга, и всякий
любил их обоих.*

*Правда, и было за что их любить:
бывало, как выйдет*

*В поле король погулять, набьет
он карман пирогами,*

*Бедного встретит — пирог! «На,
брат, — говорит, — на здоровье!»*

*Бедный поклонится в пояс, а тот
пойдет себе дальше.*

*Часто король возвращался с пу-
стым совершенно карманом.*

*Также случалось порой, что
странник пройдет через город,
Тотчас за странником шлет ко-
ролева своих скороходов.*

*«Гей, — говорит, — скороход! Ско-
рей вы его воротите!»*

*Тот воротится в страхе, при-
жмется в угол прихожей,*

*Думает: что-то с ним будет —
уж не казнить привели ли?*

*Ан совсем не казнить! Ведут его к
королеве.*

«Здравствуйте, братец, — ему говорит королева, — присядьте. Чем бы попотчевать вас? Повара, готовьте закуску!»
Вот повара, поварихи и дети их, поваренки,
Скачут, хлопчут, шумят, и варят, и жарят закуску.
Стол приносят два гайдука с богатым прибором.
Гостя сажают за стол, а сами становятся сзади.
Странник садится, жует да, глотая, вином запивает,
А королева меж тем бранит и порочит закуску.
«Вы, — говорит, — на нас не сердитесь, мы люди простые.
Муж ушел со двора, так повара оплошали!»
Гость же себе на уме: «Добро, королева, спасибо!
Пусть бы везде на дороге так плохо меня угощали!»

Вот как жили король с королевой,
и нечего молвить,
Были они добряки, прямые, без

всяких претензий...
Кажется, как бы, имея такой
счастливый характер,
Им счастливым не быть на зем-
ле? Ан вышло иначе!

Помнится, я говорил, что жите-
ли все королевства
Страх короля как любили. Все!
Одного исключая!
Этот один был монах, не такой,
как бывают монахи,
Смирные, скромные, так что и
громкого слова не молвят.
Нет, куда! Он первый был в коро-
левстве гуляка!
Тьфу ты! Ужас берет, как поду-
маешь, что за буян был!
А меж тем такой уж пролаз, та-
кая лисица,
Что, пожалуй, святым прикинет-
ся, если захочет.
Дьяком он был при дворе, то есть
если какие бумаги
Надобно было писать, то ему их
всегда поручали.
Так как король был добряк, то и
всех он считал добряками,

Дьяк же то знал, и ему короля
удалось уверить,
Что святее его на свете нет че-
ловека.

Добрый король с ним всегда и гу-
лял, и спал, и обедал.

«Вот, — говаривал он, на плечо
опираясь монаха, —
Вот мой лучший друг, вот мой
вернейший товарищ».

Да, хорош был товарищ! Послу-
шайте, что он за друг был!

Раз король на охоте, наскучив
быстрою скачкой,

Слез, запыхавшись, с коня и сел
отдохнуть под дубочки.

Гаркая, гукая, мимо его пронес-
лась охота,

Стихли мало-помалу и топот, и
лай, и взыванья.

Стал он думать о разных делах в
своем королевстве:

Как бы счастливее сделать народ,
доходы умножить,

Податей лишних не брать, а тре-
бовать то лишь, что можно.

Вдруг шорохнулись кусты, король
оглянулся, и видит —

С видом смиренным монах сто-
ит, за поясом четки,
«Ваше величество, — он гово-
рит, — давно мне хотелось
Тайно о важном деле с тобою
молвить словечко!
Ты мой отец, ты меня и кор-
мишь, и поишь, и кров мне
От непогоды даешь, так как тебя
не любить мне!»
В ноги упал лицемер и стал обни-
мать их, рыдая.
Бедный король прослезился.
«Вставай, — говорит
он, — вставай, брат!
Все, чего хочешь, проси! Коль
только можно, исполню!» —
«Нет, не просить я пришел, уж
ты и так мне кормилец!
Хочется чем-нибудь доказать
мне свою благодарность.
Слушай, какую тебе я открою
дивную тайну!
Если в то самое время, как кто-
нибудь умирает,
Сильно ты пожелаешь, душа твоя
в труп угнездится,
Тело ж на землю падет и будет

лежать без дыханья.
Так ты в теле чуждом хозяином
сделаться можешь!»
В эту минуту олень, пронзенный
пернатой стрелой,
Прямо на них налетел и грянулся
мертвый об землю.
«Ну, — воскликнул монах, — те-
перь смотри в оба глаза».
Стал пред убитым оленем и мол-
ча вперил него очи.
Мало-помалу начал бледнеть, по-
том зашатался
И без дыхания вдруг как сноп по-
валился на землю.
В то же мгновенье олень вскочил
и проворно запрыгал,
Вкруг короля облетел, подбежал,
полизал ему руку,
Стал пред монаховым телом и
грянулся об землю мертвый.
Тотчас на ноги вспрянул монах
как ни в чем не бывало —
Ахнул добрый король, и вправду
дивная тайна!
Он в удивленье вскричал: «Как,
братец, это ты сделал?» —
«Ваше величество, — тот отве-

чал, лишь стоит серьезно
Вам захотеть, так и вы то же са-
мое можете сделать!

Вот, например, посмотри: сквозь
лес пробирается серна,

В серну стрелой я пущу, а ты, не
теряя минуты,

В тело ее перейди, и будешь на
время ты серной».

Тут монах схватил самострел,
стрела полетела,

Серна прыгнула вверх и пала без
жизни на землю.

Вскоре потом упал и король, а
серна вскочила.

То лишь увидел монах, тотчас в
королевское тело

Он перешел и рожок поднял с зем-
ли королевский.

Начал охоту сзывать, и вмиг при-
скакала охота.

«Гей, вы, псаря! — Он вскричал. —
Собак спустите со своров,

Серну я подстрелил, спешите,
трубите, скачите!»

Прыгнул мнимый король на коня,
залаяла стая,

Серна пустилась бежать, и вслед

поскакала охота.
Долго несчастный король сквозь
чащу легкою серной
Быстро бежал, наконец он видит
в сторонке пещеру,
Мигом в нее он влетел, и след его
псы потеряли.

Гордо на статном коне в ворота
въехал изменник,
Слез на середине двора и прямо
идет к королеве.
«Милая ты королева моя, — из-
менник вещает, —
Солнце ты красное, свет ты очей
моих, месяц мой ясный,
Был я сейчас на охоте, невесело
что-то мне стало:
Скучно, вишь, без тебя, скорей я
домой воротился,
Ах ты, мой перл дорогой, ах ты,
мой яхонт бесценный!»
Слышит его королева, и странно
ей показалось:
Видит: пред нею король, — но
что-то другие приемы.
Тот, бывало, придет да скажет:
«Здравствуй, хозяйка!» —

Этот же сладкий такой, ну что
за сахар медович!

Дня не прошло, в короле замети-
ли все перемену.

Прежде, бывало, придут к нему
министры с докладами,
Он переслушает всех, обо всем по-
толкует, посудит,

Дело, подумав, решит и скажет:
«Прощайте, министры!»

Ныне ж, лишь только придут,
ото всех отберет он бумаги,
Бросит под стол и велит при-
нести побольше наливки.

Пьет неумеренно сам да мини-
страм своим подливает.

Те из учтивости пьют, а он под-
ливает все больше.

Вот у них зашумит в голове, нач-
нут они спорить,

Он их давай поджигать, от спора
дойдет и до драки,

Кто кого за хохол, кто за уши
схватит, кто за нос,

Шум подымут, что все прибегут
царедворцы,

Видят, что в тронной министры
катаются все на паркете,

Сам же на троне король, схватившись за боки, хохочет.
Вот крикунов разоймут, с трудом подымут с паркета,
И на другой день король их улицы муть отсылает:
«Вы-де пьяницы, я-де вас научу напиваться,
Это-де значит разврат, а я не терплю-де разврата!»

Если ж в другой раз придет к нему с вопросом кухмейстер:
«Сколько прикажешь испечь пирогов сегодня для бедных?» —
«Я тебе дам пирогов, — закричит король в исступленьи, —
Я и сам небогат, а то еще бедных кормить мне!
В кухню скорей убирайся, не то тебе розги, разбойник!»
Если же странник пройдет и его позовет королева,
Только о том лишь узнает король, наделает шуму.
«Вон его, — закричит, — в позатыльцы его, в позатыльцы!
Много бродяг есть на свете, еще

того и смотри, что
Ложку иль вилку он стянет, а у
меня их не много!»
Вот каков был мнимый король,
монах-душегубец.
А настоящий король меж тем
одинокую серной
Грустно средь леса бродил и лил
горячие слезы.
«Что-то, — он думал, — теперь
происходит с моей
королевой!
Что, удалось ли ее обмануть ли-
цемеру монаху?
Уж не о собственном плачу я го-
ре, уж пусть бы
один я
В деле сем пострадал, да жаль
мне подданных
бедных!»
Так сам с собой рассуждая, ски-
тался в лесу он
дремучем,
Серны другие к нему подбежали, но
только лишь
взглянут
В очи ему, как назад бежать они
пустятся в страхе.

Странное дело, что он, когда был
еще человеком,
В шорохе листьев, иль в пених
птиц, иль в ветре
сердитом
Смысла совсем не видал, а слы-
шал простые лишь
звуки,
Ныне ж, как сделался серной, то
все ему стало
понятно.
«Бедный ты, бедный король, —
ему говорили
деревья, —
Спрячься под ветви ты наши, так
дождь тебя не
замочит!»
«Бедный ты, бедный король, — го-
ворил ручеек
торопливый, —
Выпей струи ты мои, так жажда
тебя не измучит!»
«Бедный ты, бедный король, —
кричал ему ветер
сердитый, —
Ты не бойся дождя, я тучи умчу
дождевые!»
Птички порхали вокруг короля и

весело пели.

«Бедный король, — они говори-
ли, — мы будем
стараться

Песней тебя забавлять, мы рады
служить, как умеем!»

Шел однажды король через гушу,
и видит — на
травке

Чижик лежит, умирая, и тяжело,
с трудом уже
дышит.

Чижик другой для него натаскал
зеленого моху,

Стал над головкой его, и начали
оба прощаться.

«Ты прощай, мой дружок, — чири-
кал чижик
здоровый, —

Грустно будет мне жить одному,
ты сам не
поверишь!» —

«Ты прощай, мой дружок, — шеп-
тал умирающий
чижик, —

Только не плачь обо мне, ведь
этим ты мне не

поможешь,
Много чижиков есть здесь в лесу,
ты к ним
приютишься!» —

«Полно, — тот отвечал, — за ко-
го ты меня
принимаешь!

Может ли чижик чужой родного
тебя заменить
мне?»

Он еще говорил, а тот уж не мог
его слышать!

Тут внезапно счастливая мысль
короля поразила.

Стал перед птичкою он, на землю
упал и из серны

Сделался чижиком вдруг, вспорх-
нул, захлопал крылами,

Весело вверх поднялся и прямо из
темного леса

В свой дворец полетел.

Сидела одна королева;

В пальцах она вышивала, и капали
слезы на пальцы.

Чижик в окошко впорхнул и сел на
плечо к королеве,

Носиком начал ее целовать и пес-
ню запел ей.

Слушая песню, вовсе она позабыла
работу.

Голос его как будто бы ей пока-
зался знакомым,

Будто она когда-то уже чижика
этого знала,

Только припомнить никак не мог-
ла, когда это было.

Слушала долго она, и так ее тро-
нула песня,

Что и вдвое сильнее потекли из
очей ее слезы.

Птичку она приласкала, тихонь-
ко прикрыла рукою

И, прижав ко груди, сказала: «Ты
будешь моею!»

С этой поры куда ни пойдет коро-
лева, а чижик

Так за ней и летит и к ней садит-
ся на плечи.

Видя это, король, иль правильной
молвить — изменник,

Тотчас смекнул, в чем дело, и го-
ворит королеве:

«Что это, душенька, возле тебя
вертится все чижик?»

Я их терпеть не могу, они пищат,
как котенки.

Сделай ты одолженье, вели его
выгнать в окошко!» —

«Нет, — говорит королева, — я с
ним ни за что
не...»

«Ну, так по крайней мере вели его
ты изжарить. —

Пусть мне завтра пораньше его
подадут на
закуску!»

Страшно сделалось тут короле-
ве, она еще больше
Стала за птичкой смотреть, а
тот еще больше
сердитый.

Вот пришлось, что соседи войну
королю
объявили.

Грянули в трубы, забили в щиты,
загремели
в литавры,

С грозным оружием к стенам го-
родским
подступил неприятель,
Город стал осаждать и стены ло-
мать рычагами.

Вскоре он сделал пролом, и все его
воины

с криком
Хлынули в город и прямо к дворцу
короля
побежали.
Входят толпы во дворец, все пада-
ют ниц
царедворцы,
Просят пощады, кричат, но на
них никто и не
смотрит:
Ищут все короля и нигде его не
находят.
Вот за печку один заглянул, ан
глядь! — там,
прикрывшись,
Бледный, как тряпка, король си-
дит и дрожит как
осина.
Тотчас схватили его за хохол, та-
щить его стали,
Но внезапно на них с ужасным
визгом и лаем
Бросился старый Полкан, люби-
мый пес
королевский.
Смирно лежал он в углу и на все
смотрел
равнодушно.

Старость давно отняла у Полкана
прежнюю
ревность,
Но увидев теперь, что тащат его
господина,
Кровь в нем взыграла, он встал,
глаза его
засверкали,
Хвост закрутился, и он полетел
господину на
помощь...
Бедный Полкан! Зачем на свою он
надеялся силу!
Сильный удар он в грудь получил и
мертвый на
землю
Грянулся, и тотчас в него пере-
шел трусишка
изменник,
Хвост поджал и пустился бе-
жать, бежать без
оглядки.
Чижик меж тем сидел на плече у
милрой хозяйки.
Видя, что мнимый король обра-
тился со страху
в Полкана,
В прежнее тело свое он скорей пе-

решел и из
птички

Сделался вновь королем. Он пер-
вый попавшийся
в руки

Меч схватил и громко вскричал:
«За мною,
ребята!»

Грозно напал на врагов, и враги от
него побежали.

Тут, обратившись к народу: «По-
слушайте, дети, —
он молвил, —

Долго монах вас морочил, теперь
он достиг
наказанья,

Сделался старым он псом, а я ко-
ролем вашим
прежним!» —

«Батюшка! — крикнул народ. — И
впрямь ты
король наш родимый!»

Все закричали «ура!» и начали
гнать супостата.

Вскоре очистился город, король с
королевою
в церковь

Оба пошли и набожно там помо-

лился Богу.
После ж обедни король богатый
дал праздник
народу.
Три дни народ веселился. Доста-
точно ели и пили,
Всяк короля прославлял и желал
ему многие лета.
1912 г.

Примечания

1

Сидящий или стоящий напротив (*фр.*).

[^^^]

2

Постоялый двор, гостиница (*итал.*).

[^^^]

Фреска (*итал.*).

[^^^]

Дворец (*итал.*).

[^^^]

Цванцигер — австрийская серебряная монета. — *Примеч. ред.*

[^^^]

6

О боже! Бедняжка! Проклятая дорога! (*итал.*)

[^^^]

Синьор русский (*итал.*).

[^^^]

Книга большого формата — в лист, согнутый пополам (*лат.*).

[^^^]

Рассказ написан на французском языке. Впервые в русском переводе Б. М. Маркевича опубликован в 1884 г. в № 1 «Русского вестника», с. 5–31. Французский текст впервые — «Revue de etudes slaves», т. 26, 1950, с. 15–33.

[^^^]

Имеется в виду Венский конгресс (1814–1815), который завершил войны коалиции европейских держав с Наполеоном I. На конгрессе державы-победительницы заключили договоры, установившие новую политическую карту Европы на основе укрепления феодальной реакции и власти старых династий. Главную роль на Венском конгрессе играли Россия, Австрия и Англия.

[^^^]

На Венском конгрессе был произведен новый раздел Польши между Австрией, Пруссией и Россией. Краков, являвшийся яблоком раздора между ними, был превращен в самостоятельную республику под опекой трех государств.

[^^^]

Меттерних Клемент (1773–1859) — австрийский министр иностранных дел; Гарденберг Карл-Август (1750–1822) — прусский канцлер (глава правительства); Нессельроде Карл Васильевич (1780–1862) — русский дипломат, впоследствии министр иностранных дел. Все трое были активными проводниками реакционной политики Священного союза, организованного для борьбы с революционным и национально-освободительным движением.

[^^^]

Кальме Огюстен (1672–1757) — французский богослов; автор «Рассуждений о явлении ангелов, демонов и духов и о привидениях и вампирах в Венгрии, Богемии, Моравии и Силезии» (1746).

[^^^]

Диана (*рим. миф.*) или Артемида (*греч. миф.*) — богиня луны и охоты; считалась олицетворением неприступной девственности. Адонис (*греч. миф.*) — прекрасный юноша; еще в детстве полюбившая Адониса Афродита отдала его на воспитание владычице подземного царства Персефоне, которая не пожелала расстаться с ним. Спор между богинями решил Зевс: треть года Адонис должен был проводить у Персефоны, треть — у Афродиты, а остальным временем мог распоряжаться по своему усмотрению. Актеон (*греч. миф.*) — охотник, увидевший купающуюся Артемиду; разгневанная богиня превратила Актеона в оленя, и его растерзали собственные собаки.

[^^^]

Бесформенное (*нем.*).

[^^^]

16

Кто хочет, тот может! (нем.)

[^^^]

Вещь в себе (нем.).

[^^^]

Лунатик и мозговая горячка (*лат.*).

[^^^]